
Проф. В. Г. БОГОРАЗ-ТАН

ХРИСТИАНСТВО В СВЕТЕ ЭТНОГРАФИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Annotation

Предлагаемая читателю книга выдающегося отечественного этнографа, лингвиста и общественного деятеля В. Г. Богораза (1865–1936) представляет собой сравнительно-этнографическое исследование христианской религии, выявляющее ее взаимосвязь с язычеством, а также первобытными идеями и чувствами, обрядами и мифами, которые характерны для древних форм религиозных верований. Автор выделяет в христианстве элементы первобытной религии — от образа Бога,

Книга будет интересна не только специалистам — историкам, этнографам, религиоведам, культурологам, но и широкому кругу читателей.

Проф. В. Г. Богораз-Тан

Христианство в свете этнографии

Предисловие

Предлагаемая книга является заключительной частью другого, более обширного труда: «Религия в свете этнографии», печатание которого, к сожалению, отсрочено. Она представляет ряд этюдов различной глубины и обработки, связанных вместе в одно целое. Теоретические предпосылки частью исключены и заменены более или менее подробным практическим выявлением.

Автор считает весьма важным этнографический подход к анализу так называемых высших религий. Для иудейства это сделано Фрезером в его новом сочинении *Folklore in the old Testament*, I, II, III Vol. London, 1919.

Автор использовал это сочинение в первых главах своей книги с соответственными сокращениями и дополнениями. Также и в христианстве он старался выделить древние основные элементы, которые связывают его не только с ближайшими языческими религиями, но и с теми первобытными идеями и чувствами, обрядами и мифами, которые характерны для древней формы религиозных верований. Этот первобытный элемент в христианстве, как и в язычестве, одинаково выпукл и четок.

Так, например, рядом с рассказами и мифами о демонах, живущих в преисподней, в геенне огненной, неожиданно встречаем живущих в болоте чертей. Повидимому, даже народному фольклору свойственно некоторое сознание этого противоречия. Оно выражается в присловьи:

Ты его как ни креста,
А он просится: «В озеро отпусти».

Это присловие прямой дорогой уводит нас от христианства, или, точнее, вместе с христианством, к анимизму, к той первобытной религии, когда вся земля, леса и луга, озера и болота, представлялись населенными разными мелкими духами.

Евангельские бесы, которым Иисус дозволил вселиться в стадо свиней, тоже, разумеется, являются такими же земными и мелкими бесами и не имеют ничего общего с поверженными ангелами «Потерянного Рая» и с архистратигом их Сатаной. Этих свиных бесов было множество и самое имя им было легион. Они жили в стране Гадаринской и были, очевидно, весьма привязаны к своему земному обиталищу. Ибо они «много просили Иисуса, чтобы не высылал их вон из страны той» (Марк, 5, 10).

Мы ставим таким образом перед собою задачу выделить в христианстве элементы первобытной религии и связать их в единое стройное целое. Мы найдем их последовательно в основной трехчленной формуле: бог-отец, бог-сын и бог-дух святой, — и в четвертом прибавочном члене этой установленной троицы, богородице деве Марии, — также в рождении Иисуса и мифе о его крестной смерти.

Такие же точно элементы мы найдем в небесах и в преисподней, разбирая многочисленные ярусы и этажи, на которые разбиты эти загробные царства, описывая различные классы существ, населяющих эти этажи, — архангелов, и ангелов, и просто святых, и просто покойников, и демонов, и адских князей, и грешников, горящих в огне и корчащихся на горячей сковородке. Мы укажем, например, что для этнографа чукотские духи-охотники, которые ловят сетями мелкие души, потом укладывают души в мешки, увозят их домой, режут их на части, жарят, варят и едят, — эти отображения простых первобытных охотников,

созданные ими по собственному образу и подобию, в сущности ничем не отличаются от бесов христианских, которые мучат в аду грешные души, поджаривают их на сковородках с такой же простейшей кухонной целью. Адские сковороды, вертел, кипящий котел, все принадлежности загробной инквизиции указывают явно на связь бесов с древними духами-охотниками. И недаром говорится о так называемой «бесовской кухне».

Так же точно камчадалский ворон Кутх, похитивший у духов темноты огонь для того, чтобы дать его людям, и греческий полубог Прометей, похитивший огонь у Зевса, чтобы дать его людям, и еврейский пророк Илия, низведший молитвой своей огонь на жертву алтаря, и иерусалимский христианский патриарх, доныне ежегодно молитвой своей низводящий небесный огонь на пасхальные свечи, — все эти явления одного и того же порядка.

Непорочное зачатие Иисуса для этнографа вдвигается как звено в целую цепь таких же чудесных сверхъестественных «непорочных», а вернее сказать внеполовых зачатий, — от хвоинки, от маленького зернышка или сухого листочка, проглоченного девицей в питье, от заклинания, от взгляда, от враждебного духа, вошедшего в чрево девицы и там обернувшегося младенцем, и пр. и пр.

Точно также вознесение Христа на небеса или сошествие; богородицы в ад представляют лишь единичные примеры среди бесчисленного множества вознесений и сошествий, практикуемых шаманами первобытных племен в легендах и сказках и даже совсем наяву пред глазами зрителей. Автору приходилось наблюдать неоднократно такие сверхъестественные шаманские странствования, т. е. разумеется, он наблюдал сперва подготовительный обряд, слышал заклинание, видел конвульсии припадка, а затем видел тело шамана, лежащее недвижимо на земле. Далее следовало пробуждение шамана и его живописный и дикий рассказ о дорожных приключениях, — «яко на небеси горе, тако и на земли низу». И можно засвидетельствовать, что эти рассказы бывали такие же беспорядочные и дико-вдохновенные, как любые соответственные эпизоды более высоких религий, например, видение Иезекииля или откровение Иоанна.

Этнограф-первобытник относится с одинаковым хладнокровием к естественному и сверхъестественному, к явлениям веры и галлюцинации, к самообману и просто обману, со всеми переходными оттенками, и в классовом отношении — к классу жрецов и к классу священников и к классу шаманов.

Видения и действия шаманов и жрецов для этнографа суть только данные для исследования, и он приемлет их как объекты своего наблюдения и, стало быть, как факты социально-психологические. Также точно и врач-психиатр приемлет видения своих больных тоже как факты психиатрического исследования.

Глава 1. Ветхий завет. Еврейская магия и колдовство

Христианство родилось из иудейства и в первые два века своего существования было просто одной из иудейских сект, которая, быть может, даже называлась еврейским именем «эбионим» — «бедные».

Евангельские книги, дошедшие к нам в греческом тексте, представляют несомненные следы перевода с еврейского или с арамейского, вплоть до последнего восклицания Иисусова: Элои, элои, лама савахфани! — Боже мой, боже мой, зачем ты оставил меня!

Поэтому следовало бы этнографическому рассмотрению христианства предпослать такое же рассмотрение иудейства.

Однако, с этнографической точки зрения, христианство и иудейство отнюдь не равноценны. Христианство — это сравнительно новая религия, революционного происхождения, формально разорвавшая со своим прошлым.

Иудейство, напротив того, религия большой древности, нараставшая постепенно, шаг за шагом, потом выделившая из себя новый побег — христианство и впавшая в оцепенение.

Это отражается также на различии Ветхого и Нового заветов.

Ветхий завет это не книга, а целая литература, сотканная из множества рассказов и легенд различной ценности. Половина этих рассказов имеет характер не только языческий, но прямо первобытный, связанный с древнейшими формами религии, с анимизмом, оживотворением, магией и колдовством.

Новый завет, как создание более позднего времени, имеет характер иной. Новый завет представляет один эпизод, описанный жидко, с особым красноречием, так сказать, с агит-подъемом, но без сочных и живых красок, свойственных древнейшим описаниям. Эпизоды чудесно вкраплены в нравоучительный рассказ как отдельные изюмины, часто пришиты к нему на живую нитку, приставлены внезапно, ни к селу ни к городу. И можно различить с большой ясностью соединительный шов.

Например, ни с того ни с сего к рассказу о приходе в Капернаум приставлен известный рассказ о том, как Иисус велел Петру поймать в море рыбу, у которой во рту попадается статир, монета в четыре драхмы. Это для того, чтобы уплатить дань на храм за себя и за Петра, по две драхмы с человека (Матф., 17, 27).

С одной стороны, здесь выражается, конечно, мечта бедняков: хорошо бы таким легким способом добывать деньги на расходы и вдобавок на подати. Но с другой стороны рассказ совершенно не связан даже с предыдущим параграфом: «И убьют его и в третий день воскреснет. Они же весьма опечалились».

Помимо того эти чудесные рассказы сопровождаются ссылками на множество достоверных свидетелей, не только живых, но даже и мертвых, воскресших из гробов, подкрепляются многословным подчеркиванием, утомительными повторениями.

«Народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: «Благословен грядущий во имя господне. Осанна в вышних» (Матф., 21, 10).

«Сотник же и те, которые с ними стерегли Иисуса, устрашились весьма и говорили: «Воистину он был сын божий» (Матф., 27, 54).

«И даже Пилат, умывший руки перед народом, сказал: «Невиновен я в крови Праведника сего» (Матф., 27, 24).

Евангельские чудеса обвешены какой-то тенью сомнения, которая до конца не рассеяна. Недаром же вставлен эпизод о неверном Фоме. Но усумнился не один Фома, усумнились и другие. «Иные усумнились», как сказано у Матфея в заключение рассказа о воскресении Христа (Матф., 28, 17).

С другой стороны, евангельские чудеса прямо позаимствованы из Ветхого завета. Из множества примеров, которые напрашиваются при сравнении обоих заветов, приведу только один.

В рассказе о чудесах пророка Елисея сказано:

«И был голод в стране той и сыны пророков сидели пред Елисеем. И пришел некто из Ваал-шалиша и принес человеку божию хлебный початок — двадцать ячменных хлебцев и сырого зерна в шелухе. И сказал Елисей: «Отдай людям, пусть едят». И сказал слуга: «Что тут я дам ста человекам?». И сказал он: Отдай людям, пусть едят; ибо так говорит Господь: «насытятся, и останется». Он подал им и они насытились и еще осталось по слову Господню». (4 Царств, 4, 42–44).

Каждому читавшему Евангелие вспоминаются подвиги Иисуса в том же роде с насыщением толпы малым количеством хлебцев рыбок. Это повторяется раз пять с утомительным однообразием, Матф., 14, 16–26 и тут же рядом 15, 37; Марк, 6, 38; Лука, 9, 13; Иоанн 6, 9. Конечно, евангельские подражатели сочли для себя обязательным далеко перещеголять пророка Елисея, и вместо сотни пророческих сынов они насыщают по несколько тысяч и с свойственной христианству бухгалтерской точностью подсчитывают корзины остатков, как в народной столовке.

«И набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных. А евших было около пяти тысяч человек, не считая женщин и детей» (Матф., 14, 20–22).

С другой стороны, они не скрывают заимствования. В христианском издании Библии против хлебного чуда Елисея можно найти на полях указанные выше ссылки на евангелистов.

Предполагается, что библейские чудеса служат пророчеством и предугаданием евангельских чудес.

Дать этнографический анализ Ветхого завета представляет задачу обширную и сложную.

Фрезер посвятил этому анализу свою последнюю работу, составляющую три тома в 1500 страниц: «Folklore in the old Testament», Studies on the comparative Religion, Legend and Law. London. 1919.

Тем не менее, он дал разбор только отдельных эпизодов, правда, написанный со свойственной ему блестящей и всеобъемлющей эрудицией. Мы ограничимся указанием нескольких ярких примеров из этого и сходных источников, достаточно характерных для остатков анимизма и магии, содержащихся в Ветхом завете.

1. В описании жизни Давида есть соблазнительный рассказ, как он, будучи разбойником в пустыне у Мертвого моря, вместе с дружиной своей, собранной из разного сброда, брал окуп с соседей скотоводов помещиков, за то, чтоб не трогать их стад и не обижать пастухов. Потребовал окуп также с некоего Навала. Но тот, будучи зело пьян, насмеялся над требованием. Оскорбленный Давид опоясался мечом, взял с собой четыреста отборных удальцов и пошел на Навала, говоря: «Пусть то и то сделает бог с врагами Давида, если до рассвета из всего, что принадлежит Навалу, я оставлю мочащегося к стене».

Обещание весьма энергическое, но не весьма благоуханное.

Авигея, супруга Навала, во-время успела умиротворить Давида подарками и льстивыми словами, а потом Навал весьма поспешно и кстати умер, и Авигея тотчас же собралась и села на осла и поехала и сделалась женою Давида, притом же не первую, а вторую или даже третьей женою (1 Царств, 25, 2–42).

Впрочем вдовы не особенно разборчивы, а полевые атаманы всегда увлекали слабый пол. Этим отличался не только белокурый Давид, но даже и суровый Стенька Разин, по крайней мере соответственно народной песне.

В этом соблазнительном и странном рассказе, похожем на роман Вальтер-Скотта из жизни шотландских грабителей скота, проскользнуло место еще более странное.

Авигея сказала: «Если восстанет человек преследовать тебя и искать души твоей, то душа господина моего будет завязана в узле жизни у господина бога твоего, а душу врагов твоих бросит он как бы пращею».

Что это за «узел жизни», в котором для охраны завязана душа главного героя рассказа и каким образом можно бросить душу как бы из пращи?

Первобытные народы вообще считают душу имуществом непрочным. Душу легко потерять. Души ее унесут и сначала, пожалуй, не заметишь. Но потом непременно захиреешь и умрешь. И вот на Целебесе в критические минуты, например, при заразной болезни, шаман убирает в мешок души целой семьи, а потом, по миновании опасности, приносит их обратно и раздает собственникам.

Шаманы различных народов имеют различные врачебные узлы, в которых завязано лечение той или иной болезни. Даже русские знахари имеют такие узелочки, привешенные к божнице как ладонки.

В нужных случаях эти узлы пускают в ход.

Также и в Австралии люди из племени Арунта, тотема дикой кошки, прячут свои души в деревянных чурингах-жужжалках, как бы на хранение, а потом уходят на охоту. Вернувшись они достают свои души из тайников.

В других местах Библии идет речь о таком уловлении душ, от которого уже не спасает благодатный узел жизни.

Так, Иезекииль упрекает еврейских прелестниц, что они уловляют в свои покрывала человеческие души и умерщвляют души, которые не должны умереть, и оставляют жить души, которые не должны жить (Иезек., 18, 18).

Дело идет о чародейских мешочках, куда души прилетают сами. И пророк собирается вырвать души оттуда и пустить их на свободу.

Точно также ловля душ свойственна знахарям и знахаркам у многих племен. На некоторых тихоокеанских островах колдуны, например, расставляют силки у дома обреченных и ловят их души в силки. Силки бывают различных размеров, чтобы уловлять души, большие и маленькие, жирные и худые.

В западной Африке колдуны ловят души «обреченных болезни» в капканы, связывают их в пучки и вешают над огнем. От этого душа ссыхается и съеживается.

В русской сказке солдат поймал смерть в такой волшебный мешок и повесил ее над огнем и та ссохлась и съежилась.

В чукотско-эскимосских рассказах уловление душ в мешки и сети и сушение их у огня встречается постоянно.

Что касается метания души как будто из пращи, то мы встречаем такое действие в шаманском обиходе различных народов. Душу, похищенную злыми духами и перехваченную шаманом на лету, он с силой отбрасывает в сторону. Она улетает как стрела и впивается в землю.

2. У негритянского племени вагимбо на озере Танганайка есть следующий рассказ: «Вождь Вагимбо, убегая от врагов своих из племени ватваки, встретил широкое озеро. Тогда он зарезал барана и в

жертвенной крови омочил свой посох и этим окровавленным посохом ударил по водам. И воды тотчас расступились, и он перешел через озеро».

У племени байа в области французского Конго встречается другой вариант магического бегства через воду. В древнее время, когда еще байа не знали железа, они отправили послов к другому далекому племени кузнецов учиться кузнечному таинству. Послы, переезжая через реку Каден в челноке из коры, опрокинулись и стали тонуть, но тотчас же один из них прибегнул к колдовству, и река расступилась пополам, верхняя половина побежала обратно к истоку, и они перешли по реке как по суше и даже ног не замочили.

Эти любопытные и древние рассказы содержат в себе все основные элементы перехода евреев через Красное море. Конечно, библейский рассказ более упорядочен и стилизован. Вместо реки или озера расступается море: «Воды же были им стеною по правую и по левую сторону».

Позднейшая вставка старается даже рационализировать чудо, привлекая к делу восточный ветер, который гнал воду всю ночь, и море сделал сушею.

Такую же легенду рассказывали греческие авторы о переходе Александра Македонского через узкий залив в Памфилии. Еврейский историк Иосиф Флавий сравнивает этот переход с указанным библейским примером.

А Арриан, специальный историк Александра Македонского, вводит в рассказ изменившийся ветер, который отогнал воду в открытое море.

Чудесный переход евреев по морю яко по суше таким образом вдвигается в рамки фольклора и становится только звеном более широкой цепи.

3. Богоборчество евреев, как известно, начинается с одной темной ночи у брода через речку Йавок. У этой речки некто боролся всю ночь до зари с Иаковом и повредил сустав бедра у него. «И сказал: отпусти меня, ибо взошла заря. И сказал: отныне имя твое будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с богом и человек одолевает будешь» (Бытие, 82, 24). Трудно решить, с кем именно боролся Иаков. Последняя фраза насчет одолевания человека вставлена, очевидно, позднейшими толкователями. Едва ли таинственный борец был Йагве, спустившийся с небес. Во-первых, Йагве нисколько не боится зари. Йагве — бог дневной, а не ночной. Во-вторых, бороться с Йагве один-на-один Иакову было бы не под силу. Вернее этот борец попросту был речной бог из потока Йавок. В таком случае богоборчество Иакова становится обычным эпизодом. Так Менелай боролся с Протеем, владыкой тюленей. Так и Геркулес боролся с речным богом Ахелоем, и побежденный Ахелой тщетно вырывался из его могучих рук.

Что касается тюленей, то морскому охотнику случается нередко бороться с тюленем как будто с человеком. Если отрезать заснувшего тюленя от воды, он бросается прямо напролом. Мне самому приходилось бороться с тюленем в рукопашную, не хуже Менелая, и даже одолеть его.

Между прочим, речные боги, как крокодилы, залегают у самого брода. Царь кафров Дингаан, перейдя реку в брод, ожег жертву в огне, потом жертвенным углем посыпал бегущую воду и тут же приказал воинам напиться воды. Вода, очевидно, была очищена жертвенным углем, остатком жертвоприношения речным богам.

Также и Моисей после истории с золотым тельцом сжег его в огне и уголь растер в порошок. Этим растертым углем он посыпал воду и заставил тотчас же евреев напиться воды.

Обряд очищения вод речных был очевидно тождествен у евреев и у кафров в Африке.

Глава 2. Ветхий завет. Еврейский фольклор. Небесная лестница.

Разделение вод. Магия еврейского скотоводства

Убегая от разгневанного Исав, которого он лишил обманом первородства и отцовского благословения, праотец Яков отправился в страну Месопотамскую, в Харран, к Лавану, брату по матери своей. Кстати же он рассчитывал найти себе жену из своих двоюродных сестер, дочерей Лавана. Ибо мать его неоднократно говорила своему мужу Исааку: «Я жизни не рада от дочерей хеттейских. Если Яков возьмет жену из дочерей хеттейских, то к чему мне и жизнь».

Любопытная бытовая черточка, делающая честь таланту рассказчика, сочинителя этой древней повести. Ибо раньше указано, что Исав, другой сын Исаака, взял себе в жены Иегудифу, дочь Веера хеттеянина, и Вассемафу, дочь Елона хеттеянина. И они были в тягость Исааку и Ревекке.

По дороге Яков пришел на одно место и остался там ночевать, ибо зашло солнце и стало темно. Он взял камень, положил себе под голову и лег спать прямо на земле. Так до сих пор делают все пастухи, ночуя под открытым небом. На Кавказе пастухи еще приговаривают: «Выберу камень помягче и улягусь с удобством». На таком же мягком изголовье уснул и Яков и увидел во сне: вот лестница стоит на земле и касается неба. И ангелы божии восходят и нисходят по ней.

Дальше рассказ на минуту прерывается, и в него входит обычная стилизация: Йагве стоит на этой лестнице и повторяет длинное обещание: «Я дам тебе эту землю и умножу потомство твое как песок земной и сохранию тебя везде, куда ты ни пойдешь» и т. д.

Это обещание, до сих пор совершенно не исполненное, ибо евреев на земле совсем уж не так много, что бы ни говорили антисемиты, повторяется в Библии сотни раз, кстати и некстати. При анализе библейских легенд такие вставки нужно попросту отбрасывать.

Потом рассказ возобновляется: Яков пробудился и сказал: «Как страшно это место. Это дом божий, врата небесные». И нарек место сему имя Бетель, что значит дом божий.

Различные народы указывают такие же места входа в другой мир. Это места унылые и страшные, ущелья и провалы, пустынные площади, усеянные камнями. По большей части это вход в преисподнюю, а не на небеса.

С другой стороны, в разных местах существуют рассказы о лестнице, ведущей с земли на небо. Египетские цари после смерти должны были подниматься с одного неба на другое по веревочной лестнице. Для этой цели в гробницу клали маленькую лестницу.

Русские и черемисские лесенки из теста, которые пекутся для покойников на сороковой день, имеют по семи поперечин — по одной поперечине для каждого из семи небес. Племя монгаров в Непале делает для своих покойников лесенки о девяти поперечинах, ибо на Монгарских небесах девять этажей.

У других племен покойник восходит в небеса с дымом погребального костра. Солнечный или лунный луч также очень часто служит лестницей, по которой земные и небесные люди восходят взад и вперед.

Вавилонская башня — была та же попытка устроить подъем в небеса. Но бог сошел посмотреть на постройку и сильно испугался и сказал: «Вот что начали они делать и не отстанут от того, что задумали. Сойдем же и смешаем их язык так, чтобы они не понимали друг друга». И рассеял их господь, и они перестали строить город».

Точно также у негритянского племени на острове Фернандо-По у берега западной Гвинеи была в прошлом такая же лестница с земли до небес. Какой-то мальчишка стал взбираться к небесам. Мать его

погналась за ним. Тогда боги, испугавшись, что матери с детьми наводнят небеса, опрокинули лестницу и сбросили ее вниз.

Другой способ взобраться на небеса — это пустить в небо стрелу, потом другую, третью — так, чтобы верхняя воткнулась в небо, вторая в кончик первой и т. д. По этой висячей лестнице из сцепленных стрел можно подняться на небо.

Вместо стрелы можно пустить в небеса иголку с ниткой и по нитке взобраться вверх. Это, очевидно, женский вариант.

Другая группа рассказов о лестнице с земли на небо относится к растению с таким длинным стеблем, что по этому стеблю можно взобраться на луну, на полярную звезду и прямо на небеса.

В русской сказке старик со старухой взбираются на небеса по длинному стеблю гороха. Племя торадора на Целебесе взбирается по вьющейся лиане. Замечательно, что лестницей служит повсюду не высокое, крепкое дерево, а именно слабое и ломкое вьющееся растение.

Наконец и знаменитый барон Мюнхгаузен по такому же гороховому стеблю забрался на луну. Он отрезывал его у себя под ногами и надставлял сверху и так поднимался вверх.

Таким образом, небесная лестница, начавшись от праотца Якова, восходит к рассказам барона Мюнхгаузена.

5. Самсон, точнее Шимшон, — буквально, «подобный солнцу», — был судьей во Израиле, но в писании не указано, кого и как именно судил Самсон. Этот еврейский Геркулес, полубог и герой, отличался не знанием судебных обычаев, а сверхъестественной силой и неукротимой храбростью. Он водился с блудницами и женами легкого поведения и даже погиб от жены, лупил филистимлян и мечом и ослиной челюстью, унес из Газы городские ворота с запорами и косяками и поставил их на вершине горы по дороге к Хеврону.

В рассказ вставлен ряд заимствованных вопросов и загадок, как часто бывает в фольклоре. Таковы, например, загадки о пчелах и льве.

Далее Самсон был назорей, от роду не стриг волос и бороды. Сила его заключалась в волосах, и, когда Далила остригла ему буйные космы, сила отступила от него и филистимляне захватили его. Но потом волосы стали расти, и сила опять вернулась.

С одной стороны, солнцеподобный Самсон и сам есть бог солнца, и его отрезаемые и вновь вырастающие волосы — это, очевидно, солнечные лучи, а с другой стороны в легендах различных народов встречается мотив богатырского могущества и силы, соединенных с неостриженными волосами.

На малайской Инсулинде (островная Индия, принадлежащая Голландии) стрижка волос считается магическим средством, ослабляющим крепость остриженного и дающим колдовской перевес тому, кто сумел остричь своего противника.

Сюда же относятся неостриженные кудри германских королей и знатных людей в противоположность бритой голове рабов. Бритые волосы у раба означают лишение силы и самостоятельности.

Нестриженные длинные волосы священников и шаманов имеют, повидимому, другое происхождение.

Шаманы и колдуны у множества племен проявляют в той или иной степени половую превращаемость. Якутский шаман для шаманского действия надевает женский сангях. Половое превращение у шаманов чукотских и коряцких заходит весьма далеко. Одним из наиболее заметных

признаков такого превращения являются у мужчин шаманов длинные волосы, распущенные по плечам или заплетенные в косу.

Иисус Христос, как указано в Евангелии, был назорей и вдобавок родом из местечка Назарета, повидимому, вовсе не существовавшего. Таким образом, Иисус — это назорей вдвойне.

О назореях в Библии сказано: «И бритва не коснется головы его, ибо сей будет назорей божий» (Суд., 13, 5).

Поэтому традиционный образ Иисуса Христа имеет волосы, распущенные по плечам.

б. Благочестивые евреи, как известно, строго соблюдают кухонно-столовое табу: «Не смешивай мясо с молоком и молочными продуктами». Это запрещение составляет вариант и расширение другого табу библейского: «Не вари козленка в молоке его матери».

В еврейском обиходе существует целый ряд кухонно-столовых табу. Таковы: 1) не ешь мяса нечистых животных, домашних или диких. Не ешь мяса животных, зарезанных без соблюдения установленных правил. Это мясо порочное. 2) Ешь только каширное мясо, приготовленное еврейским резником по особому ритуалу. 3) Не ешь крови, в ней душа животного. 4) В Пасху не ешь квашеного теста или хлеба. Ешь только опресноки. Не смешивай пасхальной еды и посуды с будничной. 5) Не смешивай мяса с молочными продуктами.

Талмуд, расширяя и огораживая библейские законы двойным типом своих дополнений, счел за лучшее совсем запретить опасное смешение продуктов. Ибо кто может сказать, не подсунет ли сатана вам в двусмысленную минуту к вашему жаркому из барашка (или козленка) кровосмесительную брынзу от собственной барашковой мамыши. Впрочем, мы увидим ниже, что и это распространительное запрещение тоже имеет древние корни.

Перечитывая Библию, мы видим с удивлением, что этот запрет о матери козленка повторяется несколько раз. (Исход, 23, 19, 34, 26; Второзаконие, 14, 21). Мало того, он входит как десятая заповедь в древнейший извод десяти божественных заповедей.

Таким образом возникает вопрос, откуда же этот странный и настойчивый запрет варить козленка в молоке его матери? Для того, чтобы его объяснить, надо проанализировать обычаи пастушеских народов относительно молока, составляющего их главную пищу. Мы видим вообще, что кочевники склонны считать молоко почти волшебным и, во всяком случае, весьма чувствительным продуктом. У целого ряда племен существует запрет вообще кипятить молоко, так как от этого портится вымя коров, а, стало быть, страдает их молочность. Молоко продолжает сохранять симпатическую связь с выменем, давшим его людям. И, вскипятивши молоко в горшке, мы тем самым вскипятим его в вымени. Горшок замещает вымя.

Так, например, негры-мусульмане области Сьерра-Леоне никогда не кипятят молока и даже не продают его европейцам, опасаясь, что те не станут соблюдать запрет.

Также у племени масаи в Восточной Африке варка молока составляет преступление, которое считается враждебным колдовством и отмщается смертью и убийством.

В особенности опасно варить молоко в первую неделю или две по рождении теленка. Что касается молозива, густого молока наиболее ранней поры, то если одна капля густой жидкости попадет в огонь, то издохнет теленок или корова, или пожалуй и оба. Мало того, иссякнет молоко вообще у коров и у всего молочного скота.

У негров Багима внутренней Африки другой вариант: молоко можно варить никак не для еды, а лишь для ритуальных нужд. Но в первую неделю после отела варить молоко безусловно воспрещается.

Библейское запрещение варить козленка в молоке его матери очень близко к запрещениям, указанным выше. Оно подтверждает, что евреи были некогда пастушеским народом и что мелкий скот, в частности козы, преобладали у них над крупным, как он преобладал также и в стадах Лавана и Иакова. Далее, так как запреты, аналогичные еврейским, в огромном большинстве отыскиваются в Африке, то устанавливается, быть может, этно-географическая связь между номадами еврейскими и хамитско-негритянскими в восточной и центральной Африке.

Молоко, таким образом, следует употреблять не вареным, а сырым. Кислое молоко, простокваша, масло и сыворотка, получаемые из молока без воздействия огня, открыли практический выход развитию молочного хозяйства.

Огонь, как известно, представляет основное воздействие технической культуры на материю, и отбрасывание огненной обработки из-за магических побуждений стало возможно лишь тогда, когда ферментация выдвинула вперед возможность иного воздействия.

Другие африканские запреты проявляют аналогию не только с библейскими указаниями, но и с более расширенными толкованиями, существующими ныне у евреев. Так, например, у племени нанди в британской Восточной Африке нельзя одновременно есть молоко и мясо. После молока нельзя вкушать мясо в течение суток. После мяса нельзя употреблять молоко полсутки, день или ночь. Отступление от этого правила разрешается маленьким детям, родильницам и серьезным больным. Других за нарушение табу подвергают телесному наказанию.

Вышеуказанные масаи идут еще дальше. Они едят десять дней только мясо, потом принимают рвотное, потом десять дней едят молоко и опять принимают рвотное. Все это затем, чтоб ни одна частица мяса не встретилась с частицей молока в желудке потребителя. Особенно строго соблюдают запрет и диету воины масаи.

Из этих сближений вытекает, что еврейское распространенное толкование мясно-молочного табу, хотя и не записанное в Библии, имеет все же древнее происхождение, связанное с пастушеским бытом.

7. В описании чудес пророка Елисея рассказан нижеследующий любопытный эпизод. Елисей даровал хозяйке своей, сонамитянке, пожилой и бездетной, в награду за гостеприимство, — беременность и сына. Построение рассказа сходно даже в мелочах с такой же беременностью, которую бог даровал Сарре тоже в награду за гостеприимство, поев ее телятины. Очевидно, при множестве библейских и евангельских чудес иссякала фантазия рассказчиков, поздним приходилось переписывать у ранних.

Через несколько лет у осчастливленной сонамитянки умирает ребенок, и в полном отчаянии она обращается к Елисею и увлекает его в свой дом уговорами, слезами и даже прямым насилием.

Дальше начинается сцена оживления мальчика. Елисей пробует сначала оживить ребенка возложением своего жезла. Но ребенок не пошевелился. Возложением жезла легче пробудить живого ребенка, чем мертвого.

Тогда Елисей прибег к решительным мерам: «И поднялся и лег на ребенка и приложил свои уста к его устам, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням и простерся на нем и согрелось тело ребенка. И встал и прошелся по горнице взад и вперед, потом опять поднялся и простерся на пол. И чихнул ребенок раз семь и открыл ребенок глаза свои» (4 Царств, 4, 31–35).

В этом поразительном рассказе есть элементы искусственного оживления — которое у разных народов является средством народной медицины и позаимствованы ученой медициной сравнительно недавно, — и также элементы шаманства.

В фольклорной сокровищнице человечества встречается почти неисчислимое множество описаний магического воскрешения покойников, в особенности детей. И каждое описание заканчивается тем, что ребенок чихнул и вздохнул и открыл глаза свои. Примеры за их общеизвестностью излишне приводить.

Между прочим, такое же чудо и с теми же приемами произвел над умершим отроком и пророк Илья, учитель Елисея. Чудо Ильи рассказано (3 Царств, 47, 21) кратко, словно мимоходом, и трудно решить, какой вариант основной, в 3-й или 4-й книге Царств.

Также и в евангелиях воскресение дочери Иаировой Иисусом описано с некоторыми сходными подробностями (Матф., 5, 18; Марк, 5, 35; Лука, 8, 49).

8. Можно привести из Библии целый ряд отрывков и примеров, допускающих весьма интересный этнографический анализ.

Сделаем несколько более коротких указаний. Вот колдовские черты: серебряная чаша Иосифа в Египте, которую слуга положил в мешок Вениамину. «Из этой чаши пьет господин мой и он гадает на ней» (Бытие, 44, 5).

Аэндорская колдунья, вызвавшая тень Самуила из гроба, и множество других еврейских колдунов и колдуний, которые вызывают мертвецов и заставляют их говорить голосом глухим и пискливым, выходящим из под земли. Таков по указанию Исаяи (29, 4) голос чревовещателя, выходящий из под праха.

Имея общение с шаманами эскимосскими и чукотскими, я неоднократно слышал тоже голоса, чревовещательно исходившие из глубины земли. Они были действительно глухи и пискливы.

А вот бытовые подробности:

Триста воинов судьи Гедеона, подойдя к воде, лакают воду, как лакает пес. Другие пьют воду из горсти, и это считается даже признаком изнеженности. О чашке или черепке нет и речи. Воину не нужно черепка.

Ионафан, сын Саула, избивал филистимлян с утра и до вечера, и рука его ослабела. И он протянул палку и обмакнул ее в сот медовый (от диких пчел) и поднес ко рту, и глаза его просветлели: Но тем самым он нарушил табу, заклятие, наложенное отцом его Саулом на воинов, чтоб не касаться в тот день пищи до вечера. За нарушение табу Ионафан повинен смерти. Но весь народ освободил Ионафана от заклятия, и не умер он.

Иаков у колодца встречается с Рахилью, своей будущей невестой и приветствует ее по старому обычаю поцелуем и слезами.

Приветствие слезами, даже горьким плачем, рыданиями и воем встречается у различных народов, более или менее первобытных.

Из Библии можно бы сделать извлечения, отбросив стилизацию и позднейшие вставки и вообще исключив весь элемент, собственно религиозный. Останется собрание рассказов и романов, материал для занимательного чтения. У английских и американских кальвинистов еще совсем недавно светское чтение строго преследовалось, особенно для девушек. Но Библия заменяла девицам любовные романы и занимательные повести. Таковы, например, идиллия Руфи и необузданная чувственность Песни Песней и ужасная история наложницы Левита, которую жители Гивы Вениаминовой взяли и «смирили» и забавлялись ею до самого утра, пока она не умерла. И жалостная повесть о девице Галаадской, которую зарезал собственный отец, по обету господу, на всеожжение. Но предварительно поплакал и сказал: «Я обещал тебя господу и не могу отречься».

И галаадские воины, которые погромили строптивых ефремлян и обратили их в бегство. И отняли у них переправу через Йордан. И когда ловили беглеца, говорили: «Не ефремлянин ты?» А он, конечно,

говорил: «Нет!» Они говорили ему: «Скажи шибболет!» А он говорил: «сибболет!» и не мог иначе выговорить. И они закаляли его у переправы через Иордан.

Так и махновские погромщики ловили еврея и говорили ему: «Скажи: муха!» А он говорил: «муххха» с гортанным придыханием и не мог иначе выговорить. И они закаляли его у переправы через Днепр.

Таким образом, от буйного разбойника Йеффая, вождя галаадских погромщиков, можно дойти до батьки Махно.

Глава 3. Методы развития религии

Прежде чем перейти к анализу христианства, нужно сказать несколько слов о методах развития религии.

Развитие религии и вообще выделение из простого анимизма более высших форм происходит медленно. Религия вообще консервативна. Из всех проявлений социальной и духовной культуры религия обладает наибольшей инерцией и косностью. Даже переходя в так называемую высшую форму, она сохраняет все старые атрибуты, в особенности материальные. Например, христианство (православие, католичество) сохранило иконы и статуи, амулеты, старинную форму одежды жрецов (восточных): сутану и рясу, старинные церковные напевы, идущие из Сирии, и мертвые языки — латинский, церковно-славянский. Также и в иудействе язык древне-еврейский, в парсизме — зендский, являются языками мертвыми. В Исламе арабский язык для турков и северных негров является тоже чужим, непонятным, т.-е. мертвым.

Эту тяжелую инерцию можно найти уже в первобытных религиях. В чукотском обиходе каменный молот и плоская каменная плитка после введения железа отступили назад по двум направлениям: 1) — в женскую кухню, а 2) — в домашнюю святыню. Обе эти области весьма консервативны.

Эскимосские заклинания составляются на так называемом языке духов, т.-е. на древнем, отжившем, уже непонятном наречии. У евреев обрезание в полном разгаре железного века еще совершалось каменным ножом. Так, Сепфора, жена Моисея, взявши каменный нож, обрезала крайнюю плоть сына своего (Исход, 4, 25).

В этнографии эти разрозненные обломки и остатки прошлого, потерявшие свой прежний смысл, но сохраняемые в силу инерции, называются *пережитками*.

Даже материальная культура при всей рациональности своей переполнена такими пережитками, ненужными и странными. Такими пережитками являются, например, пуговицы на рукавах сюртука, унаследованные от прежних манжет, и галстук, преобразованный из шарфа.

Религия представляет сплетение подобных пережитков различной древности.

И можно сказать, что и в целом она является огромным сплошным пережитком. С другой стороны, даже древнейшие части ее живут какою-то странной, зловещею жизнью и, противно всеобщему закону, нередко обращаются назад и укрепляют потерянные позиции.

Таким примером обратного укрепления религии является, например, христианское идолопоклонство, католическая инквизиция, иезуитский орден и пр.

Возможное развитие религии движется в сторону выделения отдельных духов и превращения их в более могущественные божества. Этот процесс выделения начинается обыкновенно с духов хозяев, связанных с более рельефными и крупными явлениями природы. И прежде всего со светилами: месяцем, солнцем, планетами и звездами. Вначале выделяется, обыкновенно, месяц, вероятно в связи со своей постоянной изменчивостью. Счисление дней ведется повсюду по месяцам, ибо промежуток от новой до новой луны легко запоминается и становится первою мерой. Год — это двенадцать лунных месяцев, четыре сезона: весна, лето, осень, зима. Дальнейшая увязка солнечной и лунной меры года представляет начало астрономии.

Лунно-солнечное исчисление года встречается в Вавилоне и в Риме, в Центральной Америке у майя и ацтеков. И повсюду такой переход. Лунный месяц делится на четыре четверти — недели. В месяце 30 дней.

В году 12 месяцев, 360 дней. Между месяцами три дня промежуточных, темных. В году добавочных 5 дней, не вводимых в месячный счет. Получается 365 дней.

Солнце вначале не обращает на себя особого внимания, именно, в силу своего постоянства, особенно в теплом климате. Потом оно становится парным божеством к Месяцу, но месяц является мужским божеством, а солнце — женским. (Между прочим, по-русски, месяц мужского рода, а солнце, в сущности, женского, — древняя форма *солонь*, откуда «посолонь», «ходить посолонь». Также и по-немецки — *der Mond* — месяц — мужского рода, а *die Sonne* — солнце — женского. В дальнейшем солнце, становится мужским божеством — латинское *Sol*, а месяц женским — луною. Это особенно рельефно в латинской мифологии, где существуют рядом *Lunus* и *Luna*). Божествами являются также восход и закат; полдень и полночь; гром, с его олицетворением орлом — громником: главнейшие ветры; горы, особенно вулканы, реки, озера и моря.

Рядом с солнцем вырастает божество — могучий и яркий Огонь, в индийской мифологии — Агни. Небо и Земля также обособляются в виде божеств.

Процесс выделения этих божеств происходит медленно. Вначале они представляются самыми обыкновенными духами. Месяц и Солнце, это одна брачная пара; Западный и Восточный ветер — другая. Эти супруги поссорились и с бранью вылетают друг другу навстречу. Восход и Закат — товарищи по общей жене.

Звезды соединяются в созвездия, и каждое созвездие является мужчиной, женщиной, животным. Рассказы о созвездиях имеют одинаковый характер решительно повсюду: Млечный путь у северных народов — Песчаная река, Лыжная дорога и т. д. Плеяда по русским легендам — Утиное гнездо, по северным — Кучка женщин, Семь сестер, или при другом подходе к внешнему виду созвездия — Сито с семью дырочками. Греческий «Дельфин», представляется чукчам «Тюленем». Полярная звезда повсюду есть Макушка неба и в то же самое время Воткнутый кол, куда привязан Небесный олень или конь, вокруг которого движутся все прочие звезды.

Мало-по-малу указанные духи вырастают и становятся богами. Они претерпевают при этом самые причудливые изменения и превращения. Например: солнце становится богом Солнца — Гелиосом, а потом богом Света и Поэзии — Апполоном. Вулкан — бог подземного Огня, становится богом кузнецов и оружейников.

В Египте Изида, богиня Луны и также Земли, сливается с жертвенно-тотемным животным — коровой. У греков Диана, богиня Луны, является богиней Охоты. Эти укрепленные образы богов распадаются все же на множество более мелких, местных воплощений. Зевс, например, есть Олимпийский и Критский, Додонский и Ликейский и разные другие.

Эти местные образы большею частью сплетаются с старинными и чтимыми местными изображениями из дерева, из камня, из металла. Точно также в христианстве. Богородица дева распадается на местные изображения, иконы «образа» — Влахернская божья мать, Остробрамская, Почаевская и в Угорской Руси — Пучанская, Тихвинская, Иверская, Казанская и множество иных.

Таким образом перемешиваются и перепутываются отдельные боги, произведенные то от светил и стихий и главнейших явлений природы, то от их отдельных атрибутов: от света, от силы разрушения, от гнева. Также сохраняют свою святость и множество их более мелких и местных воплощений, жертвенно-тотемные животные, образы предков и героев.

Древние священные изображения всех этих божеств бывают нередко безобразные и стертые — какой-нибудь бесформенный камень, как тот, например, который вделан в стену мусульманской Каабы, или обрубок дерева с еле намеченными линиями. Рядом с этим создаются новые художественные статуи

благородной формы, из драгоценного материала. Так, например, у древних греков, рядом с драгоценными изображениями Паллады и Зевса работы Праксителя и Фидия существовали, не менее чтимые, старинные чурбаны и обрубки.

Все это множество богов ведет непрерывную борьбу за господство и власть, не хуже настоящих царей. Впрочем, местные цари и местные боги всегда поддерживали друг друга.

Так, Меша, царь моавитский, в надписи на каменной стеле (таблице), найденной в Палестине, говорит: «Я воздвиг эту высоту в честь Хамоса, ибо он спас меня от всех царей и дал мне наслаждение видеть гибель всех моих ненавистников».

В Библии об этом же Меше рассказано, что, будучи осажден израильтянами в крепости Кир-Харешете, после неудачной вылазки, он взял своего первенца и вознес его на всеожжение на стене (4 Царств, 8, 27). Вот каким образом Меша поквитался со своим богом Хамосом.

Библейский рассказ продолжает: «Это произвело большое негодование в израильтянах, и они отступили от него».

Таким образом, человеческое всеожжение Меши не осталось напрасным и, как видно, даровало ему победу над осаждавшими израильтянами. Их негодование прибавлено позднее для самоутешения.

Впрочем и сами израильтяне постоянно заключали со своим богом Иеговой — Йагве договоры о взаимной поддержке. И торжественное всеожжение играет при этом выдающуюся роль. Так, Соломон, построив храм Йагве, совершил такое всеожжение и вознесение мирных жертв, что медный жертвенник, который был перед Господом, оказался мал для всего приношения. После этого удовлетворенный Йагве явился к Соломону и сказал: «Я услышал молитву твою и прошение твое, о чем ты просил меня».

Также и в человеческих всеожжениях пред Йагве недостатка не было. Йагве, как известно, отменил жертвоприношение первенцов в первый раз в истории с Авраамом и Исааком, а второй раз при двенадцатой казни египтян, во время исхода евреев. Но вместо всеожжения своих осталось всеожжение врагов.

Так при Иеровоаме человек божий подошел к жертвеннику и сказал к нему слово Господне: «Жертвенник, жертвенник, родится сын дому Давидову, имя ему Иосия, и принесет на тебе в жертву священников, совершающих курение и человеческие кости сожжет на тебе» (3 Царств, 13, 2).

Это «предсказание» исполнилось через триста лет в последние годы иудейского царства. «И заколол (Иосия) всех жрецов высот и кости человеческие сжег на жертвенниках» (4 Царств, 23, 20).

Таким образом заключительный акт благочестия израильских и иудейских царей во славу Йагве состоял в сожжении на жертвеннике человеческих жертв.

В конце концов, выделяется из этого смешения богов господствующая группа — система богов, пантеон. Эта организованная система богов удерживает свою позицию более или менее прочно и, так сказать, укрепляет свою власть в небесах. Легенды и рассказы переделываются и приспособляются к этой новой группе божеств. Также точно и обряды, праздники, храмы, процессии и весь религиозный обиход приспособляется к группе богов-победителей.

Такие центральные группы богов были, например, у греков и у римлян, у персов и индусов, у египтян, у ассирийцев и вавилонян и т. д.

Внутри пантеона продолжается также борьба за господство. Боги соединяются в меньшие группы, например, в триады — троицы.^[1] На более ранней стадии мы видели чаще всего брачные пары. Здесь же выделяется троица — отец, мать и сын. Например, весьма известная египетская троица — Озирис, Изиды и Гор. Или другой тип троицы, три равноправные главные бога, как у индусов: Брама, Вишну, Шива. Эта

небесная, божественная троица странно напоминает земные триумvirаты, которые несколько раз получали верховную власть над Римом: Октавий, Антоний, Лепид; Цезарь, Помпей, Красс.

Однако, у многих народов, даже вместе с переходом к железу и земледельческой культуре, религия отставала в развитии и оставалась на стадии анимизма. Так было в восточной Европе у финнов и русских славян.

Так называемые суеверия, т.-е. остатки древнейших верований у финнов и у русских в настоящее время чрезвычайно близки между собой. Это по преимуществу духи-хозяева, лешие, водяные, домовые, банные, рижные, речные и лесные русалки (по-украински «нявки»). У русских эти образы более стерты, безыменны. У финнов сохранились имена и индивидуальные черты. Такова, например, черемисская Овда, женщина, живущая в лесу или в пещере, волосатая, голая, с длинными отвислыми грудями.

Такое сходство мифологических образов, очевидно, существовало и раньше. У славян и финнов были одинаковые кудесники, волхвы, в роде сибирских шаманов. По свидетельству первых христианских проповедников они приводили себя в возбуждение посредством «вертимого плясання» и после служения падали в оцепенение. Об этом вертимоном плясании христианские проповедники отзываются с наибольшей ненавистью. Мы знаем далее, что славяне молились и приносили еду и питье роду и роженицам — предкам, вероятно деду и бабушкам. Тут, может быть, есть отзвук многоженства. Остатки этого сохранились и теперь, например, у белорусов. Поклонялись «берегиням» и тем же русалкам, известным и теперь. Древние источники их называют «вилами», сходно с сербским названием. Поклонялись овину, т. е. собственно овинному огню, который сушит хлеб. Овинника и рижника знают и современные крестьяне. Что касается собственно богов, мы знаем лишь несколько имен. Таковы указанные в летописи, в «Слове о Полку Игореве» и пр.: Перун и Волос — скотный бог, Дажьбог, Стрибог, Симаргл, Троян, Хорс и женский образ — Мокош. Знаем еще Ярилу и Купалу. Точного определения этих божеств мы однако не имеем. Повидимому, Перун был громником, Волос — богом торго и скота, как древнего менового средства, Мокош — финского происхождения, Купала — бог летнего урожая, Ярило — бог любви, урожая человеческого. Дажьбог связывается с солнцем, Стрибог — с ветром.

Есть намеки на общую систему богов. Так Дажьбог — Солнце-огонь называется Сварожичем, сыном Сварога. Русские названы Дажьбожьими внуками, ветры Стрибожьими внуками. Река Днепр — это Днепр-Словутич.

Мы знаем также, что в Киеве при первых варяжских князьях, например, при Игоре, стоял идол Перуна, а Владимир поставил в Киеве на холме у своего теремного двора шесть истуканов и седьмого Волоса внизу на Подоле. Также послал Добрыню поставить Перуна в Новгороде. Вероятно в других городах было сделано то же.

Новгородцы отнеслись к Перуну равнодушно и даже насмешливо. По крайней мере через девять лет, когда тот же Добрыня, вводя христианство, велел сбросить Перуна в воду, новгородцы напутствовали бога так: «До сыта еси поел попил, а ныне поплыви прочь».^[2] Киевляне, напротив, бежали за идолом Перуна и кричали ему: «Выдыбай, Боже».^[3] С другой стороны, именно новгородцы сопротивлялись введению христианства, и Добрыня крестил их огнем, а Путятя мечом.

Киевские кумиры были деревянные, украшенные золотом и серебром, им, повидимому, приносились человеческие жертвы. Но стояли они всего, как указано, девять лет и потом были сброшены и уничтожены. Это отсутствие корней у киевского языческого пантеона историки стараются объяснить тем, что то была не народная, а дружинная вера, слагавшаяся из разнородных элементов.

Наконец, по описанию арабского путешественника Ибн-Фадлана от X века на реке Итиль, т. е. Волге, у города Болгара, русские, т. е. славяно-варяжские купцы, имели открытое капище, где стояли вокруг главного бога Волоса несколько идолов. Руссы приносили им жертвы рогатым скотом и овцами.

Во всяком случае одно несомненно. Русская система богов была принесена сверху и пала, не успев укрепиться. Народные верования восточных славян остались всецело на ступени анимизма.

Мы указывали в другом месте, что в самом начале религии человек создает себе духов по собственному образу и подобию. Этот процесс продолжается и дальше. При этом уподобление бывает не только индивидуальное, но и групповое. Греческие боги, описываемые с таким старанием и любовью в Илиаде и Одиссее, совершенно подобны вождям и героям троян и ахейцев. Неистовый Арес (Марс) подобен не менее неистовому Аянту. Хитрость Гермеса и хитрость Одиссея совершенно того же порядка. Зевс и Гера, Агамемнон и Клитемнестра — это две одинаковые брачные царские пары, — одна небесная, другая земная. Небесная правящая группа списана с земной.

Также и в дальнейшем, например, в византийском православии, небесная организация с богом-отцом во главе и с подчиненным ему небесным воинством, силами и ликами, подобна земной организации византийского войска и двора.

С другой стороны, небесная организация, идеологически окрепнув и отлившись в чеканные формы, в свою очередь, влияет на организацию земную. В этом случае, царство земное действительно строится по образу и подобию царства небесного.

Московское самодержавие, петербургский романовский цезаре-папизм, строились в значительной степени по образу небесной бюрократии, унаследованному от Византии. Николай I написал на Исаакиевском соборе характерное посвящение: «Царю царствующих».

В результате дальнейшей борьбы все тех же главнейших богов выделяется единая правящая кучка — триада, единое семейство. Все остальные боги принижаются и подчиняются или отбрасываются прочь. Однако и более мелкие боги и духи различных категорий, все это несметное разнообразное скопище, ничуть не исчезает. Они подчиняются главным богам и составляют, так сказать, небесный народ, высшие и низшие классы и простую, рядовую демократию.

Таким образом, жители неба социально организуются подобно земле.

Процесс концентрации божеств далеко не всегда доходит до самого конца. Например, даже в христианстве, как в католическом, так и в православном, в сущности, нет никакого единобожия. Правящее место занимает семейная группа. Йагве отец, мать, сын и, наконец, дух святой.

В иудействе Йагве-Саваоф победил всех своих соперников и братьев Хамоса, Ваала, Мелькарта, тем не менее он сохранил все свойства языческого бога — неистового, свирепого, слепого племенного тотема, покровителя избранного племени в ущерб остальным.

Поэтому древнее еврейское единобожие часто называется на научном языке не монотеизмом, а монолатрией. Слово монолатрия (по-гречески — *μόνολατρεία*) означает «единопочитание». От такого же греческого корня происходит и латинское слово *idolatria*, идолопоклонство. Такое сопоставление имеет целью выявить, что по существу еврейское единобожие несколько не выше язычества.

Единобожие более отвлеченного типа возникает в порядке позднейших революций. Таково мусульманство, возникшее в борьбе с православием, и позднее протестантство — в борьбе с католичеством.

Рядом с организацией и концентрацией божеских образов, сведенных в единый пантеон, происходит параллельная концентрация обрядов, сведенных вместе в одну определенную схему. Смешанные и

спутанные обряды вытесняют друг друга или сливаются вместе и, таким образом, на смену естественной схеме обрядов, связанной с годовым циклом, возникает другая, искусственная схема, столь же стройная, но уже независимая от сезонных обрядов и празднеств. Впрочем и до сих пор христианская пасха, остается праздником весенним, а христово рождество праздником зимним, связанным с солнцеворотом.

Такую же организованную форму принимает и жречество, которое делится на классы высшие и низшие, а также смыкается в коллегии, связанные вместе и соотносительные пантеону богов. Взаимодействия верований и божеств, жрецов и обрядов вырабатывает подробную систему предписаний мелочных и дробных и в то же время закрепленных незыблемым авторитетом.

С другой стороны вся эта организация выделяет идеологию, хотя, и нелепую по существу, но достаточно авторитетную, чтобы давать явлениям религии толкование и смысл. Система эта, вместе взятая, представляет церковь. Таким образом церковь является связующей формой религии, приемником ее идеологии, а также социальной группой, имеющей особую материальную технику и экономическую базу. Тем самым церковь поднимается до уровня класса.

Глава 4. Троица. Бог № 1. Образ творца у первобытных народов. Бог отставной или ущемленный

Христианский символ веры начинается описанием член за членом божественной троицы, единосущной и живоначальной, составляющей краеугольный камень всей христианской мифологии. Бог-отец, бог-сын и бог-дух святой. В эту троицу входит также и четвертый член — богородица дева Мария, который в некоторых сектах и ересях прямо замещает духа святого. Дух является в виде женского начала; Софья — премудрость. Евноия — благоемурие. Мы увидим далее, что видимый образ духа святого — голубь связан очевидно с женским божеством.

Прежде всего надо сказать несколько слов о самом значении троицы. Почему именно три бога, а не больше и не меньше? Тройная святыня связана с особым значением числа три во многих первобытных системах нумерации. У самых первобытных племен отсутствует даже число три, — и счет ведется примерно так:

У австралийцев

Тройка как единое число еще не существует. Существует только двойка. Вероятно, такая система исчисления связана с осознанием простейшей раздельности. Я и Оно, Я и Мир. С этой простейшей раздельности начинается также и развитие религии.

На следующей стадии счисления возникает, наконец, представление и слово: тройка. Психологически тройка представляет осознание нижеследующей раздельности: Я, Ты, Оно. Я — говорящее лицо, Оно — представляет внешний мир, а Ты — представляет другого человека — социальный элемент. Таким образом, тройка сочетает восприятие естественно-научное и восприятие социальное. Счисление ведется так:

Племя тоба в Южной Америке

Такая система нумерации существует чрезвычайно долго и только потом заменяется системой пятеричной и десятичной, основанной на принципе совершенно ином и связанной тесно и наглядно с теми самородными счетами, которые нам подарила природа в виде наших двух рук и десяти пальцев.

Одновременно с тройкой, хотя и независимо от нее, в счисление входит элемент умножения, дополняющий прежние методы простого сложения. Такова, например, указанная выше формула для 4 и 6: дважды два — 2×2 и дважды три — 2×3 . Графически в картинном письме 2×2 изображается \times или \square . Очевидно эта простейшая формула имеет геометрическое происхождение и заключает в себе элементы измерения пространства. $2 \times 2 = \square$ знаменует положение говорящего человека в пространстве с четырьмя сторонами света, лежащими впереди и сзади его, направо и налево. Эти четыре направления скрещиваются в центре человеческой фигуры.

Квадратная четверка и прямоугольная шестерка встречаются и в более совершенных системах счисления, десятичной и двадцатиричной, как древние остатки. Между прочим:: четыре и::: шесть встречаются в числовых начертаниях мексиканского письма, хотя мексиканская система счисления строго двадцатирична.

Более совершенная система считать на пятки, десятки и двадцатки. Она считает по пальцам. Это выражение удержалось даже в культурных языках, а в чукотском языке, например, самое слово «считать» rilhurkin обозначает «пальчить».

Пятиричная система существует, например, в латинском письменном начертании, где пять — рука изображается острым треугольником V, а десять — двойным треугольником X.

Десятичная система считает на десятки и сотни и тысячи. Она распространена у индо-европейских народов. Двадцатиричная система существует у народов Америки.

Чукчи и эскимосы считают так:

Далее счет ведется на двадцатки или, точнее говоря, на человечники. Следующий разряд за единицами есть 400 «человечина людей».

Также у мексиканцев, у майя и других разряды счисления восходят по двадцаткам.

Впрочем и в индо-европейском счислении есть явные следы счета по двадцаткам. Например, французские *quatre-vingt-dix neuf* 99 в буквальном переводе означает — «четыре раза двадцать десять девять». Также и в английском счислении рядом с обычной сотней существует и более древняя мера *score* — двадцатка. Например, 70 — *three scores and ten* — три двадцатки и десять.

Вавилонская система счисления кладет в основу число $60 = 5 \times 12$. Таким образом она сочетает пятеричность с более древним элементом 2×3 . Между прочим, система счисления на 5×12 тоже была широко распространена среди различных народов и в нашем обиходе заняла прочное место в астрономии и географии. В часе и в географическом градусе содержится 60 минут, в минуте 60 секунд. Также и в мерах веса: — фунт имеет 12 унций. Греческая мера денег и веса — талант имел 60 мин. Английский шиллинг имеет 12 пенсов, а крона $5 \times 12 = 60$ пенсов.

Того же происхождения наш счет на дюжины, польский денежный счет на злотые (15), малороссийский счет на копы (30). Все это кратные 60.

Тройка представляет число, замыкающее древнейшую систему счисления и отделяющую ее от системы пятеричной. В этом ее особое значение. Когда пятеричная система вытеснила окончательно троичную, тройка согласно закону отступления отошла назад в глубину на религиозную позицию. Оттого мы имеем во множестве религий, древнейших и новейших, святыню тройную, тройственную. Различные языки, в том числе и русский, подчеркивают прилагательное с одной стороны «тресвятый», а с другой стороны треклятый. Заклинание и заговоры произносятся трижды. В христианской религии кроме божественной троицы имеется также и тройное отречение Петра от Иисуса Христа. Впрочем, в сознании христианина едва ли эти две троицы связываются вместе. Мы имеем еще в словесном обиходе такие определения: «трех счесть не может», «трем свиньям не может корму дать», «в трех соснах заблудился». Эти примеры подчеркивают скудоумие того, кто даже не умеет обходиться с числом три. Очевидно, что и здесь число три является весьма элементарным и совершенно устарелым.

После этих предварительных замечаний, относящихся к числу три, попытаемся анализировать отдельные члены троицы.

Первый: бог-отец. Творец мира.

По библейскому преданию, признаваемому также в христианстве, вначале бог сотворил небо и землю. Дела свои бог совершил в шесть дней, а в день седьмой почил от трудов.

Первое выступление в первом библейском предании сочетается вначале с творчеством, а потом с усталостью, с покоем. После того бог вознесся на небеса и по обычным представлениям пребывает в верхнем ярусе небес, на верхних небесах. Это чувство отдаления бога выражается в обиходе заявлением «до бога высоко».

К некоторому удивлению мы находим этот довольно странный образ бога-творца, почившего от прежних трудов и ушедшего в недоступную высь, у множества народов, вплоть до самых первобытных. Христианские миссионеры раньше считали это представление остатками древнего единобожия. Люди научного образа мыслей большей частью оспаривали существование такого божества или, напротив, приписывали подобные рассказы влиянию миссионеров и объясняли их заимствованием из христианства.

Однако относящиеся сюда факты слишком многочисленны и иные из них очевидно возникли вне всякой связи с миссионерством или христианством или даже единобожием.

Споры об этом странном божестве продолжают и ныне с неослабным упорством и, например, редкий номер прекрасного английского трехмесячника *Folklore* не содержит статьи о божестве-отце, о творце, о вседержителе или о чем-нибудь в этом роде.

В «Международном архиве этнографии», том 27, часть 1–2, 1926 г. помещена статья голландского этнографа Ньювенгуйса на эту же навязчивую тему. И он констатирует, что у племени альфуров, малорослых негритосов на острове Галмагейра, в голландской Индонезии, есть представление о высшем творце. Имя его *Djou-ma-di-hutu* означает «верхний господин». Он создал мир. Из-за его доброты и безобидности к нему обращаются мало.

В типичном своем выражении образ верховного бога-творца складывается приблизительно так: верховное божество якутов *Орюн-Айы-Тойон* «светлый творец господин» — обитает на седьмом или на девятом небе, далеко от людей. «Послав часть своих детей на землю жить, он перестал интересоваться их судьбой и совсем не вмешивается в дела людей по собственному почину и также не любит, когда к нему являлись с докукой. Однажды ему доложили, что явилась с земли его дочь ходатайствовать о брате, попавшем в беду. Он чрезвычайно рассердился и между прочим сказал: «Когда я спускал их на землю, я не говорил им: «приходите назад!» Если они распложаются, пусть распложаются. Если умирают, пусть пропадут!»

У чукоч есть представление о верховном духе-творце. Но собственно он называется не творец, а «причина творчества». Легенда объясняет, что этот дух дал первоначальный толчок, а дальше уж мир сотворился сам. У племени ленапе в Северной Америке творец обитает на 12-тых верхних небесах и ухо его отстоит на 12 полетов голоса. Имя его тоже какое-то пассивное, как в предыдущем случае, — «тот, кого можно просить». Там же у племени шэвниев, вместо бога-творца, является богиня *Паботкве*. Этот женский божественный образ трудно связать с миссионерским влиянием. Обо всех вышеуказанных типах творца легенды согласно передают: «Божество устранилось и, так сказать, стушеввалось, предоставив управление миром другим богам, более мелким, активным и злым». По этому поводу люди из племени аниамба в южной Африке говорят о центральном божестве: «самый ленивый; попросту — бездельник. Бросил все дела на свете и думает лишь сам о себе».^[4] Также точно и другие африканские племена, например, фаны, считают, что творец, создавши землю, растения, людей и животных, утратил интерес к своему созданию и бросил его на произвол судьбы.

По сообщению полковника Шекспира, люди из племени люшеи в Ассаме (северо-восточный угол Индии) полагают, что верховный творец перестал заботиться о людях.

Примеры эти можно бы было умножить. При более подробном и внимательном рассмотрении оказывается, что это центральное верховное божество первобытных людей имеет характер довольно странный, пассивный и вялый. Оно обитает где-то высоко на крайнем пределе небес, недоступном человеку. Божество совершенно утратило всякий интерес к земле и всяческим человеческим делам. По утверждению легенд божество это самое старинное, «от начала времени», «от первых дней творения», а в настоящее время оно удалилось от дел. Со времени творения этот бог почивает от трудов. Это бог, так сказать, одряхлевший, ущербленный, отставной. В одном из сибирских рассказов Короленко выдвинуто

именно такое представление об ущербленном боге, свойственное русским поселенцам на Лене, полувыродившимся и совершенно одичавшим: «старенький стар, а все мало-мало делами правит». Короленко считает эту ущербленную формулу продуктом вырождения русских поселенцев. На деле это несомненное заимствование у соседних туземцев.

С первого взгляда это первобытное верховное божество сильно отличается от центрального бога высших религий, например, от семитического Йагве — Аллаха. Йагве, как известно, бог свирепый и настойчивый и даже надоедливый. Однако при дальнейшем рассмотрении получается больше сходства между этими двумя образами творца. В различных религиях, как первобытных, так и более сложных, образ творца раздваивается и таким образом возникает двубожный двойной миф о сотворении мира. Этот миф встречается решительно повсюду. Два бога, белый и черный, работают вместе над созданием мира. Белый бог висит в воздухе, как дым над морем, черный бог плавает в море в образе гагарьем. Белый бог могущественнее, но ленивее. Ему не охота лезть в воду. Он посылает черного бога: «нырни на дно морское и принеси немного ила». Черный бог в образе гагарьем ныряет и приносит ил в собственном клюве, потом выбрасывает ил перед белым богом. Белый бог благословляет ил, точнее — совершает магическое заклинание. Ил начинает расти и превращается в материк. Но черный бог утаил часть ила в клюве для собственного творчества. И эта часть ила под действием заклинания тоже начинает расти и душит черного бога. «Выплюнь, выплюнь», — кричит белый бог. Черный выплевывает ил и из этой части ила вырастают горы и камни.

Это один из чукотских вариантов о сотворении мира.

А вот один из русских вариантов.

В начале света благоволил бог сотворить землю. Он позвал чорта. Велел ему нырнуть в бездну водяную, чтобы достать оттуда горсть земли и принести ему. «Ладно, — думает сатана, — я сам сделаю такую же землю». Он нырнул, достал в руку земли и набил ею свой рот. Принес богу и отдает, а сам не говорит ни слова. Господь куда ни бросит землю, то она вдруг является ровная, ровная... Сатана смотрит, хотел что-то сказать, поперхнулся, закашлялся и побежал с испугу. И где он пролетит, там выдвинутся пригорки, где кашлянет, там вырастет гора, где привскочит, там выдвинется поднебесная гора и пр.^[5]

Несмотря на полное сходство обоих мифов, говорить о заимствовании едва ли приходится. У чукоч, как и у русских, миф о сотворении мира имеет множество различных вариантов, в том числе и двубожных. Иные из них сходны с восточными и русскими легендами, а другие отличны от них.

О двубожном миротворчестве мы будем дальше говорить подробно. Пока же поставим вопрос: откуда возникло это странное и спутанное представление о боге-творце, ленивом, добродушном, некогда могущественном, но ныне устаревшем, отставном?

Многие новейшие ученые пытались найти объяснение этим запутанным и противоречивым представлениям. Так, Андрию Ланг говорит: «Коль скоро человек стал творцом под действием культуры, он может составить себе идею о всеобщем творце вещей.»^[6]

Профессор Леуба старается найти для высшего бога особый и независимый источник и точно также говорит: «Высший бог по преимуществу творец.»^[7]

Другие исследователи приводят параллели социологического свойства: «почему бы вождь богов не мог естественно преобразиться из вождя людей?»

Эти подходы к объяснению чересчур уже просты. Религиозные идеи и чувства никогда не возникают путем рассуждения.

Первобытный человек не склонен философствовать о всеобщем творце вещей.

Что же касается вождя людей и вождя богов, то надо сказать, что первобытная общественная организация чересчур несовершенна и текуча, чтобы влиять на идеи и представления людей. Многие первобытные народы совсем не имеют никакого вождя на земле, а потому, разумеется, не могут пересадить его на небо. Такая перестановка на небо возникает в высших религиях, совпадающих с более развитыми социальными формами.

Я склонен связывать этот довольно смутный первобытный образ с безличным и древним религиозным мироощущением: «мана».

На первой ступени такого мироощущения при слиянии субъекта с объектом, личного я со вселенной при полном неприятии смерти, чувство «мана» при смутности своей должно было иметь бодрый светлый оттенок.

С первым раздвоением целого и отделением маленькой личности от огромной вселенной в сознание человека вошло чувство опасности и вошел ужас. Его осенило предвкусение смерти и страх тьмы. Из этой тьмы возникли кишашие рои духов, дающих смерть. Они родились на внешней окружности восприятия вселенной и встали вокруг человека огромным кольцом. Окружность вселенной стала противоположна и враждебна центру ее — человеку.

Но в центре вселенной кроме человека осталась безличная «мана» и под влиянием общего стремления к олицетворению, мироощущение «мана» тоже превратилось в образ центральный, миротворческий — образ благой, ибо «мана» была благая. Образ отставной, пережитый, ибо мироощущение «мана» было уже пережито человечеством.

Так возник первообраз центрального бога-творца, вместе и личный и безличный.

В подтверждение этого можно привести различные факты, относящиеся к началу анимизма.

По мнению разных племен, обитающих в южном Конго, творец создал землю, растения, людей и животных. Но, создавши все это, он устранился от дел и больше не хочет работать.

Вместо него мир наполнился толпой разнообразных духов, которые уж слишком интересуются людскими делами, а указанные люди желали бы, чтобы было как раз наоборот. Они постоянно выражают это в своих молитвах, которые направлены именно по адресу этих духов. Сущность молитв такова: «Пожалуйста, уйдите. Нам вас вовсе не нужно».

Глава 5. Дуализм. Бог № 2. Чернобог. Белая и черная птица. Ворон-творец. Сатана. Прометей. Христос

Как было указано выше, образ центрального бога-творца тотчас же раздваивается, и вместо единого центра являются как бы два фокуса эллипса, двубожная схема мироздания. Это сочетание двух богов имеет формы весьма разнообразные. Первая форма — дуализм: бело-бог и черно-бог у славян, Озирис и Сет у египтян, Агурамазда и Анграмания у персов. У иудеев и у христиан этому в значительной степени соответствует господь-бог и сатана. Доброе и злое начала равноправны и враждебны. Однако, повсюду доброе начало могущественнее злого, но пассивно, а злое уступает доброму в могуществе, но зато бесконечно деятельнее его.

Эти взаимоотношения совершенно непонятны в свете обычных идей христианства. Бог, разумеется, сильнее Сатаны. Однако, сотворивши мир, бог поднялся на свои небеса, а землю предоставил самой себе, то есть предоставил Сатане. И Сатана пользуется этим молчаливым попусением во-всю. Миром владеет не бог, а Сатана:

Сатана там правит бал,
Там правит бал.

Гетевский Фауст представляет лишь одно из отражений этого древнейшего двубожного миротворческого мифа.

Правда, в грядущем, в конце, предвидится надежда, что доброе начало получит реванш и победит злое. Но эта надежда смутная и мало утешительная, ибо перед тем должны произойти гибель богов, конец земного мира, огненный потоп и крушение.

Таким образом, победа добра произойдет не на этом, а на том свете.

Сатана, как известно, по еврейско-сирийским воззрениям был некогда духом могучим, светлым и уступавшим в силе только одному Саваофу. Потом произошло восстание Сатаны, поражение и низвержение его с высоты небес на землю и в преисподнюю. Сирийская легенда указывает на первоначальное единство благих сил и на последующее их раздвоение. Так называемые поклонники дьявола из племени иезидов как бы продолжают все ту же череду. Сатана свергнут на землю и ввергнут в геену огненную. Но на земле и в аду он сохраняет ближайшую власть над людьми и потому молиться нужно ему, Сатане. Когда-нибудь в дальнейшем господь Саваоф помирится с Сатаной, и князь тьмы вернется на небо и станет князем света. Тогда он наградит своих детей, которые ему молились во дни его падения.

У болгарской секты богомилов, которая с одной стороны связана с более древними павликианами, а с другой стороны дала начало различным западно-европейским сектам, вальденсам, альбигойцам и пр., Сатана называется Сатанаил. Это окончание «ил» указывает на его божественную силу. Еврейское **ИЛ** действительно обозначает бога; так, в именах ангелов: Михаил, Рафаил, Гавриил — **ИЛ** всегда обозначает божество.

Кстати же по легендам богомилов сам Иисус Христос, как начальник добрых ангелов, совпадает с архангелом Михаилом.

Получаются два ангельские воинства, одно — доброе, предводимое Иисусом Михаилом, другое — злое, предводимое Сатанаилом.

Возможно, что эта враждебная пара богов Саваоф — Сатана возникает и растет по диалектическому методу противоположности. С этой точки зрения, безличная «мана» является истинным первоначальным корнем религии.

Единое ощущение мана вначале рассекается на-двое и только потом распадается на множество мелких духов.

Вторая форма дуализма имеет характер несколько замаскированный: бог № 2 вместо соперника становится посредником, промежуточным звеном между богом-творцом и земным человеком. До верховного бога высоко. Бог № 2 гораздо ближе; он тут, на земле. В миротворчестве он является мироустроителем, Weltgestalter (так называют его, например, известный профессор Боаз). Он всемерно заботится о человеке, облегчает ему жизнь, создает ему культуру. Он является почти всегда культурным героем, учителем и организатором земного человечества. С другой стороны, он является предстателем за человека перед богом верховным творцом. Он собирает воедино молитвы и желания людей и, связывая их в бесконечные венки, подносит к престолу божию.

Легенда часто сочетает его с богом-творцом в определенные связи. Бог № 2 является родственником, сыном бога № 1. Именно такое сочетание мы видим в христианстве. Бог № 2, Христос, вторая ипостась небесной троицы, является также Иисусом, сыном божьим и сыном человеческим и вместе покровителем каждого земного человека и всех людей. В других случаях бог-посредник проявляет одновременно благосклонность к человеку и ревнивую враждебность к верховному богу-творцу. Таков Прометей греческого пантеона. Прометей даже не бог, а только полубог, стало быть, наполовину бог, а наполовину человек. С одной стороны, Прометей — титан, фигура более древняя, чем боги. Он является прародителем и культурным героем человечества. Он дал человеку огонь — основание всякой культуры. Он попечителен, благ и бесконечно великодушен. С другой стороны, Прометей определенно враждебен верховному богу Зевсу. Огонь для человека он похищает у Зевса. Искры пламени, позаимствованные от молнии Зевса, он прячет в толстый стебель шильника с сердцевинкой, похожей на трут. Кстати сказать, так делали потом и дети Прометей, первые люди на земле. За похищение огня Прометей терпит жестокую кару от Зевса. Он распят на скале, и Зевсов орел, громовая птица, прилетает ежедневно клевать и терзать его печень. Расчеты Прометей с Зевсом не кончены: он знает великую тайну грядущего падения Зевса, тайну конца мира и грядущую гибель богов.

Третий, не менее замечательный вариант того же бога № 2, соперника высшему богу и покровителя людям, представляет божественный ворон Кутх или Иел у различных племен, обитающих у Берингова моря в Америке и Азии. Ворон Кутх в процессе миротворчества одновременно соперник и помощник творца. Это именно он, в образе гагарьем, ныряет на дно морское за илом для работы. С богом творцом он порою заводит назойливую ссору по вопросу о его собственном происхождении. Он настаивает на том, что, подобно верховному богу, он был всегда, первоначально, от первых дней творения. Никто его не создавал. Бог-творец, напротив, утверждает, что он создал ворона из обрывка поношенной шубы, забытой случайно на стойбище. Они спорят и потом даже дерутся. Однако, в дальнейшем миротворчество, точнее мироустройство, переходит от верховного бога к ворону. Ворон придает земле ее поверхность и форму. Он пролетает над ней и прочерчивает крылом долины и овраги. Капли мочи его и брызги слюны превращаются в реки и озера; извержения превращаются в горы. Миротворчество ворона таким образом является лишь вариантом легенд о миротворчестве черного бога, приведенных выше.

После того ворон создает мужчину и женщину, обучает их обоим важнейшим жизненным процессам: испражняться, любить, рождать детей. Эта легенда в своей художественной наивности совершенно затмевает параллельную легенду о создании Адама и Евы, которой начинается Библия. Некоторые подробности в литературном отношении положительно блестящи (например, рассказ о том, как женщина

зачинает и рождает ребенка и как мужчина с удивлением и страхом и завистью глядит на это неожиданное творчество).

Люди, размножившись, сидят в темноте и дрожат, не имея огня. Тогда ворон отправляется на поиски солнца-огня. В одних вариантах один, в других — в сообществе со всеми птицами. Клуб огня, зашитый в кожу, спрятан в шатре у духов, живущих далеко на востоке. Ворон обращается в хвоинку, которую выпивает вместе с водой молодая девушка из этого шатра. После того ворон чудесно зарождается в ее чреве, выходит оттуда младенцем, тотчас же вырастает и, в конце концов, похищает огонь. Он получает от своего нового деда, хозяина шатра, огненный клуб, как игрушку, пинает его ногой вместо мяча, и клуб вылетает в дымовое отверстие. Птицы набрасываются на него и долбят носами кожу. Ворон взлетает выше всех и своим крепким клювом выбивает из-под кожи первую искру. Огненный клуб обращается в солнце, обрывок его в месяц, а искры в звезды. Часть огня ворон относит людям и зажигает им первый костер. Следует эпизод о добывании огня вытиранием из дерева. Ворон обучает людей охоте, морской и сухопутной, различным ремеслам и промыслам.

Этот сложный и разветвленный миф может выдержать сравнение с какими угодно миротворческими мифами Месопотамии и Сирии.

К указанным эпизодам и подробностям мифа о вороне примешиваются и другие эпизоды, насмешливые и даже неприличные. Ворон изображается скверной птицей, похотливой, вороватой, голодной, он питается калом и падалью, соблазняет свою собственную дочь, притворяется мертвым и заставляет жену свою устроить ему погребение. Все запасы семьи поступают в его распоряжение в виде погребального дара. Он объедается, а семья голодает и плачет. В конце концов разоблаченный ворон жестоко платится за свои проделки.

В этих последних эпизодах отражается свойственное человечеству стремление принизить и высмеять свои религиозные образы и связанные с ними мифы.

У других туземцев северной Сибири, творцом мира и культурным героем является медведь. В мистерии убийства медведя, которую я буду описывать ниже, рядом с умилостивительными обрядами являются насмешливые песни и рассказы по адресу того же медведя.

Таким образом в результате этого анализа бог № 2, второй член христианской троицы, соперник бога № 1 и вместе посредник между богом и людьми, великий отрицатель и сын божий, Сатана и Христос, являются по существу вариантами одного и того же образа.

Недаром в видениях отшельников — аскетов, христианское и бесовское кощунственно смешиваются и как бы замещают друг друга. Князь тьмы является утонченнейшим доктором богословия и всех христианских искусств.

В христианстве, как указано выше, посредник замещает и вытесняет соперника. С растущим усложнением жизни, с омертвлением божественного принципа, одетого сухой и серой схоластикой, пассивные типы людей, неудачливые, несчастные, задавленные гнетом культуры, хватаются за образ посредника как тонущие за доску. И самый этот образ раздвояется. Прежде всего по половому принципу на м. и ж.: для женщин посредник мужской, для мужчин женский.

Христос как «посредник» для женщин — это вечный утешитель, небесный жених, даже небесный любовник. Мужчин привлекает другой, противоположный образ, женственно-прекрасный, — Мария. Таким образом Иисус Христос и его мать становятся частями того же самого диалектического процесса. Этим объясняется в средние века развитие и усиленный рост культа девы Марии.

Молодая богородица, целомудренно зачавшая и все же непорочная, чудесно соответствовала вкусам рыцарей, одетых в железо.

Пушкин формулировал это в златокованных стихах о рыцаре, паладине богородицы:

Он имел одно виденье,
Непостижное уму...
«Lumen Coeli, Sancta Rosa!»[\[8\]](#)
Воскликнул он дик и рьян.

В позднейшие века культ девы Марии значительно увял. Напротив того, культ Иисуса Христа в специальной форме, назначенный для женского чувства, временами проявляется более или менее яркими вспышками. Христианство опирается ныне на женщин-исповедниц из высшего зажиточного класса. В католичестве, в дополнение к Иисусу, был создан в виде квинтэссенции особенный образ «Сердца иисусова». Это Иисусово сердце исключительно назначено для женских сердец.

Основанием для установления культа послужили видения монахини Маргариты Алякок. Днем в храме Маргарита видела господина, который долго беседовал с ней, говорил о своей чрезвычайной любви к людям и показывал ей свое святое сердце, требуя, чтобы особый праздник был посвящен именно сердцу божьему.

По другой версии ей явилось само сердце на огненном троне. На нем были видны язвы, терновый венец, обвивавший его и крест, водруженный наверху его.

Таким образом сердце Иисусово является замещением всего Иисуса, по принципу — часть вместо целого.

У женщин-почитательниц Христа, чуть не с первых веков христианства, иногда появляются даже стигматы, т. е. воспроизведение гвоздных язв Христа на руках и ногах. Появление таких язв было засвидетельствовано прямыми наблюдениями. Оно, впрочем, не представляет ничего необычного. Физиологами и врачами неоднократно наблюдалось появление ран и других физиологических изменений под влиянием воображения.

Французские монахини и особо благочестивые девицы, продолжают традиции этих постоянных и интимных отношений к Христу, к его гвоздным язвам и кровавому сердцу.

Новейшие мистерии, справляемые в Лурде еще и доныне, связаны опять-таки с видениями другой истеричной девицы Бернадетты, относящимися к Христу и богородице.

Таинство сердца Иисусова перешло от монахинь к дамам, которые поют в экстазе:

Christ, notre Esperance,
Christ, notre Bonheur,
Sauve, sauve la France
Par le Sacré Coeur!

Христос, наша надежда,
Христос, наше блаженство,
Спаси, спаси Францию
Своим священным сердцем!

Глава 6. Легенда Иисуса. Чудесное зачатие младенца. Гонимая божья мать

Бог № 2 в его христианском воплощении, как известно, является Иисусом Христом. Ученые обыкновенно делят этот образ пополам и отделяют Иисуса от Христа. С одной стороны человек Иисус, а с другой стороны Христос, помазанник божий. Я не вижу необходимости в начале анализа подчеркивать такое разделение. С нашей точки зрения, человек Иисус и помазанник божий Христос это все то же земное воплощение второго бога троицы. Можно, разумеется, делить так: в символе веры по одну сторону — «сына божия едиnorodного», по другую сторону — «единосущного отцу». Далее: по одну сторону — «рожденна», а по другую — «несотворенна, света от света, бога истинна от бога истинна».

Но для нас земное и небесное в образе Христа тесно связано вместе, начиная от его рождения от девы Марии и кончая его вознесением на небеса.

В ученой литературе, посвященной христианству, идет бесконечная, совсем необозримая полемика на тему о том, был или не был Христос. Я считаю этот вопрос неинтересным и неважным и отнюдь не желаю разбирать, был ли Христос «историческая личность», «сильная личность», «правдоподобная личность» и т. д., как стараются доказать различные богословы, большей частью, протестантские. Личности никогда не определяли исторического хода событий. Так называемый вождь, в сущности, такая же малая песчинка, как любой из ведомых. Также и в религиях вероучитель не определяет вероучения.

Образ вероучителя, запечатленный в «писании», представляет мифический образ, созданный коллективным стремлением массы верующих. Это не живая фигура, а выпуклый фокус, проектированный коллективным сознанием далеко вне экрана. Но если даже он существовал в действительности, это ничего не изменяет. Мы знаем, например, о Магомете, что это историческая личность, но все анекдоты, связанные с его добротой к спящим кошкам и молодым женщинам, ничуть не помогают нам уяснить ход развития ислама.

Можно допустить также и об Иисусе, что он существовал. Ведь были же Бар-Кохба и Иегуда Гавлонитянин и Иоканаан из Гишалы и тот, другой, безумец по имени Иисус, о котором повествует Иосиф Флавий и которого убили на улицах Иерусалима во время осады. И если они существовали, то мог существовать и Иисус, сын Марии. Ведь сказано же в Евангелии у Матфея: «не плотников ли сын он; не его ли мать называется Мария и братья его Иаков и Иосий и Иуда и Симон и сестры его не все ли между нами? Откуда у него такая премудрость и сила?» (Матф., 13, 54). Этот непочтительный, простой, обывательский подход к личности Иисуса имеет в себе внутреннее правдоподобие. Для ближайших соседей не было Иисуса — сына божия, а был Иисус — сын плотника.

Впрочем, так как вся эта знаменитая фраза построена в виде вопроса, то мы так и оставим ее под вопросом и не будем говорить об Иисусовых родителях, и братьях, и сестрах. Как известно, Иисус стал сыном Божиим не потому, что он был сыном плотника, а несмотря на то, что он был сыном плотника.

Православная церковь, как и католическая, отвергают толкование этого и других подобных мест (например Матф., 1, 25), что будто бы Мария находилась в действительном браке с своим обручником Иосифом, и будто бы от него у нее были дети. По учению церкви богородица, непорочно зачавшая сына, осталась непорочной и ныне и присно и во веки веков.

Между тем в Евангелии братья Христа упоминаются неоднократно, и каждый раз в довольно непочтительном тоне. Например: «Мать и братья его стояли вне дома, желая говорить с ним. Он же сказал в ответ: Кто мать моя и кто братья мои? И, указав рукою на учеников своих, сказал: Вот мать

моя и братья мои» (Матф., 12, 46–49). То же повторяется почти буквально у Марка и Луки. Очевидно, представление о неприятном характере Иисусовой семьи твердо запечатлелось в сознании первых христиан.

Помимо этого скромного происхождения, легенда Иисусовой жизни соткана из древних эпизодов, быть может, древнейших, какие встречаются во всемирном фольклоре. И во многих отношениях легенду о Иисусовой жизни можно назвать канонической легендой всемирного фольклора.

Первый эпизод — легенда о чудесном дитяти, быть может, своими корнями восходит к палеолиту. Ибо древнейшие прообразы различных эпизодов этой легенды исполнены такого слияния с звериной жизнью, какое могло существовать лишь у самого корня культуры.

Сверхъестественным отцом задолго до бога-отца, породившего от девы Марии младенца Иисуса, или даже до римского бога Марса, породившего от девы Реи Сильвии Ромула и Рема, являлся бог звериный и тотемный: медведь или кит или тигр. Он являлся к девице внезапно, невзначай и увозил ее с собой в свое звериное жилище. Девство звериной богородицы подчеркивается далеко не всегда, ибо на этой стадии культуры большая часть племен не заботится о девстве невест и не ведает ревности. Понятие о девстве есть явление позднейшее. Оно связано с ревнивым, единоличным обладанием.

В указанной легенде девица, зачавшая звериного тотемного сына, возвращается тотчас же домой к своим соплеменникам и братьям. Тотемный супруг преследует ее или следует за ней.

И первый эпизод священного рассказа неизменно кончается убийством тотемного бога — медведя или тигра, и потреблением его священного тела на общей обрядовой трапезе.

Таким образом знаменитая легенда об умирающем боге, которая в последнем развитии приводит к Христу, начинается от образа тотемного медведя, умирающего для блага его тотемных потомков.

С этой точки зрения, праздник медведя или кита, который является главным праздником у русских полярных туземцев и проходит неизменно сквозь этапы убийства, поедания и воскресения, совершенно равнозначен пасхальному празднику казни и воскресения Христа.

Живой медведь, которого гиляки на острове Сахалине сначала выкармливают, потом воздают ему божеские почести и ритуально убивают, является первым наброском умирающего бога на земле.

Что касается самого метода зачатия ребенка, мы в другом месте указывали несколько примеров такого бессемянного внеполового зачатия. Огромное разнообразие таких примеров почти не поддается перечислению.

Между прочим и зачатие Иисуса часто находило себе наглядное определение в стиле вышеупомянутых легенд. Так, на картине, представляющей благовещение и приписываемой Альбрехту Дюреру, волны славы божией нисходят от бога отца и в одной из этих волн крошечный младенец спускается к деве.

На другой картине работы Филиппо Липпи дух божий в виде голубя спускается к пупу Марии и входит в ее чрево. Дева нагнувшись удивленно рассматривает голубя.

Так же точно в буддийской легенде Будда в форме белого слона вошел в правый бок своей матери Майи и оттуда потом родился. Правда, белому слону труднее войти в женское чрево, чем белому голубю, но, может быть, это был маленький белый слон, каких покупают на счастье в магазинах даже и на Западе.

По учению богомилов Слово с небес вошло в правое ухо девы, оттуда и вышло и явилось в виде человека — Иисуса.

Мексиканский бог Кветцалькоатль родился после того, как мать его Чимальма проглотила драгоценный камень.

Финляндский герой Вейнемейнен вошел в чрево своей матери вместе с проглоченной ею ягодой черники. Канирайя Вирякоча, перуанский герой, сидя на ветвях дерева, взял частицу своего собственного семени, превратил его в сладкий плод *луста* и подарил девице. Она съела плод и тотчас же зачала ребенка. На этот раз зачатие все же происходит от семени, хотя и превращенного.

Китайский герой Гау-ки был зачат от того, что его мать наступила ногой на след бога. Другой китайский прародитель Гсие был зачат матерью, проглотившей яйцо ласточки, упавшее с неба. Третий был зачат от проглоченной жемчужинки и пр.

Зачатие происходит от запаха цветка, от взгляда. Даная зачала Персея от золотого дождя, проникшего в ее заточение от бога Зевса.

В других рассказах, в особенности в мусульманских, мужчина, а не женщина, проглатывает зернышко или съедает плод и так получает способность произвести зачатие у женщины.

Это есть возвеличение мужского элемента на счет женского.

В одной из таких легенд совершенно бездетный султан, съевши пятьдесят гранатовых зерен, производит зачатие 50 сыновей у своих 50 жен.

Есть примеры еще более странные. В португальском рассказе женщина, помолившись у гроба Святого Антония, получает три яблока, которые ей должно съесть натощак. Случайно эти яблоки съедает ее муж. Узнав о свойствах яблок, он посылает жену обратно к Антонию, но святой уже не может сделать ничего. Через девять месяцев несчастный женомуж начинает прыгать от боли. В конце концов ему взрезывают чрево и вытаскивают девочку.

В другой легенде оба, муж и жена, съедают по яблоку, и оба рожают по младенцу.

Помимо зачатия Иисусова есть в Библии и другие зачатия, правда, не столь беспорочные, но тоже чудесные.

Так, Рахиль зачала своего первенца Иосифа, поев мандрагоровых яблок, собранных Рувимом, сыном старшей ее сестры — соперницы Лии. Мандрагоры, по-еврейски «дудаим», — яблоки любви.

По этому поводу в Библии рассказана весьма назидательная история о том, как Лия выменяла у Рахили на мандрагоровы яблоки одну ночь их общего супруга Иакова. Так прямо и сказано: Рахиль сказала: «Так пусть он ляжет с тобой эту ночь за мандрагоры сына твоего».

Сестры чередовались в постели их общего мужа, как на правильной вахте и вели счет служебным ночам, как это ведется и доныне в семьях многоженцев у арабов, туарегов и др.

Мандрагоры однако оказались совершенно чудесными. В то время обе сестры перестали рожать. Но после мандрагоров родила не только покупательница Рахиль, но и продавщица — Лия.

Мандрагора у множества народов, совершенно независимо от Библии, считается могущественным любовным приворотом и средством от бесплодия. Богиня любви Афродита у греков нередко называлась «мандрагорщицей». И не только библейские авторы — ее восхваляет Шекспир не менее пространно и не в прозе, а в стихах.

Даже и в настоящее время в Нью-Йорке и Чикаго существует правильный ввоз «настоящих палестинских мандрагоров». Их нарасхват раскупают бесплодные еврейки по примеру Рахили. Корешок продается по 5 и даже по 10 долларов.

Во время Рахили, как видно, употреблялись плоды мандрагоры, желтые, с крупную сливу. Потом их заменили корешки, странные по форме, с отростками, нередко похожие на человеческую фигурку. Эти человеческие корешки ныне часто подделывают и притом с большим искусством. Для этого корешок в нужных местах надрезают, вытягивают «ручки» и «ножки», связывают ниткой, потом зарывают снова в землю. Корешок прорастает опять, нитка истлевает, а надрезы срастаются. Одновременно к корешку притыкают два или три зернышка ячменя или проса, которые тоже прорастают. Ростки от зерен представляют волосы и бороду мандрагоры. Такой искусственный мандрагорный человек выходит гораздо фигурнее неподдельного рождения природы и ценится нередко дороже. Искусство человека торжествует над грубой природой.

Библейский рассказ сгустил и инсценировал целый клубок женских суеверий Палестины, мало изменившихся от эпохи Рахили до настоящего XX века. С другой стороны, нельзя не отметить, что Иосиф является в Библии фигурой божественной. В христианских толкованиях Библии Иосиф нередко представляется первообразом Христа. Поэтому было уместно и естественно найти и в легенде о Иосифе чудесное зачатие, гонение в детстве и путешествие в Египет.

Второй эпизод легенды относится к чудесной силе тотемного сына. Чудесный ребенок рождается в бедности и в пренебрежении, но с явными признаками своего божественного происхождения. И подобно Иисусу, сыну божию и сыну человеческому, тотемный младенец имеет две ипостаси: божественно звериную и человеческую. Сын кита одновременно является китом и человеком, сын медведя имеет медвежьи уши и медвежьи мохнатые ноги, медвежью силу и медвежью неукротимость. У чукоч существует цикл сказок о богатыре «Медвежье Ухо».

Русская народная сказка о богатыре Яшка Медвежье Ушко, Ивашко Медвежье Ушко, Иванко-Медведко^[9] принадлежит к тому же самому ряду.

Она существует во многих вариантах, но все они уже разрушенные, потерявшие связь эпизодов и многие подробности. По одному варианту: — женщина заблудилась в лесу, медведь взял ее к себе и прижил с ней сына: до пояса человек, а от пояса медведь. Мать с сыном в конце концов убежали домой к прежнему мужу женщины. Дальше начинаются богатырские подвиги Иванка-Медведка, повидимому подставленные из более поздней сказки о состязании с морскими бесами, в стиле пушкинского батрака Балды.

В другом варианте девушка рождается из репки, распаренной в печке, и уходит к медведю в жены. Потом репка возвращается домой и приносит сына, — половина человек, половина медведь. Это Ивашко-Медведко. Его изгнали из деревни. Он соединяется с богатырями Горыней и Дубиней и совершает великие подвиги. Горыня и Дубиня — это древние стихийные богатыри Валигора и Вырвидуб. Замечательно, что в сказке Медвежий сын является их старшим братом и далеко превосходит их силой и удалью. Повидимому, стихийные богатыри все же более позднего происхождения, чем сын медведя.

Сюда же принадлежит и англо-саксонский рассказ о герое Беовульфе. Беовульф по толкованию лингвистов означает молодого медведя *Bear-whelp*. Между прочим, в песне о Беовульфе рассказано о том, что старейший из рода Беовульфа *Scîld-scêping* (сын *Scëap'а*) получил, свое имя оттого, что, будучи младенцем, был некогда прибит волнами к берегу, лежа в челноке на разостланном хлебном снопе (по-саксонски *scëap* — сноп). Таким образом *Scîld-scêping* — выходит «малютка-снопок».^[10] Прибрежные жители приняли его как чудесного посланца, вырастили его, а потом избрали его царем.

Этот замечательный рассказ убедительно связывает легенду о рождении Медвежьего сына с легендой о рождении Моисея, а также и Христа.

Зверино-рожденный младенец воспитывается обыкновенно в стороне от людей в чаще лесной или на озере, недоступном человеческому взору.

В чукотско-эскимосском рассказе женщина, зачавшая младенца от кита-оборотня, уходит от мужа к своим братьям. Кит гонится за ней, но люди его убивают. Женщина рождает китенка и помещает его в маленькой луже в лесу и кормит его жуками. Потом переносит его в небольшое озерцо и кормит его рыбой. Потом перемещает его в большое озеро [11]. Младенец вырастает с чудесной быстротой и вскоре ему становится тесно на озере и его надо через особый канал выпустить в открытый океан.

В дальнейшем рассказе зверино-тотемный сын является посредником между племенем людей и племенем богов. Он подводит под стрелы людей своих братьев, звериных богов. И убийство тотемного бога совершается снова и снова. В конце концов и сам он погибает, убитый кощунственной стрелой, и племя его матери — люди, платятся жестоко за это насилие над богом.

Легенда о чудесном рождении зверино-тотемного сына в дальнейшем с особенной любовью развивает подробности о пребывании младенца на море, на водах в уединении, далеко от людей. Колыбелью для младенца служит корзина, сплетенная из тростника. Брошенный родителями младенец попадает под чудесное покровительство других зверино-тотемных богов, дружественных его собственному родовому тотему. Так, Ромул и Рем, брошенные в лесу после смерти матери, были вскормлены волчицей и дятлом, связанными тесно с богом Марсом.

Также и в легенде о Христе Мария рождает младенца на чужой стороне, не имея крова, и кладет его в ясли в хлеву, по другим рассказам в пещере. И перед новорожденным младенцем преклонились вол и осел. Таким образом первыми покровителями оставленного младенца являются животные; на этот раз не дикие звери, а домашние скоты. Это смягчение произошло согласно закону стилизации.

Легенда о чудесном рождении младенца и о не менее чудесном его воспитании, возникшая в доисторическую эпоху, была чрезвычайно распространена и потом на более высоких культурных стадиях. Стоит указать рождение Саргона, ассирийского царя, рождение Кира персидского и Александра Македонского, легенду о Ромуле и Реме, греческий миф об Эдипе, еврейский рассказ о Моисее, рождение Геракла и Персея, рождение вавилонского Гильгамеша, вскормленного орлами, Семирамиды, вскормленной голубями, Ахаменеса, родоначальника персидских Ахеменидов, Иисуса Христа и солнечного бога Митры. Далее следуют герои средневековых саг: Зигфрид, вскормленный ланью, Волчий Дитрих, Тристан, Лоэнгрин и вышеупомянутый медвежий сын Беовульф. Пушкин разработал эту тему в сказке о царе Салтане в типических подробностях. Царевич Гвидон попадает с матерью в забитую бочку, точно так же, как и юный Зигфрид. Мы имеем, вероятно, в данном случае простое заимствование.

Между прочим, нельзя не указать, что у Пушкина сон Татьяны дает также медведя супруга. Именно медведь встретил Татьяну, заблудившуюся в лесу, взял ее в охапку и отнес на бесовский шабаш.

Еврейская легенда о рождении Моисея совпадает в подробностях с легендой о рождении ассирийского Саргона. В обоих рассказах корзинка младенца обмазана смолой.

Рассказ о рождении Саргона Старшего был найден в Ниневийской библиотеке записанным клинописью на глиняной пластинке. Пластинка относится к VIII веку до христианской эры. Но на пластинке есть указание, что она списана с надписи на одной из статуй Саргона. Жизнь Саргона относится к 2600 году до Рождества Христова, стало быть на полторы тысячи лет предшествует эпохе Моисея. Но, вероятно, упомянутая в рассказе статуя относится к более позднему времени. Тем не менее надпись имеет характер автобиографии, личного рассказа.

Я, Саргон, царь могучий, царь Агады я.
Мать моя была низкого рода, а отца я не знал...

.....
Она положила меня в корзинку, смолой замазала дверь,
Бросила меня в реку, и воды подняли меня.

По другому преданию мать Саргона была жрицей, весталкой. Эти подробности о матери жрице и о неизвестном отце приводят нас к римской легенде о Ромуле и Реме.

Между прочим и рождение Моисея тоже не является вполне законным и праведным. Его отец Амрам взял в жены тетку свою Йокаведу, сестру своего отца Коафа (Числ, 26, 59, Исход, 6, 20). Но в более позднем еврейском законе, приписываемом впрочем самому Моисею, сказано прямо: «Наготы сестры отца своего не открывай... Это беззаконие» (Левит, 18, 12). Таким образом мать Моисея, быть может, спустила его на воду не только из-за страха пред приказом фараона.

Далее во многих вариантах сквозь связь эпизодов проступают подробности еще более древние. Так, в рассказе о рождении Семирамиды, греческого Эдипа, латинских Ромула и Рема, троянского Париса, аргивского Эгиста (убийцы Агамемнона), персидского Кира, покинутый ребенок был найден и воспитан пастухом, пастухами. Пастух, пастухи появляются в рассказе как-то внезапно, как воспоминание более древнего пастушеского быта. Герой вырастает среди пастухов тоже пастухом.

Эгист, вскормленный козой, от которой и получил свое имя (Aigistos от aix «коза»), к тому же подобно Эдипу вступает с родителями в противоестественные отношения. Отец его Тиест является одновременно и дедом, так как он прижил его с собственной дочерью Пелопией. После рождения мальчик был отдан пастухам и вскормлен козой. Через много лет брат Тиеста, Атрей, свергает его с престола и посылает Эгиста убить Тиеста. В это время Эгист уже считается сыном Атрея. Избегая смерти, Тиест раскрывает сыну позорную тайну, Пелопия пронзает себя мечом, и Эгист убивает не Тиеста, а дядю Атрея и воцаряется на его место.

Этот миф очевидно совершенно аналогичен мифу Эдипа с тем же запутанным тройственным клубком половых отношений: 1. Дед — Отец, 2. Дочь — мать — супруга, 3. Сын (супруг) — убийца.

Разница в том, что в мифе Эгиста кровосмесьство произошло не на второй, а на первой стадии рассказа.

В других вариантах спасителем дитяти является рыба, тоже представитель древнего промысла. И только в вавилонской легенде спаситель младенца Гильгамеша является садовником.

Но раньше пастухов, рыбаков и садовников, первым покровителем, спасителем, кормильцем младенца является зверь или птица, очевидно тотемного типа.

Ромула и Рема вскормила волчица при содействии дятла.

Кира вскормила сука.

Семирамиду вскормили голуби, которые таскали ей в клюве молоко от ближайшего стада коров. Греческого героя Телефа из Аркадии вскормила лань. Гильгамеша спас от смерти орел.

Эти странные звериные кормильцы казались странными уже в древнюю эпоху. Таким образом хотя статуя волчицы, вскормившей близнецов, была святыней Рима, тем не менее многие подставляли вместо волчицы женщину проститутку, так как слово lupa имеет по-латыни двойное значение.

Также и Геродот суку, вскормившую Кира, заменяет женщиной по имени Спако. Спако на лидийском языке обозначало собаку.

Нам пригодятся потом эти звериные подробности.

Глава 7. Умиравший бог. Распятие и причащение. От Аттиса к Христу

Легенда о Христе представляет синкретическую форму этой всемирной легенды о покинутом младенце.

Рождение его происходит от внеполового зачатия. Человеческий отец относится к нему с отчуждением. Напротив того, связь между ним и его божественным отцом имеет интимный характер и в этом отношении живо напоминает тотемную связь. Бог следит за ним, возглашает о нем прямо с небес: «Сей есть сын мой возлюбленный». Подобно Саргону и Киру, ему с детства обещают царство, а это является причиной жестокого гонения со стороны царя Ирода. Массовое убийство новорожденных младенцев в Вифлееме списано с легенды о Моисее. При этом злключения младенца Иисуса повторяются дважды. Во-первых, в рассказе о рождении, а, во-вторых, в рассказе о бегстве в Египет.

Отголоски тотемно-звериных элементов тоже повторяются дважды. Во-первых, поклонение скотов при рождении, во-вторых, при крещении, которое тоже является вторым рождением, появление голубя духа святого. Как будет указано, голубь дух святой является одновременно матерью Христа.

Таким же древнейшим характером отличается и последний эпизод, завершающий легенду об Иисусе. Царственный вход в Иерусалим, торжественный апофеоз, крестная смерть, воскресение. Легенда о боге умирающем и воскресающем уходит, как известно, корнями в седую старину. Ее разбирали в литературе много раз до мельчайших подробностей. Фрезер посвятил ее разработке 30 лет весьма напряженной работы. Иисуса сравнивали с фригийским Аттисом и сирийским Адонисом, с вавилонским Таммузом и египетским Озирисом. Все это боги весны, сперва умирающие внезапной, жестокой смертью и потом воскресающие при общих ликованиях. Культ всех этих богов, как и культ Иисуса, первоначально являлся весенним земледельческим культом. Обрядовая мистерия погребения и воскресения весеннего бога, с одной стороны, выражает настроение поклонников и верующих — вначале полное отчаяние, потом переходящее во взрыв ликования. С другой стороны, эта мистерия является магическим воздействием на силу природы затем, чтобы ее оплодотворить и заставить принести обильные плоды. Новые весенние песни являются как бы ежегодным внушением, стремящимся перелить в бескрайнюю природу новый экстаз возрождения и веры, вспыхнувшей в человеческой душе. Торжественный обряд воскресения весны созвучен воскресению природы. Он рождается и развивается вместе с реальной весной. И рядом с бесчисленными божественными гимнами о воскресении весеннего бога, готового поить своей закипающей кровью, причастить этим свежим и чистым вином все земледельческое человечество, можно процитировать торжественный гимн мужицко-пролетарского поэта, шотландского безбожника, антицерковника Джона Бернса, знаменитую песню Джон-Ячменное Зерно.

Кровь сердца Джонова враги
Ликуя стали пить.
Из кружек начало в сердцах
Ключом веселье бить.

В этой мистерии ячменного пива трепещет и живет подлинное воскресение весеннего бога-зерна, а также и причащение верных его свежей пенистой кровью.

И что из того, что все эти верные — только любители пива? Праздник весны, сбросив старинную обрядовую оболочку, сделался чище и цветистее.

Множество разнообразных фактов, относящихся к Сирии, Египту, Малой Азии, Эллинским странам и проч., указывают согласно на мистирию умирающего бога.

Сирийские «вопли об Адонисе» с их неустанным припевом: ai, ai, Adonin соответствовали в Греции плачу о юноше Лине. И самый припев этого плача Lina ailinon и имя юноши Linus ailinus представляет не что иное, как семитический вопль: ai Ienu или ai Ianu — «увы нам», переделанный по-гречески.

Я решаюсь высказать предположение, что странные семитические слова Иисуса на кресте, которые у Матфея звучат: «элои, элои, лама савахфани», а у Марка уже иначе: «или, или, ламма савахфани», и которые остались непонятны окружающей толпе, представляют лишь отзвук этой же самой жалобы; ai Ianu или Ienu, осмысленный потом толкованием поклонников.

Звуки «элои, элои, лама» или «или, или, ламма» созвучны жалобе ai Ienu и именно об этих звуках толпа говорила с удивлением: «Илью зовет».

Геродот сообщает про Египет, что там тоже есть песня, что поется в стране финикийцев и на Кипре и в других странах и у каждого народа носит она другое имя. Таков напев Ляна у эллинов, египтяне зовут ее Монерос.

Это новое имя опять-таки составляет эллинское искажение египетского плача: mât-ne-hra — «вернись обратно».

Остатки культа умирающего бога существуют и ныне в некоторых подробностях шиитского погребального праздника о смерти Гуссейна, который сопровождается воплями, кровавым раздиранием лица и груди и пр., совсем как в плаче о Таммузе или Озирисе; также в христианском обряде плащаницы отразился все тот же обряд. Евреи, разумеется, с этими обрядами были знакомы интимнее. Так Иезекииль указывает: «И привел меня Господь ко входу во врата дома Господня, которые к северу, и вот там сидят женщины, плачущие о Таммузе» (Иезек., 8, 14).

Один из последних пророков, Захария, в своих мессианских прорицаниях говорит: «Воззрят на него, которого пронзили и будут рыдать об нем и скорбеть как о первенце. В тот день поднимется большой плач в Иерусалиме, как плач Гададримона в долине Мегидонской» (Захар., 2, 10–11). Гададримон это еще одно имя для этого же умирающего бога. Христианская церковь относит эти предсказания к Христу. Связь совершенно очевидная.

Рядом с этим любопытно указать остатки мистерии умирающего бога у славян, и в частности у русских.

Так, в Малороссии весной хоронят соломенную куклу Коструба или Кострубоньки и причитают над ним, как над умершим. Затем следует оживление и всеобщее ликование.

В Малороссии же летом хоронят с причитаниями фигуру Ярилы.

Великорусская Кострома сродни малорусскому Кострубу. При проводах весны в разных местностях носят по селу с песнями обряженную парнем куклу.

В Пензенской губернии на второй день Троицы бывают похороны Горюна. Соломенное чучело носят с песнями по селу и, в конце концов, бросают его в воду.

В Твери и Костроме был до последнего времени праздник погребения Ярила.

В небольшом гробу носили по городу куклу мужчины с естественными органами. Пьяные женщины провожали гроб, потом хоронили Ярилу, закапывая его в землю.^[12] Здесь древний характер праздника прорастает яснее.

В центральной России празднуется до настоящего времени, конечно, в более глухих углах, праздник первого сжатого снопа или, напротив, последнего сжатого снопа.

В Рязанской и Тамбовской губерниях этот праздник носит многозначительное имя: «похороны князя». Князя изображает маленький ребенок. Его покрывают платком и держат на руках, оплакивая его болезнь. Когда князь умер, его кладут на ржаное поле среди выколосившейся ржи. Потом поют причитание, которое заканчивается так:

Ой горе, ой горе!
Кручина великая!

Эти печальные возгласы родственны сирийским крикам: ai, ai Adonin, или крикам греческим: Lina ai linon.

Праздник «похорон князя» по преимуществу женский, девичий праздник, так же точно, как и сирийские Адонии или вавилонские жалобы о Таммузе.

Другой вариант того же праздника — это так называемые «похороны кукушки», которые справляются в разных местах центральной Великороссии (в Орловской, Тульской, Калужской губерниях), в связи с началом жатвы или завязыванием колосьев, напр., в день Вознесенья.^[13] По народному присловию кукушка, «подавившись колосом», перестает куковать.

Похороны кукушки тоже обряд женский, девичий. Девушки делают птичью фигурку, или просто куклу. За неимением настоящей кукушки, берут траву «кукушкины слезки» или даже рябиновую ветку, заворачивают ее в тряпки и украшают лентами и шейными крестами, очевидно, заменяющими ожерелья. Кукла обряжается по-женски.

«Кукушку» сначала крестят, потом хоронят с различными песнями. Девушки при этом кумятся, меняются крестами и крашеными яйцами и считаются кумами на целый год.

Ты кукушка ряба,
Ты кому же кума?
Кумушки, голубушки,
Кумитесь, любитесь,
Любитесь, даритесь!

По совершении похорон к девушкам присоединяются и парни. Можно указать вообще, что различные весенние и летние обряды — завивание березок, бросание венков в реку, — справляются девушками и молодками без участия мужчин. Однако мужчины в свое время появляются, и обряд принимает эротический характер.

Самый обряд кумовства, вопреки мнению большинства исследователей, тоже имеет эротическое значение. Правда, церковь запрещает браки между кумом и кумой. Но народный обычай до сих пор считает куму для кума самой подходящей любовницей.

Мигну, бывало, ей: «кума!»
Кума ни в чем не прекословит.

И кумушка и голубушка,
Звари мини судака,
Шобы юшка була.
И юшечка и петрушечка...
Кума моя, кума мила,
Кума душечка!

Кроме этого общего основного сходства Фрезер указывает также на сходство подробностей в различных вариантах обрядовой смерти умирающего бога. Здесь мы имеем дело уже не с легендами, а с

действительным обрядом, который реально справлялся у разных народов в особенности в странах передней Азии. В одних случаях мы встречаем обрядовую смерть царя. В других случаях царя заменяет преступник или раб, которого на день или на три или на целую неделю провозглашают царем, воздают ему царские почести, а потом предают его казни, часто распинают на кресте, как распяли Иисуса.

Так, по рассказу Бероза, греческого историка и вместе вавилонского жреца, в Вавилоне ежегодно справлялся праздник Сакейский. Он начинался в пятнадцатый день месяца Лоус и длился пять дней. В эти дни рабы и господа менялись местами. Рабы отдавали приказания, а господа их исполняли. Дальше выбирали преступника, осужденного на смерть, одевали его в царские одежды, сажали на трон и провозглашали его царем. Он мог есть, пить и наслаждаться и даже пользоваться наложницами из царского гарема. Но по окончании праздника с него совлекали его царскую одежду, подвергали его бичеванию и потом вешали или сажали на кол или, по некоторым данным, распинали на кресте. Во время праздника он носил особый титул Зогама.[\[14\]](#)

Подробности этого праздника близко совпадают с ритуальной стороной праздника смерти Христовой.

Рядом с этим вместо царя обрядовой казни предается царский сын, большей частью первенец или даже единственный сын.

Ветхий завет, как известно, переполнен примерами принесения в жертву первенцов, царских и простых, можно сказать оптом и враздробь.

Ряд этих жертвоприношений начинается еще от Исаака, захватывает эпоху Моисея и тянется после кровавой нитью сквозь оба палестинские царства, израильское и иудейское.

Обрядовая смерть Иисуса Христа с терновым венцом и титульной доской на кресте и насмешливым преклонением воинов является только лишним примером этого распространенного обряда.

Любопытно отметить, что легенда о рождении Иисуса везде называет его богом, а легенда о смерти Иисуса называет его не богом, а царем. Это согласно с указанными выше подробностями. Бог весны рождается сыном божества, а умирает неизменно в образе царя. Впрочем в Иерусалиме во время Иисуса едва ли справляли подобный обряд в каком бы то ни было виде. Критическая школа давно указала полную неправдоподобность евангельских рассказов о смерти Иисуса. Таким образом и этот эпизод, так же как рождение в стойле, поклонение волхвов и бегство в Египет должен считаться мифическим элементом в легенде о Христе.

Помимо всех этих первообразов Иисусовой легенды, критика давно указала еще более интимные сходства между рождением Иисуса и индийскими легендами о рождении Кришны и рождении Будды.

Царю Кансе, индийскому прообразу Ирода, оракул предсказал опасность от племянника. Он заточил в тюрьму сестру свою, божественную Деваки. Здесь и рождается Кришна, подобно Христу. Блаженные духи поют, волны рек и ручьев звенят от восторга. Голос с небес приказывает родителям спасти младенца, подменив его новорожденной дочерью пастуха Нанды.

Кришна вырастает в безызвестности, в семье пастуха, как другие герои. Следуют подвиги Кришны, подобные подвигам Геракла, свержение Кансы с престола, змееборство и, наконец, смерть Кришны, подобная смерти Ахилла или Зигфрида.

Кришна веселит людей, умывает браминам смиренно ноги. В «конце дней» предстоит нисшествие Кришны с небес, в облаке, на белом коне.

Индуисты доныне справляют рождение Кришны с пышными обрядами, аналогичными христианскому рождественскому празднику. Устраиваются зрелища и игры, подобные христианскому «вертепу».[\[15\]](#) Выставляется модель деревни Гокула, того Вифлеема, где родился Кришна. Царь Канса, индийский Ирод,

сидит на троне и устраивает избиение младенцев. Отец Кришны уносит младенца на плече, подобно Христофору.

Играют оркестры, проходят процессии, верующие ликуют, обнимаются. Кришна родился на свет.

Рождение принца Сиддхарта (Будды) от матери Майи повторяет другие черты Иисусовой легенды. Провидец Авита, подобно Симеону христоприимцу, возвещает грядущую славу младенца. Слепые прозревают, глухие вновь слышат, безумным возвращается разум. Явился тот, кто несет спасение миру, блаженство земле.

Связи между Индией и Эллинским востоком, после походов Александра Македонского, были обширны и разнообразны. У нас есть указания об обмене не только материальных ценностей, но также и духовных влияний. Южная Вавилония была местом встречи эллинских и индийских элементов. Палестинские эссеи и египетские терапевты проявляли очевидное сходство с индийскими браминами или буддийскими монастырскими общинами.

Глава 8. Идея смерти. Борьба со смертью

Чтобы глубже проанализировать представление о смерти бога, необходимо связать это с древнейшими представлениями о смерти вообще.

Для первобытного человека смерти еще не существует, или, если она существует, то это никак не естественная смерть, а случайная, насильственная. Первобытный человек не хочет мириться с признанием естественной смерти, даже в состоянии более позднего анимизма, религии духов. Активная природа человека не допускает пустоты, естественного перехода в небытие, и по его представлениям смерть — это убийство. Убийство совершает враг, зримый или незримый, видимым оружием из камня или железа или невидимым — колдовством. Колдовство создает колдуну незримое оружие. Многие народы, между прочим, всякую смерть приписывают магическому действию незримых колдунов и старательно ищут виновного.

С другой стороны, такими же виновниками смерти являются духи-убийцы, равносильные злым шаманам человеческого естества. Различные заразные болезни — оспа, холера, скарлатина, все это духи-убийцы, поражающие человека незримыми копьями. Последним воплощением, синтезом духов убийц является Смерть с большой буквы — образ телесный с телесным естеством и с оружием в руках.

Фольклор (народная словесность) различных племен изобилует рассказами о том, как сильный человек пересилил Смерть, взял ее в плен, завязал в мешок, повесил коптиться над огнем или уговорил ее сунуть руку в расщеп дубового пня, вышиб клин и смерть завязла в расщепе.

После того люди перестали умирать и их стало уж слишком много, как будто комаров. В конце концов Смерть освобождается. Чаще всего ее освобождает сам колдун, устранившись многолюдства. Мы встречаем такие рассказы у чукоч, у эскимосов и у папуасов, в Европе и на Дальнем Востоке. В русском варианте место колдуна занимает солдат. Смерть пришла убить его, а он хитростью заманивает Смерть в мешок, накрепко завязывает его и вешает коптиться над огнем. Смерть просится наружу и зарекается трогать православных, но солдат ей не верит. В конце концов, смерть все же выходит на свободу.

В другом варианте, повидимому, более древнем, «солдат, посадив смерть в торбу, взвалил ее на плечи и пошел в леса Брянские, дремучие. Пришел и повесил эту торбу на горькой осине, на самой вершине, а сам воротился домой».

С той поры не стал народ помирать. Рожаться рождается, а не помирает. Вот прошло много лет, солдат все торбы не снимает. И случилось ему итти по городу. Идет, а навстречу ему эдакая древняя старушка: в которую сторону подует ветер, в ту сторону и валится. «Вишь какая старуха! — сказал солдат, — чай давно уж помирать пора!» «Да, батюшка! — отвечала старушка, — мне давно помирать пора, — еще в тое время, как посадил ты Смерть в торбу, оставалось всего жития моего на белом свете один только час. Я бы и рада на покой, да без Смерти земля не примает...» И тогда солдат выпустил Смерть.

В третьем варианте солдат обманом посылает Смерть вместо старых людей ходить по лесам и три года точить самые старые дубы, вместо молодых людей три года точить молодые дубы и вместо малых детей три года глотать самые малые дубки. Таким образом солдат спасает от смерти своих родителей, своих братьев и своих малых племянников.

Во всех этих рассказах смерть является скорее представлением поздним. Она возникла с началом анимизма вместе с образами духов.

В безличной до-анимистической стадии мироощущения еще не было прямого восприятия смерти. Вечная активность человека отталкивала смерть. Существовал, пожалуй, темный, инстинктивный страх

перед непонятным, мгновенный трепет перед занесенным ударом невидимо откуда. Такой инстинктивный отврат перед смертью и убийством существует также у многих крупнейших животных.

Даже обычная фраза — силлогизм: «Все люди смертны. Иван — человек. Следовательно, Иван смертен» — это утверждение, столь нам знакомое, первобытному сознанию почти совершенно недоступно.

Об этом, между прочим, свидетельствует Карл фон-ден Штейнен относительно народов Бразильского плоскогорья Шингу.

Составляя с помощью своего переводчика простейшие вокабулы на языке бакаири, фон-ден Штейнен добрался в свое время до вышеуказанного силлогизма и к крайнему своему изумлению увидел, что этот силлогизм непонятен не только первобытному народу бакаири, но даже и более бывалому переводчику индейцу.

Как это все люди смертны? Если никто их не трогает, то они ни за что не умрут. Смерть — это насилие, это внешнее влияние злого, враждебного духа.

И в конце концов, в результате коллективного творчества фон-ден Штейнена, переводчика и людей бакаири, старый латинский силлогизм вылился так: «Я умираю. Мы умираем. Бывает, что люди умирают». Таким образом вместо общей формулы поставлена частная. Вместо обязательного правила, взято исключение.

По этому поводу Генрих Кунов развивает теорию совершенно умозрительного свойства:[\[16\]](#)

«Мы живем в больших городах, где случаи смерти часты. На кладбищах погребены сотни и тысячи умерших, и наши исторические рассказы повествуют о миллионах умерших.

У австралийского негра нет этого сложного опыта. Конечно, он знает, что в его маленькой группе некоторые уже умирали. Но сколько их было, об этом он не может судить. Он умеет считать только до десяти, редко до двадцати. А в той маленькой группе из сорока, пятидесяти лиц, в которой протекает его жизнь, умирает кто-нибудь лишь сравнительно редко. Смерть отнюдь не заурядное явление (в борьбе от ран). *Смерть вследствие старческой слабости представляет нечто необычайное*».

Этот красноречивый отрывок слишком длинен, чтобы выписать его целиком. Кунов действительно верит, что идея смертности всего человеческого рода возникла числительным путем, как арифметическая задача, построилась взаправду как немецкий силлогизм.

Но разве первобытному члену «маленькой группы», действительно, не хватает наблюдений над зрелищем смерти? Природа, его окружающая, насыщена убийством. И сам он, в качестве охотника, создает и сеет смерть.

Что же касается смерти натуральной, то звери, и птицы, и рыбы, и мухи во множестве дохнут и сами. А для первобытного человека звери и люди — одно.

Дело совсем не в отсутствии материалов для немецких силлогизмов, а в том, что первобытная психика не вмещает сознания смерти.

Приведенные выше рассказы показывают, что первобытный человек не желает признавать никакую смерть, ни естественную, ни насильственную. Он стремится и ту и другую опрокинуть, отменить или отомстить за удар.

Естественную смерть он потому не желает признать, что там нет врага и некому мстить.

Как только он начинает допускать естественную смерть, он превращает ее тотчас в фантастический образ и посылает колдуна или солдата бороться с нею и унять ее.

Однако постепенно человек убеждается на опыте, что смерть существует и никого не щадит. Умереть — это общая участь людей. В виде объяснения создаются легенды на следующую тему: Смерть появилась на свете благодаря такому-то стечению обстоятельств. Большею частью по вине такого-то зверя — зайца, лисицы, собаки, а чаще всего по вине змеи. Часто появление смерти связывается также с ущербом месяца, который рассматривается так же, как ежемесячная смерть. Месяц привлекает внимание первобытных людей гораздо раньше, чем солнце. Так, по рассказам готентотов, месяц пожелал послать человечеству весть о бессмертии. Заяц вызвался итти вестником. Месяц велел ему сказать людям: «как я умираю и опять воскресаю, так и вы умрете и снова воскреснете». Заяц однако передал людям как раз противоположное: «как я умираю и больше не воскресну, так и вы умрете и больше не воскреснете». Узнав об этом, месяц рассердился и ударил зайца палкой так, что рассек ему губу. Оттого у зайца губа рассечена. Заяц расцарапал когтями месяцу лицо, что можно видеть и теперь на месяце, а потом бросился бежать и бежит до сих пор.

Готентоты прибавляют: «мы так злы на зайца за эту коварную штуку, что не можем есть его мясо». Действительно, для мужчины готентота на заячьем мясе лежит суровое табу. Кто поел бы заячьего мяса, того изгнали бы из деревни.

Рассказ об искаженном извещении, благодаря которому люди потеряли бессмертие, имеет огромное распространение в Африке и в Евразии. Он встречается у готентотов, а также и у чукоч. Большею частью вестник искажает извещение, желая утаить бессмертие и присвоить его в свою пользу. Искаженное извещение, высказанное вслух, действует как заклинание и не может быть изменено. Часто таким коварным вестником является змей, и легенды утверждают, что змеи действительно присвоили себе человеческое бессмертие. Змеи, как известно, весьма долговечны. И многие народы даже считают их бессмертными. Это воззрение связано также с тем фактом, что змеи ежегодно линяют, сбрасывают кожу и вылезают из старого футляра в новом, освеженном наряде и, таким образом, молодеют, обновляются.

В вавилонском варианте этой самой легенды об украденном бессмертии, которая попала потом в полуразрушенном виде в еврейскую Библию, змей играет, как известно, такую же коварную роль. Он так же исказил значение божьего приказа и побудил жену человека вкусить от древа познания добра и зла, оставляя повидимому древо бессмертия для самого себя. В вавилонском источнике змей просто крадет у человека растение, дающее бессмертие, а человек, лишенный бессмертия, садится и плачет.

Буддийская легенда об украденном бессмертии связана опять-таки с месяцем.

Жена царя Геу, по имени Чанг-Нго, украла у мужа траву бессмертия и убежала на месяц.

Впрочем легенда о людях, бежавших или попавших на месяц или просто украденных месяцем и ныне еще заметных в виде известных пятен (Каин и Авель на луне, мальчик и девочка) имеют вероятно самостоятельное происхождение и связаны с легендой об украденном бессмертии в порядке синкретизма.

Фрезер в своей книге «Фольклорные источники Ветхого завета» подвергнул обе эти легенды параллельному разбору. Он, между прочим, указывает, что первобытный человек, признав наконец смерть, стал тотчас же думать о воскресении. Надежда на воскресение была связана, как указано выше, с рождением нового месяца, после трехдневного промежутка между полным затемнением старого месяца и рождением нового. Отсюда, быть может, возникло представление, что мертвецы воскресают через три дня после смерти.

Эта надежда на воскресение «в третий день по писанию», — перешла как известно и в Новый завет.

В дальнейшем развитие смерть вырастает и становится образом огромным, всемогущим, сильнее, чем люди, цари, богатыри, даже сильнее, чем боги. И полную противоположностью вышеупомянутой сказке о победе солдата над смертью является другая не менее известная сказка о воине Анике. Слово

Аника означает по гречески: «непобедимый». Но смерть побеждает его и таким образом получает реванш за свою неудачную борьбу с шаманом или солдатом.

Я есмь смерть скорая,
Скорая есмь смерть, скоропостижная.

А в другом варианте даже и так:

Я есмь смерть прекрасная,
Смерть безродная, безымянная, беспосульная.
Пришла я тебя воскушати.

Все-таки и эта прекрасная смерть «кушает людей». Пищевой производственный подход сохраняется и тут.

В замечательной сказке о встрече работника со смертью, записанной Садовниковым в Самарской губернии еще в восьмидесятых годах, смерть изображается не только всемогущей, но также и праведной. Она праведнее бога, праведнее даже Николая угодника.

— «На дорогу работнику хозяин пирожок дал. Тот его в сумку положил и пошел путем-дорогою. Шел, шел и захотелось ему разговеться. Разостлал и сел на землю; только хотел укусить, — является Миколай угодник и говорит: «Ангел тебе за трапезой, добрый молодец, — покорми-ко меня». — «Кто ты такой?» — «Я Миколай угодник». — «О, — говорит, — ты за деньги, говорит, все бога-то молишь, — кто тебе свечку купит? — Я тебе не дам». — Миколаю угоднику не дал и сам пищи не принял, в пазуху положил и пошел путем-дорогою. Шел и устал и поесть захотел. — «Да-ко разверну да разговееусь». — Развернул и разостлал и перекрестился. Не поспел укусить — явился к нему старичок и говорит: «Ангел тебе за трапезой, добрый молодец, — дава-ко сядем да поедим». — «Ты кто дедушка?» — «Я сам господь». — «Эх, господи, я тебе разговеться не дам, — ты не по правде делаешь. Намножил которых больно богатых, а которых бедных...» — завернул, в пазуху положил и опять пошел. Шел, шел и крепко поесть захотел. — «Ну, надо разговеться». — Не успел куска обломить, — является к нему старушка и говорит: «Ангел тебе за трапезой, добрый молодец». — «Добро пожаловать, бабушка, ко мне разговеться». — «Где ты, друг, был?» — «В таком-то, говорит, месте, три года за паску в работниках работал. Паску получил, а сам не разговлялся». — «А что ты долго не разговлялся?» — «Да вот что, — сел я раз разговляться, — подходит ко мне святой отец Никола и садится со мной разговляться. Я ему, бабушка, ведь не дал». — «А на что ты ему не дал?» — «Он за копеечку свечку ведь работает. А кто ему свечку не купит, он за того и не молится. — Второй раз я, баушка, сел, — опять приходит старичок, — просит паски разговеться. Я спросил: ты дедушка кто? — а дедушка, сказал мне хорошо: «Я, говорит, господь». Ну, я бога прогневал, — не хорошо перед богом сказал: ты, господи, говорю, нас всех не равняешь, которых больно делаешь бедных, которых богатых!.. Взял я положил паску в пазуху и ушел. А ты, баушка, кто? — «Я, друг, смерть твоя». — «Ну, давай, баушка, разговеемся, — ты смерть, человек справедливый, ты не берешь ни злата, ни серебра, не оставляешь ни царей, ни сильных могучих богатырей, — всех моришь». — Вот они с ней сели и разговелись. Смерть и говорит: «Хоша я и смерть, да иди, куда путь лежит». — Он и пошел».

В дальнейшем развитии той же самой идеи смерть является всемогущей и неизбежной не только для людей, но также и для богов. Человек, вначале считавший себя естественно бессмертным и потом, против воли, признавший неизбежность жестокого и горького конца, как бы в виде отместки перенес эту общность и на богов. Составилась такая антитеза:

1. *Древнее воззрение*. Весь мир бессмертен в том числе и Я. Человек тоже бессмертен. Бессмертие мира включает и бессмертие Я.

2. *Более позднее воззрение.* Человек смертен. Стало быть и весь мир — земля, преисподняя и небеса — смертны. Смерть Я заражает и покрывает смертью все мироздание.

Так, например, по воззрениям гренландцев снежная вьюга может убить самого могущественного бога.

В беседе с полковником Доджем северо-американский индеец сообщил, что мир был создан Великим Духом. Такие утверждения, с виду монотеистические, нам придется разбирать подробнее. Но вот на вопрос полковника Доджа, о каком Великом Духе идет речь, о добром или злом, индеец отвечал: «ни о том, ни о другом. Тот Великий Дух, который создал мир, давно уже умер».

Поэтому при первых рассказах о христианском боге многие туземцы относятся весьма недоверчиво именно к его бессмертию и спрашивают даже с некоторым раздражением: «неужели он, действительно, никогда, никогда не умрет».

Греческие боги, как известно, тоже были подвержены смерти. На острове Крите показывали богомольцам могилу Зевса вплоть до начала христианской эры. В Дельфах рядом с золотой статуей Аполлона стояла могила Диониса с надписью: «здесь похоронен Дионис, сын Семелы». Там же в Дельфах была и могила самого Аполлона. О Пифагоре сообщают, что он вырезал надпись на этой могиле: «здесь похоронен Аполлон, убитый змеем Пифоном». Это, очевидно, пессимистический вариант битвы Аполлона со змеем. По другому варианту, оптимистическому, наоборот, — Аполлон убил Пифона своей смертоносной стрелой.

С другой стороны Аполлон и Пифон оба называются Дельфийцами — Delphicus. Возможно, что это один и тот же образ в различных представлениях, древнем и более новом. Оттого и легенда колеблется и путает, кто кого убил.

Еще более известен рассказ о смерти великого бога Пана, сообщаемый Плутархом. Его цитируют очень часто в различных историях религий. Суть его заключается в том, что в царствование Тиберия судно, проходившее мимо острова Паксоса, было окликнуто с берега. На судне был египетский кормчий по имени Тамус. Голос с берега окликнул его по имени и сказал: «Тамус, когда подойдешь к острову Палодес, возвести берегам, что Великий Пан умер».

Когда через несколько времени Тамус исполнил поручение и возвестил берегам, что Великий Пан умер, голос его повторили поля и леса, слышались вздохи и плач от края до края страны: «Великий Пан умер».

Фрезер не без основания сближает этот рассказ с печальными обрядами, которые справлялись в Вавилоне и Сирии в связи с ежегодной смертью весеннего бога Тамуза. В начале христианской веры, культ умирающего бога распространился по всей греко-римской империи во множестве форм.

От смерти отдельных богов греко-римское язычество поднялось к обобщению — о предстоящей смерти всего божественного Пантеона. По воззрениям греков, как известно, гибель поколения старых богов повторялась неоднократно. Хронос (время) низверг своего отца Урана (небо). Зевс с братьями в свою очередь низвергли обманом отца своего Хроноса при помощи матери Реи и потом оскостили его, лишив его таким образом всякой божественной силы. Афина и Аполлон в сообществе с новыми богами победили титанов и низвергли их в Тартар. Но в дальнейшем и новый круг богов с Зевсом и Афиной и др. должны были притти к гибели. Тайна этой гибели была известна Прометею, покровителю людей и противнику богов.

Такое же воззрение о гибели мира, богов и людей, мы встречаем и в скандинавской Эдде.

В море вздымается зверь мировой
В ярости древней. — Над трупами клоччет

Серый орел...
С севера страшный корабль приближается —
Мертвых везет;
Рушатся горы, мрут исполинши,
Смерть жрет людей, свод небес разрывается...
Змей побеждает хранителя Мидгарда,
Скоро селенье людей опустеет...
Солнце черно. Земли канули в море.
Звезды срываются вниз с вышины...
Много я знаю. Вижу я, вещая,
Грозно грядущий жребий богов. [\[17\]](#)

Это величественное и грозное описание стоит христианско-иудейских апокалипсов.

Апокалипсис есть предвещание о конечной гибели мира. В иудейско-христианской литературе эти предвещения возвращаются снова и снова с упорством навязчивой идеи, начиная от пророка Амоса и пророка Иезикииля и кончая апостолом Иоанном.

«И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи ангелам: идите и вылейте семь чаш гнева божия на землю»... «И звезды небесные упали на землю, как смоквы. И небо свернулось как свиток»... И от небесного престола раздался громкий голос, говорящий: «Совершилось!» Тогда море отдало своих мертвых, и смерть и ад отдали своих мертвых. И судили всех по делам своим. Это смерть вторая».

С нашей точки зрения совершенно не важно, кто у кого позаимствовал эту литературную форму и, в частности, кто именно был автором откровения Иоанна, — апостол Иоанн, пресвитер Иоанн или Иоанн Златоуст, как утверждает Н. Морозов. Вернее всего ни тот, ни другой, ни третий. Легенды вообще безымянны и не имеют автора. Также для нас не интересны намеки различных откровений то на вавилонских царей, то на римских императоров. Мы разбираем типический образ, а не индивидуальный пример.

Устанавливая формулу конечной гибели мира, мы считаем нужным указать, что в дальнейшем развитии своем в порядке стилизации слепая гибель мира превращается в последний страшный суд, дабы каждый судим был по делам своим, как указано выше.

Другая черта превращения. Гибель заканчивается воскресением. Страшный суд завершается раем. Так, откровение Иоанна кончается видением великого града святого Иерусалима, который нисходит с неба. Стены его украшены драгоценными камнями, и спасенные народы будут ходить в его свете.

Так же точно и пророчество Эдды завершается светлым откровением:

Знаю я, вижу, как снова возникнет
Вновь зеленея из моря земля.
В новых дворах своих асы под травами
Доски найдут золотые, чудесные.
Станут хлеба вырастать без посева...
Горе забудется. Бальдур воротится.

Это последнее видение пророчицы считается возникшим под влиянием христианства, — не знаю, насколько основательно.

Глава 9. Древний культ умирающего зверя-бога. Культ медведя, кита, дракона. Звериная жена. Звериный сын. Медвежий культ палеолита

Особое место в обрядовой смерти занимает тайная вечеря с ее знаменитым причащением телу и крови умирающего бога. В христианстве, как известно, обряд причащения имел символический характер. Дележ человеческого мяса заменялся преломлением хлеба. Кровь заменялась вином. Опять-таки в этом случае можно указать на множество вариантов этого причастия мясом и кровью в прямом или измененном виде. Не говоря о культах передней Азии, по-видимому, в некоторых христианских сектах тоже существовало причащение телом и кровью убитого бога без всякой стилизации. Даже и выйдя из употребления, этот кровавый обряд долго сохранялся в памяти народной, направленный как обвинение против разных преследуемых социальных и религиозных групп, в том числе и против презренных иноверцев (в частности, против евреев). С другой стороны, в христианстве жило убеждение, что священная облатка и вино представляют настоящие тело и кровь. Облатку можно колоть ножом и извлечь из нее кровь. Можно даже распять ее на кресте, точно также как распяли Иисуса. Однако причастная трапеза верующих, поедающих закланного бога, встречается не только у земледельцев с высоко развитой культурой, — она распространена также у первобытных, охотничьих племен. Поедаемый бог, входящий в тело и кровь верующих, является тотемным божеством. Мы подошли таким образом к самому первобытному основанию легенды об умирающем боге, точно также как в первом эпизоде о рождении чудесного дитяти мы можем связать христианскую легенду с циклом древнейших рассказов о тотемном медведе-отце.

В цикле рассказов о медведе и ките на северо-востоке Евразии выделяются больше всего два последних эпизода: причастная трапеза верующих и потом воскресение тотема.

Медведь, как указано выше, не является на севере Евразии тотемом отдельного рода, а является предком-тотемом целого племени. Мало того, длинная цепь арктических племен Евразии, начиная от Кольских лопарей и кончая колымскими ламутами, с одинаковым почтением и страхом относятся к медведю. Для тунгусов и юкагиров медведь является предком, дядей по матери, как указывают ламуты.

Это между прочим явствует из тунгусского заклинания, где старшая сестра медведя Дантра является бабушкой тунгусов. В других случаях Дантра является не старшей, а младшей сестрой медведя. Братом Дантры является Торгандра, предок тунгусов.

Между прочим, в настоящее время у тунгусов преобладает родство по отцу. Таким образом, вышеприведенное заклинание указывает на большую древность, когда родство по матери (матернитет) преобладало над родством по отцу (патернитет).

Даже полярные русские (в сущности, скорее русифицированные туземцы) на Колыме, на Анадыре, на Пенжинной, на Яне, на Индигирке и на других реках, относятся к медведю с таким же суеверным почтением и, подобно тунгусам, эти русские называют медведя не иначе, как «дедушко». Даже прилагательное составили особое «дедушковатый». Это означает обильный медведями. Собственно говоря, даже называть медведя «дедушко» тоже не следует. Просто надо говорить «он».

«Он знает», говорят колымчане, «знатливец, ведун».

Оба глагола «знать» и «ведать» на Колыме одинаково относятся к колдовству.

Русские колымчане и анадырцы не решаются напасть на медведя и даже перестали настораживать старинные ловушки «кулемы», сделанные из бревен, отягощенных камнями. Ружейная охота на медведей также не производится. Если медведь сделает какую-нибудь пакость, разграбит на заимке рыбную шайбу

(амбар), что случается нередко, или разбросает пасти (ловушки), для того, чтобы оттуда достать пахучую наживку, не следует роптать и бранить медведя за озорство. Он непременно узнает, услышит и потом отомстит. Даже тунгусы не заходят так далеко и в голодную пору убивают медведей, исполняя потом особый обряд поклонения.

Только на Камчатке русские вместе с камчадалами и оседлыми коряками усердно производят охоту на медведей. Камчадалский медведь исключительно «рыбный». Он считается смиренным и мало опасным. С другой стороны, медведей на Камчатке много и охота на них доходна. Мне приходилось встречать в камчадалских селениях целые базары продажи медвежьего мяса. Охотничьи партии, вернувшись из тайги, привозили по 20 и 30 убитых медведей, и медвежьего мяса хватало на целое селение.

Однако полярные русские не устраивают особого медвежьего праздника. Туземцы полярного круга устраивают особые праздники убитого медведя. Это одинаково относится и к белому и к бурому медведю. Такие праздники есть у лопарей, у тунгусов, у юкагигов. Праздники эти имеют вообще характер тотемного пира с обрядовым потреблением тела убитого зверя.

Можно даже говорить об обрядовом культе медведя у туземцев, который параллелен культу Христа, принесенному русскими.

Так у ламутов мясо убитого медведя нельзя готовить впрок, его надо есть всем стойбищем при участии соседей и гостей и съесть его при этом как можно скорей. Кости его вычищаются и связываются вместе. Потом их помещают на особый лабаз (деревянная платформа) и выставляют в лесу на предмет поклонения прохожим.

Самое убийство медведя совершается также в виде особого обряда. Например, сахалинские гиляки убивают живого медведя, воздавая ему предварительно почести, как предку и старшему члену семьи. Перед тем как нанести медведю смертельный удар, они подходят к нему прощаться, рискуя получить увесистый удар от лапы разозленного зверя.

Так же точно и чукчи с эскимосами разбирают убитого кита целым поселком, даже целой группой поселков. После того начинается праздник воскресения зверя. Между прочим у чукоч и приморских коряков, кит в этом случае является не столько отдельным божеством, сколько центральной фигурой целого сонма зверей, которые были убиты и съедены за долгий промежуток времени, а теперь воскресают все вместе.

Праздник воскресения зверей является главным торжеством охотничьих племен северо-восточного угла полярной Евразии. На этом празднике головы или черепа зверей, убитых в течение известного периода времени, целые мороженые туши или наоборот мелкие частицы, взятые от каждой туши, — глазное яблоко, обрезок сердца, кончик носа или уха, обрывок тюленьего лапа, — раскладываются на шкурах или на травяных циновках перед самым огнем. Все это так называемые «гости», а у иных даже «хозяева праздника».

Череп и туши украшают длинными пучками мягкой травы, меховыми кисточками, разноцветными полосками кожи. Женщины вешают на них свои ожерелья.

«Гостям» подносят разного рода мясо, рыбу, икру, табак, даже водку. Центральному гостю даже предлагают жену — небольшую фигурку, сделанную из сала, из тертых листьев и попросту из снега. Фигурка представляет женщину или, в других случаях, самку чествуемого зверя.

На празднике диких оленей для главного убитого быка закалывают молодую домашнюю самку и подкладывают ему под бок. Это его молодая жена. По рассказам на празднике кита некогда бывали случаи убийства молодой девушки в жены киту.

Мороженые туши зверей оттаивают перед огнем, прежде чем снять с них шкуру.

«Пусть обогреются гости», говорят участники праздника.

«Когда им станет тепло, они снимут прочь свои меховые шубы».

Когда шкуры содраны, гостям подносят «новую одежду» в виде длинных поясов, сделанных из жесткой травы. Между прочим, эти травяные пояса вместо меховой одежды вероятно указывают на значительную древность этого обряда. Травяные пояса, как известно, свойственны тропикам. Полярные люди не имеют никакого представления, что такие травяные пояса могли бы явиться одеждой, Ободранная шкура, тяжелая и мохнатая, замененная легким травяным поясом, является как бы символом ухода в загробную область и вместе возвращения в свое теплое, южное отечество.

Как только туши ободраны, полуоткрытые пасти зверей набиваются рыбой и икрой. Хозяйка взрезывает на туше в разных местах «карманы» и наполняет их рыбой и икрой в виде подарка гостям. Зубы гостей намазываются салом, носы — рыбьим жиром. Люди при этом восклицают: «Скажите своим братьям, что в этом доме хорошо принимают гостей. Пускай они тоже придут. Мы угостим их не хуже, чем вас».

После того гости отдыхают. В доме должно быть совершенно тихо, чтобы не разбудить гостей. Говорить можно только шопотом. Впрочем время от времени кто-нибудь тихонько постукивает палочкой в семейный шаманский бубен, и люди подпевают вполголоса.

Дальше начинается новый акт. Участники праздника разделяются на две группы. Одна, состоящая из мужчин, представляет охотников. Женщины пляшут. При этом они визжат и лают по-лисьему, хрипят по-ольемому, режут по-медвежьему, воют по-волчьи, представляя зверей.

Мужчины топают ногами и кричат:

«Не мы вас убили».

«Нет, нет, нет!» отвечают женщины.

«Камни скатились с высоты и убили вас!»

«Да, да, да!» подтверждают женщины.

После того начинается третий акт. Хозяин и хозяйка собирают черепа, кости и всякие частицы зверей и все это выносят наружу. Кости и обрезки, относящиеся к сухопутным зверям, оставляют в поле, птичьи косточки подбрасывают вверх, китовые, моржовые, тюленьи и рыбы частицы и кости бросают в море. Люди при этом восклицают: «Тюлени ушли в море! Кит ушел в море!»

Таким образом совершается, во-первых, воскресение зверей для того, чтобы их порода не оскудела в будущем. Во-вторых, достигается примирение охотника с духами убитых зверей, а, в сущности говоря, с самими убитыми зверями. И наконец, в-третьих, обеспечивается возвращение этих зверей, а также их товарищей и братьев в «гости» к охотникам.

Обряд воскресения зверей является главнейшим охотничьим праздником полярных народов северо-восточной Евразии. На это достаточно указывает его драматическая разработка в виде ряда последовательных актов, обилие подробностей и значительное географическое распространение. Естественно связать этот древний охотничий праздник с последующим праздником воскресающего земледельческого бога. Разница, однако, в том, что в охотничьем обряде воскресает не зверь, а звери. Медведь или кит является центральной фигурой, а вовсе не единственной. Вместо одного воскресающего бога возрождается целое множество. Это согласно с общим развитием религии по пути сокращения духов и замены великого множества их сперва центральным, а потом единственным образом. Обряд воскрешения зверей является начальным звеном этого процесса.

Эмиль Лоренц в любопытной статье «Политические мифы» отмечает в казни Людовика XVI во Франции элементы мистерии умирающего бога. Он выписывает из Тена цитату о чувстве божественного почитания к особе короля, которое жило во Франции еще в 1792 году и которое сменилось стихийною яростью.[\[18\]](#)

Во всяком случае, если рассматривать Французскую революцию как единое целое, казнь короля, действительно, является центральным моментом, как бы апогеем революционной трагедии. Французскую революцию можно было бы назвать божественной трагедией в подражание Дантовой «Божественной комедии».

Гейне в одном из своих стихотворений с цифирным заглавием: «1649–1789 —????» — предсказывает, что когда-нибудь, в еще неизвестную дату, тот же обряд будет справлен и в Германии немецким императором, но в обстановке еще более торжественной. На лошадях будут черные перья. На козлах гайдуки в трауре. По дороге народ будет плакать и кланяться. И вообще вся казнь пройдет в самой верноподданнической обстановке. До сих пор этого еще не произошло. Правда, низвержение Гогенцоллернов и К° имеет несомненно такие же черты. Во всяком случае художественный инстинкт Гейне подсказал ему правильно, что даже убийство венчанного владыки имеет в себе некий божественный ритуал.

В русской революции, напротив того, низвержение самодержавия является только прологом, а потому и казнь Николая II прошла где-то на задворках и даже не привлекла ничего особого внимания.

В той же статье автор указывает и на другие политические трансформации религиозных инстинктов, воззрений и обрядов.

Так, в марсельезе поется:

Идем, идем, нечистой кровью
Оросить наши борозды!

Это, очевидно, воспоминание о древнем полевом обряде, который требовал обрызгивать запаханные борозды кровью принесенной жертвы.

Или еще подробности убийства сеньера Гильена-Дюмонте в его собственном замке Полеймье близ Лиона 26 июня 1791 г. Замок был взят и сожжен. Тело владельца разрублено на мелкие части и разослано по соседним приходам. Люди из толпы макали пальцы в кровь и мазали себе лицо. Другие изжарили руку убитого и съели ее.

В ту же эпоху при убийстве генерала Лале солдат вырвал у него сердце и поднес ко рту, потом бросил. Точно такие же случаи отмечены на двести лет раньше во время голландской революции среди нидерландских гезов. *Gieix* — «нищие»; такова была кличка нидерландской революционной партии, как у французов потом «*санкюлоты*» — «голоштанники».

Во время испанского приступа один из гезов вырвал у убитого испанца сердце, закусил его зубами и с криком «горько!» бросил вниз с вала.

Во Франции же, во время казни генерал-майора Рошмора, палач умыл руки в его крови и обрызгал ею зрителей.

С другой стороны в начале реставрации Бурбонов при расправах реакционеров с бывшими патриотами и наполеоновскими офицерами бывали такие же случаи. Местные власти и дворяне в парадных одеждах, вырвав у убитого сердце, клали его на стол и плясали кругом, тыкая сердце ножами.

Все эти примеры и действия имеют явное сходство с древней кровавой мистерией умирающего бога-преступника-царя.

Этот любопытный анализ показывает, что инстинкты мифологические и обрядовые способны продолжаться и вне пределов формальной религии и переходят от религии к политике.

Можно указать заодно, что мистическое легковерие, свойственное древней толпе, вошло и в современность, в несколько измененной, светской, даже легкомысленной форме. Современная реклама имеет характер такой же необузданный, бесстыдный и неправдоподобный, как самые нелепые легенды и измышления древности.

Лечебные рекламы современности совпадают в подробностях с самовосхвалениями магов, жрецов Асклепия и просто знахарей. И не напрасно врачей до сих пор называют «жрецами Эскулапа» — Асклепия. Доныне существуют промежуточные типы. Пресловутый тибетский врач Бадмаев, имевший в Петербурге до самой революции такую прекрасную практику, был одновременно врачом и знахарем и, пожалуй, колдуном и жрецом.

Самые неправдоподобные зазывания, напечатанные в газетах, действуют неотразимо на публику. Если бы кто-нибудь напечатал такое объявление: «Воскрешаю мертвых вплоть до четвертого дня после смерти, руки возвращаю безруким и ноги безногим», снабдив объявление соответственными аттестатами и свидетельствами, к нему, несомненно, потянулись бы неутешные матери и унылые калеки. Дня через два его бы, пожалуй, арестовали, но это уж другой вопрос.

Поразительно то, что печатная реклама перешла из динамического состояния в статическое. Она напечатана черным по белому. Над ней можно остановиться и поразмыслить. Она лишена элемента нарастающих слухов и словесных преувеличений и всегда сохраняет свой первоначальный вид. Тем не менее, гипноз, производимый ею на толпу, ничуть не ослабевает. Действие печатной рекламы нарастает по принципу простого сложения, оно не имеет в себе элементов прогрессии ни арифметической, ни тем более геометрической. Но современная толпа так велика и густа, что для взаимного гипноза достаточно простого сложения.

Особенно удивительно проникновение рекламы в область материальной культуры: платья, обуви, припасов, орудий и в область экономики, банковских операций, биржевой игры, ажиотажа.

Бесчисленные примеры убеждают, что на самые грубые удочки попадают искушенные и в общем осторожные дельцы.

Напомню прекрасный рассказ Марка Твена о чорте, который с высоты небоскреба удил в городской толпе крючком с насаженной облигацией и вытаскивал дельцов одного за другим, потом захотел отдохнуть и пройтись по улице, но тотчас же попался на собственную удочку.

Влияние печатной рекламы тесно связано с развитием городской, машинообразной, капиталистической культуры и возрастает вместе с ним.

Глава 10. Многоликость воскресшего

В причастной трапезе смерть Христа есть однако элемент, который на низших стадиях того же праздника почти не существует или мало выдвигается вперед. Напротив того, в христианском обряде эти элементы выдвигаются вперед с особенной настойчивостью. Мы говорим о вездесущей крови и плоти христовой во время причащения. Церковная доктрина, как известно, подчеркивает, что в освященном хлебе и вине содержится именно плоть и кровь самого бога, а в плоти и крови содержится само божество. Споры об этом важнейшем вопросе христианства ведутся издавна. Вплоть до настоящего времени католическая и православная церкви признают пресуществление хлеба и вина в истинную кровь и плоть Христову. Протестантские церкви признают сопричастие действительных тела и крови Христовой в евхаристии вместе с хлебом и вином, так что вкушающий хлеб и вино в евхаристии во всякой из этих церквей приобщается в ней действительных тела и крови Христова. Довольно трудно объяснить, чем сопричастие отличается от пресуществления. Протестанты получают как бы раздвоение священной материи. В одном и том же существе с одной стороны хлеб и вино, а с другой стороны тело и кровь.

Принимая во внимание, что обряд причащения совершается почти повсеместно на земле в тождественное время, мы получаем таким образом вездесущее тело Христа во время причащения. Это божество, раздробленное на мелкие крохи, разбросанное в тысячах мест и все же единое.

В более древнем обряде умирающего бога этот момент вездесущности совсем не подчеркивался. Боги были вообще множественны. Сирийские села, справляя обряд Адониса, ничуть не заботились и не думали о том, один ли это общий Адонис, или у каждого села есть свой собственный.

В христианстве, напротив, божество является центральным и единым. Между прочим, из трех ипостасей божества именно Христос является наиболее активным. Он наполняет собою религию и церковь. Таким образом, вопрос о раздроблении единого и вездесущего Христа является для христианства важнейшим центральным пунктом. Более первобытным божествам и духам присуща лишь идея многосущия. Целый ряд образов как индивидуальных, так и коллективных, представляется одновременно в различных ипостасях бытия. В другом месте [\[19\]](#) мною было указано много подобных примеров. Приведу еще несколько.

Так у чукоц, у коряков и гиляков свирепые дельфины-касатки (*Orca gladiator*), по-английски *killerwhale* — «убийца китов», которые производят на китов настоящие облавы, считаются одновременно дельфинами и также людьми. Восемь дельфинов-охотников составляют команду особой дельфиновой лодки. Что из того, что мы этой лодки не видим, она все же существует. У дельфинов есть копья, гарпуны и дротики, которыми они поражают на смерть окруженного кита. Далее на суше зимой те же самые дельфины являются волками. Они соединяются в артели, тоже по 8 штук, и нападают на стада оленей с таким же успехом, как в воде нападают на китов. Таким образом, дельфины-касатки имеют три бытия, — одновременные или чередующиеся.

Лемминг, пеструшка, в нашем земном мире является мелким зверком, но одновременно в каком-то другом мире, например, в области малых человечков, рожденных из съедобных корней «сараны», лемминг является тяжелым и крупным животным, но меньше белого медведя, и эти человечки существуют охотой на него. Лемминг имеет, таким образом, два одновременных бытия.

Это примеры коллективные. Приведу также примеры индивидуальные.

В чукотской легенде колдунья, желая поймать убегающего мальчика, воздвигла на его пути сплошную железную стену. Сама же раздвоилась и засела по обеим сторонам этой железной стены, слева и справа.

Мы имеем здесь отчетливый пример одного бытия, раздвоенного в пространстве и одновременно существующего в разных местах.

Христианское бытие, вначале такое же двойное и тройное, быстро умножается, приобретает пестроту, многоликость, многосущность и, наконец, становится вездесущим. Примеров такого умноженного бытия в христианстве можно привести множество. Можно напомнить, например, распадение богородицы на множество отдельных повторений и перевоплощений. В святцах имеется больше 20 праздников Марий. Даже в евангелии имеется несколько Марий: Мария — мать божия, Мария Магдалина, Мария Клеопова, есть просто «другая Мария», которая упоминается глухо и безымянно в различных местах у Матфея. Еще рельефнее это распадение Марии является в иконах и храмах ее имени. В этом отношении Мария далеко превосходит Христа. Богородица Влахернская, Иверская, Парижская, Лореттская, Ченстоховская, Остробрамская, Тихвинская, Казанская и множество других.

Весь этот бесчисленный ряд изображений является, конечно, не столько символами, сколько воплощениями Марии. Именно поэтому эти иконы имеют в себе чудодейственную силу. Мария расщепляется в иконах так же, как Христос расщепляется в причастии. То же относится, хотя и в более слабой степени, к праздникам и изображениям божественных лиц, например, к иконам и статуям и к престольным храмам Николы Чудотворца. Кстати, и в святцах Николе Чудотворцу служат два раза — весной и осенью. Николай Чудотворец невидимо расхаживает по русской земле, а видимо присутствует сразу во всех своих престолах и сливается с каждым своим ликом в каждой деревенской церкви.

Мы видим таким образом в переходе от язычества к христианству умножение различных воплощений бытия, которые, восходя от святых к богородице, а от богородицы к Христу, становятся наконец вездесущим, раздробленным, но единым. С этой точки зрения не следует совершенно удивляться, что в церковном обиходе всего средневековья фигурировали реликвий и мощи в образе весьма материальном и в то же время многосущны. Нерукотворенный образ, на котором чудесно отпечатался лик Христа, имелся в пяти местах. И даже *reruscium*, кусочек крайней плоти, оставшийся от обрезания Христова, имелся в трех местах.

Христианство и в этом отношении, как и во многих других, расчленило и умножило первобытное наивное воззрение, систематизировало и каталогизировало его и довело его до абсурда, до бесконечности.

Верить в присутствие Христа во всех миллионах облаток, частиц просфоры, чаш красного вина гораздо труднее, чем верить в простое превращение ведьмы в черную кошку. Вот почему Августин и выдвинул положение: «Верую, потому что нелепо».

Первобытному мышлению его собственная вера не кажется нелепой, но в высшей степени разумной и естественной.

Другое проявление такой многосущности и даже вездесущности является в молитве. В различных местах, члены различных классов, различные люди молят единого бога о разных вещах. Одни о дожде, а другие о ведре. И бог дает каждому просящему согласно прошению его.

Народная мудрость издавна занималась в легендах и сказках этим противоречивым вопросом. Например, в одной из легенд о Соломоне, корабельщики, выпросившие у бога свежий ветер, тем самым причинили убыток убогой вдовице, у которой этот ветер развеял из чашки последние горсти муки. Соломон оштрафовал корабельщиков в пользу вдовицы и таким образом поправил оплошность божества. Легенда имеет какой-то иронический оттенок по адресу божественного ротозейства.

Новейшим проявлением той же самой противоречивой многосущности явились в минувшую войну молитвы о победе. Священники каждой страны молились одному и тому же христианскому богу о

собственной победе над другими. И не только молились, но даже были уверены, что их специальная молитва услышана и исполнена. В 20 вариантах казенных реляций о минувшей войне каждый из 20-ти народов участников неизменно выставляет себя победителем и внутренне верит в такое свое утверждение.

Эта многоликая молитва христианских священников имела еще и дальнейший вариант в вожделениях социал-патриотов указанных народов. Двадцать национальных социал-патриотических групп во имя одного и того же международного социализма пламенно желали и звали победу к себе.

Таким образом одно и то же божество может раздробляться на мелкие крохи и быть вездесущим и единым. И можно молить одно божество с разных сторон о противоположных даяниях и даже получать таковые.

Необъяснимое слияние двух природ Христа, божественной и человеческой, и вытекающая из него многосущность или односущность Христа смущали верующих с первых веков христианства. По мере того, как христианство теряло первоначальную революционность и переходило от агит-платформы к метафизике, вопрос о природе Христа выдвигался вперед, между прочим гораздо рельефнее, чем сродный ему вопрос о троичности божества. Это показывает, что в христианстве второй член троицы гораздо важнее всей остальной троицы.

Дискуссия о свойствах обоих Христовых природ велась с неслыханным упорством и привела к серьезнейшим расколам и ересям, которые организовались в особые церкви и отчасти существуют и теперь. Новейшие историки удивляются тому ожесточению, с которым даже уличные византийские рабочие, брдобреи, возчики спорили из-за единой йоты, разделяющей два определения, относящиеся к Христу: *отоousios* и *отоjousios*. Первое означает единосущный, второе — подобносущный.

Но в сущности дискуссия является естественным последствием любой ортодоксальности, и ереси рождаются из нее путем какого-то естественного почкования.

По вопросу о двух природах Христа ортодоксальное учение заняло наиболее нелепую позицию, выраженную в определении Халкедонского собора (451 г.).

«Христос есть совершенный бог и совершенный человек, единосущный отцу по божеству и единосущный нам по человечеству, пребывающий и по воплощению в двух природах постоянно и нераздельно, так что различие двух природ не устраняется через их соединение, а сохраняются особенности каждой природы при их совпадении в одном лице и в единой ипостаси».

Различные группы инакомыслящих пытались или отчетливо разделить эти две противоречивые природы или, напротив, привести их к слиянию.

Так несториане стремились к полному обособлению и разграничению двух самостоятельных природ Христа, допуская между ними только внешнее или относительное соединение или обитание одного естества в другом, как в оболочке.

Монофизиты, «единоестественники», напротив того, утверждали: Христос хотя и рожден из двух естеств, но не в двух пребывает, так как в акте воплощения неизреченным способом из двух стало одно, и человеческая природа, воспринятая богом-словом, утратила собственную действительность и стала лишь принадлежностью Христа.

Ефесский собор (449 г.), поддержавший монофизитов, слывет у православных разбойничьим собором. Обе партии затевали мятежи и кровопролития. Так, монофизиты вскоре после Халкедонского собора взяли приступом и разграбили Иерусалим. Православные ответили жестокими военными репрессиями, при чем в Александрии дошло до уличных боев.

Распря продолжалась ничуть не ослабевая, но в VII веке перешла с платформы статической на динамическую. Таким образом монофизитов заменили монофелиты, которые вместо двух природ Христа заговорили о двух волях Христа.

Допуская в Христе два естества, они учили, что в нем есть одна богочеловеческая действительность и, стало быть, одна воля.

Православные, разумеется, упорно настаивали, что у Христа при двух естествах есть две воли, божия и человеческая.

«А, может быть, добрая и злая воля» — коварно возражали монофелиты, подсовывая древнее учение о божеском дуализме.

Но православные победоносно разъясняли, что первая воля Христа есть его нравственная божественная воля, а вторая воля — простая человеческая, подчиненная первой.

Монофелиты были осуждены на VI вселенском соборе (681 г.).

Императоры неоднократно пробовали мирить враждующие партии, подыскивали услужливых патриархов, которые составляли компромиссные решения. Но в результате на эти компромиссы обе партии обрушивались с одинаковым ожесточением. Другие императоры, Гераклий и Констант, пробовали запрещать дискуссии, но это ни к чему не вело.

В это самое время уже появился ислам и успел отвоевать у Византии Египет, Сирию и Палестину. Ожесточенные преследованиями православных, еретики помогли арабам и предпочитали толпами переходить в ислам, чем веровать с вселенскими соборами. Ислам по крайней мере был проще и яснее.

Каждый из указанных оттенков христологии существует и поныне в виде особой церкви.

Несторианская церковь с особым патриархом держится в Месопотамии и Курдистане турецком и персидском (400 000 человек). Китайские несториане сохранялись до XVII века, потом растворились в общекитайской массе.

Монофизитского учения придерживаются сирийская йаковитская церковь, армяно-грегорианская, абиссинская и египетская-коптская, в общем до 10 миллионов человек. Монофелитское учение сохранилось в сирийской секте маронитов.

Глава 11. Бог № 3. Птица святая как мать Иисуса Христа

Бог № 3, третий член троицы, имеет в свою очередь 3 собственных лица: во-первых, это действительно дух святой, дуновение, одновременно spiritus и pneuma; во-вторых, это голубь, тот птичий образ, который дух святой почему-то неизменно принимает, когда является людям; в-третьих, третий член троицы — это богородица Мария, естественный центр и скрепа той божественной тройки, которая стоит во главе христианского пантеона. Последовательное соотношение этих 3-х ипостасей духа святого таково.

Всех древнее и нагляднее голубь, божественная птица, которая является воплощением великой сирийской и греческой богини Астарты-Афродиты, а в дальнейшем развитии этого божественного образа становится только атрибутом, птицей служебной, сопровождающей богиню, несущей ее колесницу. Священной птицей вавилонской богини Иштар была голубка. Греческая Афродита Пафийская имеет при себе голубей. Они несут ее колесницу в воздухе. На острове Крите тот же самый божественный образ в более ранней форме изображался с голубем вместо головы и с двумя голубями на обеих руках. Подобно тому, как греческая Гера-Юнона, которую Гомер называет Волоокой, в более древнем воплощении изображалась попросту с коровьей головой, а Афина-Паллада, называемая у Гомера Совеокой, изображалась с совиной головой, так и Афродита Пафийская, голубями влекомая, в древней форме была попросту голубкой.

Семирамида, царица-богиня верхней Ассирии, тоже была в сущности голубкой. Ее воспитали и спасли от смерти голуби. Изображается она нередко в образе голубки. Самое имя Самирам проявляет сродство с еврейским именем Мириям-Мариам, — откуда Марианна и Мария.

Между прочим, первая книга Библии «Бытие» так и начинается: «Земля была безводна и пуста, и дух божий носился над бездной». Самое имя Йагве произошло повидимому от египетского **INH** — «птица», «дух».

Этот образ, очевидно, птичий, и можно полагать, что образ этот был голубиный. Между прочим и в древней дуалистической легенде о сотворении мира птичьим образом является не только Сатанам, плававший в море в образе гагарьем, но также и первый дух, белый бог, ибо он тоже носился над бездной, как и в рассказе Бытия.

Надо указать, что в кругу шаманских образов быстрое движение всегда производится во образе птичьим. Шаман имеет при себе какой-нибудь птичий амулет, шкурку или крылышко. Этот амулет он оживляет, сливается с ним и тогда устремляется вперед.

В катакомбах Калликста близ Рима есть древнейшее изображение христово крещения. Одна фигура стоит над водой, другая выходит из воды. Над этой второй фигурой летает голубь с масличной ветвью в клюве. Это, очевидно, связано с Ноем и голубем, который был выпущен из ковчега и вернулся обратно с масличным листом в клюве. После потопа произошло как бы воссоздание мира и воссоздание человека. Бог заключил с человечеством новый договор, обещая больше не устраивать потопов, и это обещание скрепил радужным обручем. Над водяной бездной прежде всего пронеслись две птицы, черная и белая, ворон и голубка. Это те же самые птицы дуалистического рассказа, белый бог и черный бог.

Помимо того голубь фигурирует многократно в фольклоре различных племен и религий. Так, не только дух святой, но и просто человеческая душа, вылетевшая из тела, изображается в виде голубя. Наши поэтические представления о голубке, горлинке вытекают из тех же спиритуалистических ассоциаций. На деле голубь — птица прозаическая и глупая.

Богородица дева Мария — это новый вариант того же одухотворенного образа.

В различных божественных книгах рассеяны явные указания на то, что богородица совпадает со святым духом. Кстати еврейское слово *ruah* — «дух» женского рода. Так в апокрифическом «евангелии евреев» Христос прямо называет святого духа своей матерью: «мать моя, святой дух, только-что схватил меня за волосы и принес меня на великую гору Фаворскую».

В другом месте святой дух описывается как сильная женщина, имеющая высоту 96 миль.

Также и в евангелиях, когда дух святой в виде голубя спускается с небес на Иисуса, голос с небес возглашает: «Сей есть сын мой возлюбленный».

Семейные отношения бога-отца, голубки-духа святого и сына Иисуса выступают наружу в этот драматический момент.

Известная распря православной и католической церкви по поводу того, от кого именно исходит дух святой, только от отца или также и от сына, имеет прямое отношение к этому женскому образу.

Ежели дух святой есть мать сына, то он не может исходить от сына, а только от отца. Иначе боги встанут на грани кровосмешения. На такой точке зрения стоит православная церковь. Католическая церковь, напротив того, стоит на более древней точке зрения, согласно которой, во-первых, два мужских образа, отец и сын, сливаются в одно, а во-вторых, три женских образа, мать, сестра и жена тоже сливаются в одно. Различные варианты легенды об умирающем боге изобилуют такими слияниями мужскими и женскими. Так Кибела, мать богов, одновременно является матерью и возлюбленной Аттиса. В триаде Озирис, Изиды и Гор, сын небесной четы Гор, сливается с своим божественным отцом.

Таким образом вопрос об исхождении духа от отца и сына или только от отца является последней стилизацией кровосмесительного мифа об Эдипе и его матери.

Дух Святой в Евангелии связывается с крещением. Мы узнаем из Евангелия, что в ранние дни христианства было много различных крещений, крещение Иоанново, крещение духа святого, крещение Моисеево, крещение Иисуса Христа и наконец крещение другого Иисуса, который был древнее Иисуса Христа.

Так, в Коринфе Павел спросил учеников: «Приняли ли вы духа святого уверовавши?» Они же сказали ему: «Мы даже не слышали, что есть дух святой». — «Во что же вы крестились?» — «В крещение Иоанново» (Деян., 19, 2).

«Также и Аполлос в Ефесе говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново» (Деяния, 18,25).

Такое же крещение в виде погружения в воду и сошествия с небес священной птицы было в Египте и в Сирии. В культе митраизма было крещение кровью.

Иоанн выступает в Евангелии по преимуществу крестителем. И образ его неразрывно связан с рекою, а также и с рыбой. Самое имя его — Иоаннос близко совпадает с именем вавилонского бога реки Ованесса, изображаемого в образе человеческого, но с рыбьим телом за плечами. У этого рыбо-речного бога были между прочими учениками еще до прихода Иисуса будущие апостолы его, Петр и Андрей.

Глава 12. Население небес. Небесная табель о рангах

От верховной божественной группы естественно перейти к более многочисленным классам, обитающим на небе и в аду. Я указывал в другом месте на органическое сходство разделения миров в анимизме и в высших религиях, на те же расщепления и ярусы на небесах и под землей, на сходство населения, в анимизме духов и покойников предков и, например, в иудействе и христианстве демонов и ангелов, грешников в аду и праведников в небесах.

Различие состоит в том, что высшие религии, в особенности христианство, с педантичной точностью приводят в порядок смутные и растрепанные идеи анимизма, делят их на правильные категории, применяют исчисление и производят аккуратную перепись всех сверхъестественных и загробных элементов.

Соответственно этому обитатели небес божественного и ангельского типа делятся на девять чинов, точнее на три группы, а в каждой группе по три чина. Об этом разделении трактует книга «Небесная иерархия», приписываемая святому Дионисию Ареопагиту. В общем небесная табель о рангах представляется в следующем виде:

Высшая иерархия. — Серафимы, Херувимы, Престолы.

Средняя иерархия. — Господства, Силы, Власти.

Нижшая иерархия. — Начала, Архангелы, Ангелы.

Дальше начинаются категории земного происхождения, — во-первых, святые, во-вторых, обыкновенные праведники.

Таким образом небеса организованы в виде лестницы сословной, с царствующим домом Саваофа на вершине пирамиды.

Немало красноречия и тонкости ума потратила церковь на исследование того, чем именно Господства отличаются от Сил, а Власти от Начал. Константинопольский собор 653 года даже осудил и проклял тех, которые учили, что ангелы по природам и силам сотворены равными.

Рядом с этим поражает отсутствие индивидуальных данных о населении небес. Нам известны имена немногих ангелов и то лишь по библейским сказаниям. *Михаил* — кто как бог, *Гавриил* — муж божий, *Рафаил* — помощь божья. В третьей апокрифической книге Ездры упоминается еще два имени: *Уриил* — огонь божий, *Иеремиил* — высота божия.

Для того, чтоб пополнить седмиричное число, еврейские раввины присоединили имена двух ангелов, не упомянутых в Библии: *Иегудиил* — хвала божья, *Варахиил* — благословение божие.

Восьмым является *Салафиил* — молитва божия.

В Коране упоминается архангел Гавриил, который был покровителем Магомета, давал ему откровения и в конце концов унес его на небо. Далее в исламе известен ангел смерти Азраил и пр.

Христианская церковь не имеет собственных данных о природе ангелов. Она заимствует из Библии учение о том, что ангелы составляют бесчисленное множество. Так Иаков видел, как они во множестве восходили на небо и спускались обратно (Бытие, 28, 12) и позже встретил их целое воинство (Бытие, 32, 2). Даниил (7, 10) говорит, что миллионы (тысячи тысяч) служили «ветхому дню» и сотни миллионов (тьмы тем) находились в его присутствии.

В книге Даниила, между прочим, упоминается об ангелах разных народов. Так упоминается ангел (князь) царства персидского и ангел (князь) Греции. Ангелом народа иудейского был Михаил, который перешел по наследству к вселенской христианской церкви, за которую он и воинствует. В книге Даниила ангелы народов ведут между собою борьбу (10, 20).

Архангелов Библия не знает. Вместо того, она упоминает «князей» и «высоких князей». «Вот Михаил, один из первых князей» (Дан., 10, 13).

«Гавриил, один из семи ангелов святых, которые возносят молитвы святых и восходят пред слову Святого».

Этих же семерых ангелов позаимствовал и Апокалипсис и заставил их в семь труб вострубить гибель мира (Откр., 8, 6).

Более древние указания Библии об ангелах имеют характер первобытный, языческий. Таково знаменитое место (Бытие, 6, 2) о сынах божиих, которые увидели красоту дочерей человеческих и брали их в жены. От этих браков рождались исполины, сильные, славные люди. Но бог в отместку за это заклил женскую плоть и сократил человеческий век до 120 лет.

Бог и два ангела или три бога пришли к Аврааму в дубраве Мамрийской и ели телятину с пресными лепешками и пили молоко, кстати сказать, нарушая еврейское табу против смешения молока с мясом, о котором указано выше.

После того господь имел с Авраамом длинный спор о разрушении Содома и утомился и ушел, перестав говорить с Авраамом.

Те же два ангела пришли к Лоту в Содом и поели пресных лепешек и легли спать. Жители Содома стали приступить к дому Лота, все с мала до велика желая изнасиловать ангелов. И Лот, очевидно, очень испугался за невинность ангелов, ибо предлагал содомлянам взамен ангелов своих двух дочерей, не знавших мужа. Впрочем, ангелы отделались от содомитян собственными средствами. И дочери Лотовы, не знавшие мужа, остались потом в утешение самому старику. Лот, по указанию Библии, потом спал со своими собственными дочерьми.

Рассказ этот не требует никаких комментариев.

Из табели чинов небесных Библия знает херувимов и серафимов. В отличие от ангелов, несколько неясных и расплывчатых, но в общем похожих во всем на людей, херувимы изображаются яркими и четкими фигурами. Моисей сделал на ковчеге крылатых херувимов, лицо к лицу и крыло к крылу и такими же крылатыми херувимами Соломон изукрасил в обилии свой храм. На всех стенах, где только было место, и на половинках дверей он сделал херувимов из масличного дерева и обложил их золотом.

После того все еврейские апокалипсы с Иезекиилем во главе описывают херувимов так ярко и убедительно, что сразу ощущаешь: это не призрачный образ. Пророки их действительно видели.

Звери крылатые. И под крыльями их подобие рук человеческих. И у каждого четыре лица. Первое лицо херувимово, второе лицо человеческое, третье лицо львиное, четвертое лицо орлиное.

Лицо херувимово это лицо бычье. Ибо херувимы — это крылатые быки, которые стерегли входы ассирийских храмов и дворцов. «Ноги их — ноги прямые и ступни их — как ступни тельца» (Иезек., 1, 7). «Рядом с херувимами крылатые колеса и все тело херувимов и спины их и руки и крылья и колеса были полны очей» (Иезек., 10, 12).

«Серафимы были шестикрылыми. Двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал» (Ис., 6, 2).

Все это образы ассирийские и вавилонские, изваянные в камне и воспетые в гимнах, образы духов и богов народов Месопотамии.

На крылатых быках — херувимах восседает господь, летая в небесах. И кругом летят серафимы и возглашают: «Свят, свят, свят!»

Все апокалипсы иудейские и христианские переполнены зверями, злыми и добрыми, и имеют совершенно зооморфный характер.

Однако христианская церковь не уделяла архангелам и ангелам слишком большого внимания, и в этом отношении она существенно отличается от буддизма, который воспринял по наследству от анимизма и язычества сонмы божеств, превратив их в божественных помощников, в аллегории и символы. В иудействе, как и в христианстве, человек склонен относиться к ангелам с некоторым страхом и недоверием. Ангелы часто суровы и враждебны человеку, как тот херувим с пламенным мечом обращающимся, который стоял на страже у сада Эдемского, чтоб не пропускать обратно изгнанного Адама.

В противовес этому постоянно подчеркивается: «Души праведных выше, чем ангелы небесные». Даже учение об ангеле-хранителе, который дан каждому человеку, заимствованное из более древних представлений, о духах помощниках и в частности из римских воззрений о гениях, дающих императорам силу и счастье, все же не получило в христианстве дальнейшего индивидуального развития.

Странно сказать, ни один христианин не знает своего ангела-хранителя по имени, не видит его, не обращается к нему с требуемой интимностью. Молитва ангелу-хранителю: «Ангел божий, хранитель мой святой!» имеет совершенно казенный характер. И над этим справедливо издевается Анатолий Франс в своем известном романе «Восстание ангелов», где главным действующим лицом является ангел-хранитель, забастовщик и бунтовщик.

Глава 13. Святые на земле и на небе. Духи-хозяева в христианском перевоплощении

Младшие боги христианской церкви выдвинулись снизу, с земли. Это бывшие люди, а ныне святые, во множестве заселяющие небо и землю, жития святых и святцы.

Святые заместили языческих мелких и местных богов, горных, речных и лесных, городских и сельских, которые в развитии язычества имели определенное лицо и имя и легенду. Каждая деревня имела своего собственного бога-хранителя, какую-нибудь божественную мать, так точно, как это до сих пор существует в Индии, где индуистская форма язычества до сих пор находится в полном цвету. В реках, в источниках жили такие же нимфы и боги, греческие Ахелой, Алфей, Аретуза, римский Тибр, Троянский Скамандр, Египетский Нил и другие.

Христианские святые, подобно этим богам второго и третьего сорта, имеют тоже определенное местообитание, имя и легенду. Мало того, у каждого святого есть на земле, по меньшей мере, два места, во-первых, место его смерти, во-вторых, место загробного почитания. Например, Николай чудотворец, по роду Мирликийский, т. е. из Мирр-Ливийских в Малой Азии, покоится в Бари в Италии. Для того, чтобы избежать такого расхождения, в пятом или шестом веке местные власти иногда объявляли епископов святыми при жизни и строили им храмы для будущего посмертного употребления.

Однако сравнительно с древними богами, святые представляют явно эклектические свойства, соединение разных атрибутов в единое целое, довольно бессвязное.

Начать с того, что святых уже слишком много. На каждую речную нимфу приходится мученица, на каждого сатира страстотерпец. Но кроме того есть и массовые, количественные группы святых. Так по святцам: 20 февраля 128 мучеников персидских, 6 апреля еще 190 мучеников персидских, 28 декабря 20 000 мучеников никомидийских и 29 октября 14 000 младенцев, в Вифлееме избитых. Общее количество святых исчисляется сотнями тысяч. Языческие боги не поддавались такому количественному учету.

Далее, в отличие от нимф и сатиров, святые по способу своего происхождения являются смертными, которые должны были прежде принять смерть, чтобы стать бессмертными. Это эвгемеризм наизуот. После смерти святые начинают с того, что возносятся на небо. Таким образом святые составляют в небесах особое сословие, десятую силу после девяти небесных классов, размещенных на девяти ярусах. По этому признаку святые близки к обожествленным предкам и вместе с ними имеют человеческое земное происхождение.

Земное пребывание святых после смерти в сущности не имеет ничего общего с их небесным местожительством. Святые на земле, патроны городов, покровители церковных престолов, являются точным подобием языческих местных богов. Ирония истории устроила так, что христианство, в первые два века потратившее много пыла и крови мучеников для борьбы с идолами и демонами, после формальной победы своей, развило поклонение местным святыням, разнообразнее и вульгарнее языческого.

Христианские святцы, расположенные по месяцам и дням, далеко оставляют за собой все языческие формы. Удручающе действует самая правильность подсчетов и симметрия расположения изо дня в день, из месяца в месяц. Впрочем, для всех святых не хватает места в святцах. Какие странные нечеловеческие имена: Истукарий, Густазд, в просторечии Густозад, Николай и рядом Никола, Симеон столпник и Даниил столпник, Иван постник и Иван воин, Никита и Аникита, Псой и Зуй, Гад, Мардарий и Акакий, три женских

имени Инна, Римма и Пинна, — эти дамы по расследовании оказались мужчинами и вдобавок скифами — и сотни иных. Эти имена служат издавна предметом насмешки для непочтительного вольнодумства.

Perpetua felicitas — пожелание вечного счастья переделано в двух христианских матерей, Перпетую и Феликитату. Также *aura placida* — «легкий воздух», обратился в святых Ауру и Плакиду. Формула *rogare et donare* — «просить и давать», обратилась опять-таки в святых Рогациана и Донациана.

Поразительно это вытеснение своеобразных имен принесенными со стороны греческими, римскими и еврейскими. У кельтов и германцев это замещение произошло наполовину, а у восточных славян целиком, причем поневоле приходится вводить такие фонетические изменения, что новое имя не очень похоже на старое. Греческое *Элефтер* обратился в русское *Алфер*, *Акиндин* в *Анкудин*, *Флор* в *Фрол*.

Иоканаан, Иоанн, Иван, Ованнес, Йован, Ян, Ганс, Жан, Джон, Джиованни, Хуан, — все это, как известно, различные формы одного и того же еврейского имени. Основа имени таким образом международная. Но отдельные имена имеют значение вполне национальное. И различие выдвигается вперед, затмевая основное сходство.

Святые, обитая на земле, отрываются совсем от небес. Время от времени, как бы для очистки совести, они на минуту возвращаются на небо в гости к богу, ведут с ним разговор, ласковый и фамильярный, и тотчас же спускаются обратно, на землю, домой.

Николай угодник вот уже тысячу лет все ходит промеж мужиков, одному поможет воз вытащить из грязи и сам замарается в грязи, другому поможет надуть сердитого Илью, бога-громника. Надует, а потом подольстится с таким добродушным, чисто мужицким лукавством. Оттого ему празднуют дважды, весной и осенью. А надутому угоднику Касьяну — немилостивому празднуют лишь раз в четыре года. И даже Илью громовержца почитают поменьше, чем доброго Николу.

«Жил был мужик, Николин день завсегда почитал, а в Ильин день нет-нет да и работать станет, Николе угоднику и молебен отслужит и свечку поставит, а про Илью пророка и думать забыл».[\[20\]](#)

«Оттого Илья и сердится на Николу: «Это ты все мужичий заступник! Поставят тебе свечку с птичью ножку, ты и душу готов отдать».

Подобно архангелам и ангелам, святые тоже делятся на множество разрядов. Тут есть апостолы и евангелисты, великомученики и просто мученики, преподобные, пророки, исповедники, святители, праведники. Одни из них стоят ближе к престолу божию, другие дальше, вследствие чего они пользуются разным почетом и славой. По воззрениям христианства даже звезда от звезды разнится в славе. Впрочем, у каждой звезды есть свой собственный водитель, не из святых, а из ангелов.

Почти каждый из святых (и ангелов) имеет особую магическую специальность.

1. Архангел Рафаил, великомученик целитель Пантелеймон и мученик Агапит на равных правах считаются врачами болезней, архангел Иегудиил — водитель в пути, архангел Варахиил — хранитель чистоты, Илья пророк заведует и громом и молнией, заместив и Зевса и Перуна, преподобный Каллист — дождем, мученик Флор — лошадьми, преподобный Пуд — пчелами, святая Акулина — комарами, равноапостольные Константин и Елена скромно заведуют льном и огурцами.

2. Лаврентий помогает от боли в плече, Себастьян отгоняет чуму, святой Рох — сифилис, Иоанн евангелист предохраняет от отравы, Винцент возвращает потерянное, Клара помогает девушке выйти замуж.

Список № 1 относится к православной святологии; список № 2 — к католической.

Есть святые весьма сомнительного свойства. Например, в Калабрии святой Папп, который помогает от бесплодия, в сущности греческий Приап, бог сладострастия. Во Франции святой Футин и святая Футина, чьи

имена совпадают с обозначением полового акта; также Гиньоль, Генголе, чье имя совпадает с актом деторождения. Наконец святые Фалл и Фальер происходят прямо от фаллуса.

Этим фаллическим святым женщины молятся о плодородии и жертвуют им фигурки из серебра и золота явно фаллического вида. Такие же фаллические амулеты, освященные фаллическим святым, жены и даже девушки носят за пазухой в Италии, в Грузии и пр.

Впрочем, можно указать и иную классификацию сословия святых. Так, в греческой православной церкви издавна считалось три категории или разряда святых: 1) ветхозаветные патриархи, пророки и апостолы, 2) мученики, 3) аскеты или подвижники.

Засим, как указывает протоиерей Голубинский,^[21] остается еще класс святых из иерархов и святителей. О них надлежит понимать, что сначала они принадлежали к первому разряду, а потом были причислены к последнему.

Тот же Голубинский заодно указывает, что «из рожденных женами божья Матерь и Иоанн Предтеча стоят вне классов». У церкви стало быть есть своя классовая теория и на небе и на земле.

Мученики делились в свою очередь на два класса: 1) собственно мучеников, умерших от страдания, и 2) выживших и уцелевших. Относительно последних уже святой Киприан довольно откровенно сообщает, что некоторые из них ведут предосудительную жизнь.

По третьему разряду все константинопольские патриархи считались святыми по сану, за исключением заведомых еретиков и тех, которые были явно порочной жизни.

Местные епископы тоже проходили в святые. Основание было такое: будучи ходатаями за людей перед богом в сей жизни, остаются таковыми и в загробной жизни.

Кроме указанных классов был еще класс святых царей и цариц. Что касается их заслуг перед церковью, богословы стыдливо указывают, что для этой оценки не существовало какой-нибудь нормы, которая определяла бы то или иное достоинство их с математической и для всех бесспорной точностью.

Вследствие этой неточности, в святые попал греческий император Константин, злодействами своими не уступавший Ивану Грозному, и русский суздальский князь Андрей Боголюбский, славившийся при жизни самодурством и холодной жестокостью. Множество других удельных князей и отростков от княжеского корени попало в святые.

Классификация святых, счисление, порядок поклонения, поминание именное и безыменное по классам, все это было возведено церковью в расчлененную и сложную науку.

Русская церковь, конечно, не может соперничать с вселенской по количеству святых. Однако за десять веков своего существования она накопила до 300 святых, по одному святому без малого на каждый день года. Как известно, последнее царствование старалось продолжать и даже усугублять эту древнюю традицию и перед самой революцией в синоде шли подготовительные работы по канонизации Василия Грязного, петербургского скопца.

Из древних святых следует упомянуть Антония римлянина, «папу Римского», который на обломке скалы приплыл из Италии в Волхов путем кружным, но чудесным образом в два дня. Было это в 1106 году. А в 1117 году Антоний заложил на месте своей высадки каменный храм. Может быть, в этой легенде есть предсказание о Волховстрое. Официального акта о прибытии Антония нет. А камень и до сих пор дают лобызать верующим. Это хороший кусок новгородского жерновика.

Кроме святых, канонизированных по всем необходимым правилам, было много святых самочинных и самовольных, местного происхождения, которые забрались в святые как-то невзначай, контрабандой, порой после немой борьбы с центральной церковной властью.

В католической церкви члены человеческого тела пожалованы в святые. Святой Жену — святое колено, святой Мен — святая рука, святой Лангер — святая сухотка, святой Маркул — святая боль в шее.

В православии вместо этого праздники приняли характер живых существ, мужских и женских. Таковы «введеньё-матушка» и «сретенье-батушко», «святая успенья», «святая неделька» (воскресенье). Все это боги, даже, пожалуй, демоны.

Так, в белорусском рассказе «святая неделька», поздно вечером в субботу застрашила заработавшуюся бабу, прокатившись по избе трупьей головой.

Христианские святые унаследовали и сохранили производственный подход мелких и местных языческих богов.

Об этом можно судить прежде всего по циклу обрядов, связанному с циклом процессов производства.

Религиозные обряды срастаются с процессами трудовой и общественной жизни и связываются с ними в одно неразрывное целое. Чаще всего возникает система, связанная с естественной сменой времен года от весны к лету и от осени к зиме. Обряды и праздники являются ритмическим темпом и вместе эстетическим узором на смене процессов труда. Таким образом возникает в скотоводстве весной праздник расцветающей травы, летом праздник нагула скота, осенью убоя и течки. В земледелии весной праздник зеленого посева, летом созревания, осенью жатвы и т. д.

Сезонные обряды и праздники вошли в плоть и кровь народного труда и народной психологии. С ними связаны общественные пляски, хороводы и песни с такой же точно сменой по временам года. У русских, например, из песен сначала веснянки, потом русальи песни, в середине лета купальные песни и, наконец, зимние колядки.

Из праздников: масленица, закликанье весны, «великдень» — праздник весны, красная горка, радуница — родительский день, егорьев день — скотий праздник, русальная неделя, семик, «Купала на Ивана» — середина лета, Ильин день — праздник громный, зимний праздник — солнцеворот — солнце на лето, зима на мороз.

Весенние, летние и осенние праздники достигают большого напряжения, сперва трудового, а потом и религиозного, и также полового. Сбор винограда — являлся у эллинов высшим земледельческим праздником, но вместе вакхической оргией, священным неистовством, хмелем кровавых жертвоприношений, разнузданным смешением полов. Такой же характер имеют у славян летние купальные праздники, у негров праздник пальмового вина, у южноамериканских индейцев праздник маисового пива или вина из плодов альгароба и т. д.

Религиозный обряд как бы подкрепляет хозяйственный акт и служит ручательством благополучного завершения. Половое плодородие сливается с плодородием земли. Таким образом различные инстинкты и действия, хозяйственные, религиозные, эстетические и социально-половые, сплетаются вместе в единый процесс жизни. Определяя религиозные переживания как общественно-психические факты, мы открываем в них не только элементы коллективные, но прямо производственные. Например, годовые циклы праздников и связанных с ними песен, плясок и пр. имеют производственный характер. Можно привести циклы обрядов воскресения весны, летнего солнцестояния, осеннего обилия плодов и зимнего солнцеворота, или циклы соответственных песен: веснянок, семиковых, летних русальных и купальных и зимних колядок. Годичный цикл земледельческих работ имеет весьма реальное основание. Годичный цикл сезонных обрядовых торжеств опирается на эту реальную основу, но влияние его на урожай, разумеется, — мистическое, воображаемое.

Связь обрядового и трудового цикла распространяется на праздники новых религий. Пасха, Пятидесятница, Рождество — такие же цикловые праздники, как масленица, купала и колядка.

Опираясь на своих многочисленных святых, христианство, в конце концов, создает сельскохозяйственный календарь, разработанный гораздо подробнее, чем было в язычестве.

Каждый святой обслуживает и опекает производительный процесс, из месяца в месяц и изо дня в день. Например:

и прочее и прочее, по всем переменам и процессам сельскохозяйственных работ.

Есть между этими короткими и точными определениями некоторые уж очень энергичные.

Например: 19 Марта: «Дарья, обклады проруби» (подлинное слово еще крепче).

В Сибири 1-го Апреля: Марьи г... пролубницы.

Смысл этих названий в том, что таяние льда и снега обнажает слой за слоем нечистоты, скопляющиеся у места водопоя скота.

Также и счет деревенских сезонов ведется по святым от праздника к празднику.

Тем не менее надо сказать, что этих очеловеченных, сведенных на землю святых нельзя без оговорок уподоблять фигурам языческих богов и духов. Это творчество совсем новое, цветущее и во многом вполне самостоятельно. Своих собственных мелких богов христианство создавало в ином духе, отличном от греко-римского, сирийского и египетского язычества.

Таким образом следует признать, что христианство не только унаследовало старую традицию язычества, а и продолжало ее, видоизменяя старое и создавая новое. Христианство проявляет в язычестве не менее нового творчества, чем в единобожии.

В связи с этим нужно признать, что христианские святые и по внешнему виду и по способу их почитания отличаются от языческих богов. Вместо цветущих богинь и жизнерадостных сатиров появляются старики хмурые, безобразные и просто неопрятные. Христианские святые самые скучные боги, которые когда-либо жили на земле. Они постоянно скулят, суесловят насчет благочестия, отталкивают ту самую жизнь, для которой, однако, спустились с небес.

Реликвии и амулеты, связанные с этими святыми, тоже имеют характер неожиданный, странный и довольно отвратительный. Вместо мрамора и золота, — человеческие кости, засыпанные прахом и внушающие страх и отвращение.

Култ человеческих мощей в христианстве имеет такой характер, какой встречается разве на самых древних ступенях поклонения предкам, когда мертвые кости возили в мешках как особую домашнюю утварь.

Мало того, с той же свойственной христианству любовью к порядку, к систематизации, оно создало торговлю мощами, обмен, вывоз мощей из самых далеких стран, деление мощей на части и частицы, даже взимание дани, контрибуции и военного налога, опять-таки мощами. Мощи отнимали и воровали. Их принимали даже внутрь, как лучшее лекарство.

Безобразие этого культа только теперь выплывает из-под многовекового спуда и встает перед глазами удивленного человечества. И подумать только, что поколения женщин могли благоговейно целовать кусочек истлевшей человеческой падали. Страсть к мощам оказалась настолько сильной, что перекинулась с святых на центральных богов, на Иисуса, на Богоматерь, даже на самого отца Саваофа.

Таким образом, в виде мощей являются молоко и регулы блаженной девы Марии, капля пота, пупок и крайняя плоть Иисуса Христа, волос из бороды господина Саваофа и даже палец святого духа; кусочки манны,

упавшей с неба; часть косяка того окна, в которое архангел Гавриил вошел, чтоб приветствовать деву, и пр. и пр.

Какая-то болезненная жадность к мощам обуяла человечество, начиная с четвертого века. По смерти какого-нибудь монаха или отшельника, которого соседи рассматривали как святого, немедленно между всеми окрестными селами начиналась ссора за право владения его телом, которая нередко переходила в настоящую битву.

Мощи и чудеса, производимые ими, издавна вызывали соблазны и рождали сомнение. Так, даже относительно чудесных знамений русских святых князей Бориса и Глеба, по словам преподобного Нестора, иные веровали, а другие не веровали, посчитали ложью. Рассказ этот относится к началу XI века.

Во многих языческих религиях, из более культурных, поклонение покойникам принимало отчетливые формы. В Египте, как известно, тела бальзамировались и превращались в мумии, мумии в свою очередь заключались в особые гроба с портретными изображениями. Гроба заключались в саркофаги, саркофаги помещались в особые сооружения, обставленных с неслыханною роскошью. Недавно разрытое погребение Амен-Хатона превосходит по пышности все позднейшие раки христианских святых и мучеников.

Христианские мощи хранились в раках, в ковчежцах, закрытых и даже запечатанных, и в обычное время были доступны для лобзания только богатым людям, разумеется за плату, но в дни памяти святого мощи его были предоставлены для лобзания всему народу.

Манипуляции с мощами превосходят вероятие. Мощи одного епископа в день пятидесятницы вынимали и сажали на престол во всем их загробном безобразии. Развивается целая доктрина о мощах. Природе вопреки, мощи распознаются, преимущественно, по их запаху, по райскому благоуханию, от них исходящему. Являются даже специалисты, так сказать, по обнюхиванию и разнюхиванию мощей.

Возникают скандальные церковные процессы о поддельных мощах, о поддельном райском запахе, о поддельном истечении мира. В лучшем случае за чудесно истекающее миро принимался продукт жирно-воскового разложения мертвой органической материи.

Мощи Димитрия Солунского, по указанию Никиты Хониата, заливали миром раку и церковь. О главе священномученика Анфима Никомидийского указано, что у ней были чудесные волосы. Они постоянно вырастали и подвергались соответственной стрижке. У одной преподобной отрастали не только волосы, но также и ногти. Ногти ей стригли ежегодно и обрезки продавали верующим.

Мощам ведутся описи и каталоги. Встречаем, например, такую запись:

В Дальней пещере Киево-Печерской лавры имеется сверх исчисленных мощей еще 31 мироточивая глава и одна голень неизвестных святых и часть мощей палестинских, а именно одного из младенцев, Иродом в Вифлееме убиенного.

В течение целых веков мощи являлись самой ценной частью церковной утвари. В случае необходимости мощи продавались и даже отдавались в заклад. При войнах мощи отнимались силой и увозились в область победителей. При частых пожарах мощи, несмотря на свою святость, погорали до тла с прочим церковным добром.

Глава 14. Иконы. Амулеты. Идолы. Знамение креста. Церковная магия

Рядом с мощами надо упомянуть иконы. Трудно сказать, был ли когда-нибудь даже в начале христианства период, свободный от материальной святыни, из фигур и символов, статуй и икон, мистических начертаний геометрических и буквенных. Евангельские рассказы при всем своем видимом иконоборчестве относились к изображениям богов не как к мертвому камню, а скорее как к дьявольскому вместилищу, знаменующему бога, но иного, черного и злого, сидящего в бездне. Ибо христианство с самого начала является дуализмом особого типа: оно тоже признает двух богов, доброго и злого, и все оно, можно сказать, наполнено борьбой против злого бога. Но эту борьбу ведет не добрый бог, а сам человек. Добрый бог ему только помогает и притом не особенно действенно, не особенно удачно. Главное содержание легенд и житий состоит в этой непрерывной борьбе со злым началом, с его минутным посрамлением и новыми уловками.

Варнава и Павел в ликаонском городе Листре, когда народ хотел принести жертву идолу Зевса, громогласно говорили: «Мужи, что вы делаете, мы благовествуем вам, чтоб вы обратились от сих ложных богов к богу живому» (Деяния, 14, 14).

Идол есть символ и вместилище ложного бога.

В еврейский период своего развития христианство разделяло отвращение евреев к языческим изображениям живописи и скульптуры, но уже в конце первого века, изменив состав верующих и заместив сирийцев греко-римлянами и бывших евреев бывшими язычниками, оно приняло вместе с другими культурными привычками также и привычку и любовь к художественным изображениям. И в этой области христианство, также как и в культе святых, не только продолжает старые языческие традиции, но проявляет новое творчество. Начинается изобразительное воплощение, с одной стороны, мотивов библейских из Ветхого Завета, например, Иона и кит, а, с другой стороны, стилизация образов и сравнений из евангельского обихода. Например, пастырь добрый с овечкой. Наконец, появляются и смешанные формы христианско-языческие, Христос в виде Орфея.

Века утверждения христианства и победы его над язычеством были также веками создания внешних форм христианской святыни. С чудесной быстротой созидалось это новое христианское идолопоклонство и рядом с мощами и другими реликвиями умножились и изображения, агнец с крестом, монограмма Христа, буквенная шарада Христа. Ἰησοῦς Χριστός, Θεοῦ Υἱός, Σωτήρ (Иисус Христос, сын Божий, Спаситель). Первые буквы этих пяти слов составляют Ἰχθύς — рыба. Таким образом рыба стала символом Иисуса Христа.

Разумеется, эта шарада не может претендовать на очень раннее происхождение. В основе ее лежит очевидная связь легенды о Христе с рыбообразными богами Сирии и Вавилона, например, с Эа, который изображался в виде двойственного соединения человека и рыбы. Рыбные связи христианства, начиная от рыбарей-апостолов и кончая излюбленным рыбным столом для монахов, указывают в ту же сторону. Сам Христос и был той сверхъестественной рыбой, которой по писанию его ученики столько раз насыщали тысячи алчущих. И те ели и еще оставалось.

Дальше начинают появляться образы Христа, богоматери, апостолов и святых. И соборы заводят речь о картинах и почитаемых иконах, подчиняя их изготовление особому регламенту.

Воскресение языческих обычаев и верований в этом отношении было полным и безусловным. Многие статуи и боги просто переряжены и переименованы из языческих богов в христианские святые. Чудотворные, мироточивые и слезоточивые иконы уже в четвертом веке удовлетворяют всем запросам легковой толпы. Иконы скоблят и принимают внутрь как лекарство. Такие же частицы растворяют в

вине и принимают как причастие. При крещении даже крестным отцом является такой-то святой, то есть его икона, которую ставят у купели. На покупку икон затрачиваются состояния. Особенно женщины под старость набирают сундуки таких изображений, постоянно возятся с ними и играют с ними как в куклы, меткое словечко, которое не раз повторяется у византийских жизнеописателей.

Чем стали для христианства в конце концов иконы, видно из подробностей так называемого византийского иконоборства. Иудейство в своей полемике с христианством находило самое уязвимое место именно в этом обилии изображений, ничуть не лучших, чем у язычников. Вторая семитическая религия, ислам, унаследовала эту вражду к изображениям, воспринимая ее как реакцию против христианского идолопоклонства. Обе религии, ислам и иудейство, сохранили до сих пор отвращение к изобразительным искусствам. Ислам прямо воспрещает изображения живых существ, людей или животных, затем, чтобы они не стали идолами.

Вскоре после рождения ислама, наиболее деятельная часть византийского правящего класса сделала весьма энергичную попытку подтянуться, избавиться от изображений и, таким образом, по типу сравняться с исламом. Точно также веков через семь римское католичество под влиянием борьбы с протестантством тоже подтянулось и если не очистилось, то все-таки почистилось изрядно.

Иконоборческое движение продолжалось в Византии два века, но вместо победы привело к позорному и бедственному поражению. Иконоборцев победили почитатели икон иконодулы, — буквально «рабы икон».

Во главе иконоборческой партии стояли воинственные императоры исаврийской и армянской династии. Они опирались на свои победоносные армии, на лучшую часть чиновников и знати, на те остатки образованности, которые еще уцелели в империи. Среди иконодулов выделялись женщины, в том числе и жены императоров иконоборцев, монахи, наводнявшие Константинополь, иконописцы, простой народ, ремесленники, крестьяне. Почитание икон восстановлено двумя императрицами, Ириной и Феодорой. Обе они скрывали от свекров и мужей свою тайную приверженность к иконам, но искусно прятали иконы под подушкой, даже в императорской спальне. Однажды, во время внезапного супружеского обыска, императрица, не зная, куда девать свои драгоценные изображения, прикрыла ими ночные горшки, стоявшие под кроватью, а потом со слезами просила у них прощения в невольном кощунстве.

Излишне прибавлять, что обе императрицы, восстановившие почитание икон, кроме суеверия отличались жестокостью и вероломством, особенно первая по времени, императрица Ирина. Благодарная церковь простила Ирине все ее преступления и возвеличила ее единогласно, сравнивая ее даже с Константином равноапостольным. Сходство, действительно, имеется. Константин равноапостольный казнил своего старшего сына Криспа. Ирина, по женской своей мягкости, только приказала ослепить своего старшего сына Константина, в той самой Пурпуровой палате, где она его родила.

В первый раз иконопочитание было восстановлено VII вселенским собором, созванным Ириной в 787 году.

Потом последовал новый припадок иконоборчества. Этот последний проблеск борьбы отличался странными подробностями. Михаил II Косноязычный издал постановление: чтоб никто не смел приводить в движение язык свой ни за ни против икон, чтоб молчание было правилом во всем, что напоминает иконы.

Это косноязычное постановление никого не удержало. Иконопоклонники подняли восстание и привели в движение не только язык, но и руки.

19 февраля 843 года почитание икон было восстановлено вторично и окончательно. Церковь празднует в первое воскресенье великого поста этот праздник православия, восстановление

иконопочитания и власти монахов. Вместе с тем этот день был погребальным днем для византийской империи. Он решил, что победа и преобладание перейдут от православия к исламу.

Что касается рабства пред иконами, оно никогда не слабело, даже под гнетом иконоборческих гонений. Можно утверждать, что грубость православных суеверий того времени превосходила худшие дни уничтоженного язычества.

Вселенский собор с неподражаемым лицемерием издал разъяснение: «Чествование икон относится не к дереву и краскам, но к тому, кто изображен на иконе, а следовательно не имеет характера идолопоклонства».

Рядом с этим православная церковь византийская и русская разработала подробный ритуал, как переносить и перевозить иконы, в церковных процессиях и во время частных визитов, разумеется, за плату; также правила о чудотворных иконах особо и о мощах особо.

Русское иконодутьство ни в чем не отстает от византийского. Если в Византии причащались скоблеными иконами, то у нас до сих пор окачивают ребенка водою с иконы.

Чудотворные, мироточивые и слезоточивые иконы существовали до самой революции, не только старые, но даже и вновь обретенные. Мало того, уже в революционную эпоху иконы заявили притязание возобновить новую эпоху чудес, враждебных революции и ее отречению от церкви. Так называемое обновление икон три года тому назад привело к непонятным эксцессам, а потом уже к очень понятным и скандальным процессам. Тем не менее оно появлялось опять и опять, по преимуществу в одной и той же климатической зоне, в северной лесостепной половине российской черноземной полосы, среди великоруссов и в особенности среди украинцев.

Мне приходилось видеть в Неаполе вынос из церкви божественных идолов, ярко раскрашенных и разодетых в шелка и кружева. Во главе процессии шел над толпой Николай, лысый, приземистый и неуклюжий с золотым венком на блестящем плешивом серебряном черепе.

Потом в Ленинграде на празднике Парасковей Пятницы я видел вынос российских «богов» из церкви, что у Пороховых. Так ведь и говорят: богов. Широкие иконы, похожие на амбарные двери и отчасти на вывески, выглядели еще страннее статуй. Но толпа по дороге сплеталась плетнем и валилась в дорожную пыль к подножию богов. Тут же лежали пластом кликуши, обессилевшие от крика.

Главными иконами являются в России богородица, далее Никола и потом уже Спас.

Выше упоминались различные чудотворные иконы богородицы. В глухих округах чудотворные иконы являются совершенно отдельными божествами. В одном и том же уезде празднуют совершенно различные богородицыны дни: Владимирской 23 июня, Тихвинской 26 июня, Казанской 8 июля, Смоленской 28 июня.

Все эти богородичные дни в самую страдную пору. Каждая богородица дает защиту от грозы, от грома, от насекомых, но характер у них разный. Казанская, например, гневная, по характеру подходит к Илье. Ей празднуют поэтому пышнее. А богородица — «Утоли моя печали» или «Неопалимая купина» или «Троеручица» — ласковее. Такой нечего бояться. Она пожалеет.

В крестном календаре эти чудотворные иконы сведены в правильный реестр.

«Алфавитный перечень чудотворных икон божией матери (черным шрифтом напечатаны имена икон общечтимых, курсивом местночтимых)».

В списке всего до 300 номеров. При перечне иллюстрации. И под некоторыми подпись: «В текущем году исполнится 745 лет со дня совершения первого чуда в 1170 году.

Еще один шаг и эта иконная выставка должна превратиться в музей, что впрочем отчасти и случилось после 1917 года.

С другой стороны, в русско-финских областях православные иконы вплетены в своеобразное двоеверие, живое и теперь.

В Чувашской республике, в Ядринском уезде, в деревне Турхани возник особый культ православной иконы, брошенной в овраг и превратившейся в духа Кереметя. Ее уворовал мимоходом у русского торговца иконами местный чувашин и, опасаясь обыска, сбросил ее под овраг. Икона начала «дурить, чудотворить», по местному определению. В конце концов к оврагу стали стекаться почитатели из дальних волостей и приносили иконе-Кереметю кровавые жертвы.

В Марийской автономной области, черемисы-мари, вернувшись к язычеству, отказались от всех православных богов и икон. Исключение сделали только для святого Николая. Потому что, заявляли черемисы: «другие святые очень мошенник большой. Молишь, обещает, не даст. А этот старик немножко правильный».

Подобно тому, как святое семейство Йагве заменило Перуна и Волоса, и церковные святые заменили полевых и домовых, также точно и священник заменил шамана-кудесника, и цикл христианских праздников и обрядов заменил естественный цикл языческих праздников, связанных сменой времен года и круговым оборотом работ.

Надо констатировать, что именно здесь внесены церковью наибольшие изменения и новшества. И первое новшество есть самый храм, построенный из дерева, а потом и из камня. Особенно неслыханным новшеством это было для восточных славян, которые храмов не имели. Новая и торжественная служба, согласное пение и чтение из книг, — четье-петье церковное, — вот чем привлекли греческие культурники простодушных язычников славян.

(Владимир) О чем поют, кому грозят?
Меня берут тоска и страх.

Греческие священники должны были казаться русским новыми, невиданными шаманами.

Однако уже в праздниках мы встречаем вместо различия сходство и совпадение. Ибо раз сохранились естественные процессы производства, то и христианские праздники расположились по тому же трафарету, как и праздники языческие. В этом случае вместо борьбы со старым церковью всячески облегчала совпадение и поглощение старого новым.

Относительно Рождества мы имеем свидетельство сирийского епископа Антония от 375 года, что Рождество Христово, которое раньше праздновалось 6 января, было перенесено на 25 декабря, у для того, чтобы совпало с праздником рождения солнца.

«Язычники имели обычай праздновать в этот самый день 25 декабря рождение солнца, и они зажигали фонари в знак празднества. В этих торжествах христиане тоже принимали участие. Соответственно тому, когда учителя церкви заметили, что христиане склонны к празднованию этого дня, то они решили, что истинное Рождество надо праздновать именно в этот день».[\[22\]](#)

Еще более полное сходство представляется в тех случаях личной и общественной жизни, где священник прямо заменил работу шамана. В болезнях, в рождении и смерти, в особенности же в охране производства, земледельческого, скотоводческого и другого, церковная магия не только замещает, но и рабски следует за магией шаманской.

Мы видим это в анализе заговоров, языческих и христианских. Заговоры христианского типа представляют приспособление старинного колдовства к новой христианской форме; они ревностно преследовались и преследуются церковью как незаконные и конкурирующие.

Церковные молебны и заклинания представляют обратный полюс: приспособление христианской обрядности к шаманским языческим формам. До сих пор главное содержание священнической деятельности, помимо ежедневной обедни, составляют молебствия о дожде и о ведре, о преуспевании скота, против червя, против мыши, против гадов и всяких вредителей.

Против вредителей читается особое моление мученику Трифону:

«Заклинаю вас, много видное зверие, черви, гусеницы, хрущи, пружы, мыши, щуры, и мучницы и мухи и мольи и мравии, оводы же и осы, и многоножицы, — заклинаю вас всею силою небесной и тысящами тысяч и тьмами тем и ветхим именем, на камени написанном и не расседшимся, яко воск от лица огня, да не обидите ниву, ниже вертоград, древес и зелей раба божия такого-то, но отыдите на дивии горы, на неплодные дресеса. Аще же не послушаете меня, молити имам человеколюбца-бога, еже послати ангела своего, иже над зверями, и железом и свинцом да свяжет вас и убьет, зане клятв и молитв мене смиренного отвергостеся Трифона. И буди сие, буди. Аминь».

Это так и называется: молитва и вместе заклинание. У преподобного Трифона даже литературный подход совершенно магический, например, это мелочное утомительное перечисление всех родов насекомых и вредителей, чтоб никого не пропустить.

Официальная церковная магия отличается от магии, знахарской, штатской и частной, в одном отношении. Она не имеет лихой теневой стороны. Есть, правда, так называемая «обидящая свеча», обороченная вверх ногами, заупокойный молебен для живого. Но все это исключения. Шаманская магия, наоборот, по преимуществу черная, направленная ко вреду.

Глава 15. Драконоборец и девица. Легенда Георгия Победоносца

Особое место в христианском фольклоре занимает легенда о девице, преданной на съедение чудовищу и которую спасает юноша-воин-полубог. Эта легенда широко распространена во множестве вариантов во всей Евразии, начиная от Ирландии и кончая Китаем и Японией, также в северо-восточной Африке, примыкающей к Евразии. Америка и Австралия, повидимому, не знают ее. Это легенда Старого света, как многие другие. [\[23\]](#)

Исследователи связывают ее с древним обычаем приносить человеческие жертвы различным животным, преимущественно живущим в воде.

Так, например, в Индонезии на острове Тиморе раджа околотка Купанг некогда приносил в жертву богу-аллигатору молодую девушку царской крови, бросая ее в море.

Также и на острове Буру в Индонезии отдавали такую же девицу богу-крокодилу. А в Бонни на западном берегу Африки девицу привязывали к столбу у самого берега во время отлива, чтобы с наступлением прилива она досталась в жертву богу-акуле.

Таким образом в приморских местностях мы встречаем не легенду, а действительный обряд, жертвоприношение. Жертвоприношение во всех этих случаях имеет, очевидно, тотемный характер. Тотемному предку дают супругу из племени.

Однако, гораздо чаще, вместо действительного крокодила или аллигатора, выступает чудовище более фантастическое. Легенды называют его драконом или змеем. Змей или дракон имеет строение ящера и от обыкновенной змеи отличается сильными лапами, огромной зубастой пастью, могучим и длинным хвостом. Дальше в порядке стилизации образ этот приобретает крылья, кожистые, как у нетопыря; («бумажные» в русских былинах), многоголовость, обыкновенно нечетную 3–5–7, даже 9 голов, смрадное и огненное дыхание, неуязвимость.

Многоголовые змеи чаще обитают в воде, в реке или в море, но за жертвою выходят на сушу. Крылатая разновидность обитает на суше, прячется в ущельях и пещерах, прилетает за добычей, неведомо откуда.

Вместе с баснословными чертами дракона, в легенду вступает и спаситель юноша, возлюбленный, будущий супруг спасенной девы. Ибо легенды и сказки вообще завершаются концом благополучным, и народный фольклор никогда не отдает чудовищу жертвенной девы, не сделав успешной попытки для ее спасения от гибели.

В этом новом, более завершенном виде, легенда имеет, так сказать, канонический характер, и мы встречаем ее с незначительными отклонениями на западе и на востоке.

Так, в японском рассказе Суса-Но, юноша, сын японского бога-творца Исанали, встречается на морском берегу прекрасную деву Инаду с ее родителями. Отец Инады объясняет в слезах: «Я Ашинадзучи, местный бог. Мы занимались мирным возделыванием риса, но морское чудовище напало на нас и потребовало дани. Семь моих дочерей уж отданы в жертву и съедены. Очередь за восьмой, самой прекрасной из всех».

Суса-Но убивает восьмиголового дракона и женится на прекрасной Инаде.

Легенда, между прочим, указывает, что Суса-Но сочинил об этом поэму, старейшую в японской литературе и является, таким образом, отцом японской поэзии. Эта древняя легенда, связанная, повидимому, с рассказом о сотворении мира, претерпела в дальнейшем уже прямо литературную стилизацию.

Если взять для сравнения английскую легенду о змее в Диргорсте в графстве Глостерском, который поедал скот крестьян и был убит батраком Джоном Смитом, получившим за это дворянство и поместье, то кроме общего сходства мы встречаем любопытное совпадение подробностей. Японский змиеборец предварительно выставляет дракону восемь бочек рисовой водки, саке. Английский змиеборец наливает для дракона целую лужу молока. В том и другом случае дракон напившись впадает в оцепенение. И его легко убить. Это оцепенение змия после трапезы имеет, как известно, реальный характер и свойственно действительным змеям. Если бы Англия не была так далеко от Японии, можно было бы говорить о прямом заимствовании.

В дальнейшем развитии рассказ приобретает новые подробности. Воин, дожидаясь змия, засыпает на руках у красавицы, которая в нужную минуту будит его своею прожигающей слезой или даже ударом молотка по виску.

Рядом с настоящим змиеборцом выступает соперник, драматический злодей и шут, который ухитряется похитить у героя плоды его победы и едва не женится на спасенной девице, но герой изобличает его при помощи захваченных частей драконова тела, например, вырезанного языка.

Все эти подробности можно считать литературной и художественной разработкой мифа, придающей ему завершение и полноту.

Основными элементами остаются: 1. Чудовище в форме пресмыкающегося, змей, крокодил, дракон. 2. Девица, приносимая в жертву.

Тотемный характер выступает местами чрезвычайно ярко и выпукло.

В вышеприведенном рассказе о жертве крокодилу на острове Буру, бог-крокодил и отданная ему девица становятся благодетелями и покровителями жителей. Они же являются предками всех крокодилов, которые поэтому должны быть почитаемы как боги.

3. Третьим основным элементом рассказа, хотя и возникшим позднее, является юноша-спаситель. Легенда о змие является повсюду легендой о змиеборце.

Каково происхождение этой древней и странной повести? Исследователи более старого типа склонны дать легенде о драконе астральное и солнечное толкование. Дракон это просто бог дождя или просто облако. Змиеборец — это солнце, солнечный свет, гром с молнией и т. д., каждый образ порознь или все вместе взятые, по желанию. Яркие примеры такого толкования можно найти в книге Эллиота Смита «Эволюция Дракона».[\[24\]](#)

Такой метод толкования облегчается тем, что образ дракона или змия играет в фольклоре выдающуюся роль, помимо легенды о жертвах дракону.

В вавилонской космогонии первоначальным образом мира является чудовищный дракон Тиамат, женского пола. Бог Эа, рассекши Тиамат пополам, создал из одной половины землю, а из другой небо.

Однако легенда о жертве дракону имеет слишком определенные земные очертания, чтобы связывать ее с такими небесными и облачными толкованиями. Образ дракона в указанной легенде совсем не расплывается, он обрисован четко и уверенно.

Древний китайский писатель Ванг-Фу так определяет «девять сходств» дракона. У дракона оленьи рога, голова верблюжья, шея змеиная, глаза как у злого духа, чрево как у рака, чешуя как у карпа, когти как у орла, лапы как у тигра, уши как у коровы.

Эллиот Смит находит этот образ составным. Однако довольно посмотреть на любую зарисовку китайского дракона, чтобы видеть, что этот образ сохраняет свою жуткую индивидуальность.

Исследователи реалисты, как Гартланд, для объяснения легенды приводят на память змей, летучих мышей и птиц, аллигаторов и крокодилов. Это относится к самому образу дракона, причем на помощь призывается «сила человеческого воображения», действующая, примерно, как искривленная лупа.

Обе школы единодушно сходятся на том, что всякие сближения дракона с угасшими породами ящеров приходится оставить, ибо об этом говорить могут только люди невежественные в палеонтологии. Гартланд указывает, что гигантские ящеры исчезли за много тысячелетий до появления человека в конце третичного или в начале четвертичного периода. Это, разумеется, верно. Человек был современником мамонта и шерстистого носорога, и нам остались от палеолита рисунки этих животных, сделанных, очевидно, прямо из жизни, с натуры, но мы не имеем древнейших рисунков птеродактиля или рамфоринха. Ибо эти летающие ящеры, первообразы летучего дракона, жили в юрском и меловом периодах.

Однако, нельзя опровергнуть и то утверждение, что последние ящеры могли сохраниться на земле и гораздо позднее в виде таких одиноких и редких чудовищ, которые обоготворялись древнейшим человеком, именно вследствие своей необычности и редкости. Мало того, можно допустить, что воспоминание о крылатых ящерах представляет зоологическое наследство человека, принесенное им еще из антропоидной эпохи. Из зоологической эпохи человек принес не одни только физические особенности, но также и психические, например, восприятия внешних ощущений, простейшие числа и прочее. Уцелевшие крылатые ящеры должны были вплоть до своего полного исчезновения быть настоящей грозой для всего живого.

В одном из своих этнографических романов (Жертвы Дракона), я попытался инсценировать легенду о Драконе и Змиеборце в условиях палеолитического периода. Тема эта для романиста выигрышная, и для меня было естественно перенести назад к последнему Дракону первого дракоборца, причем, разумеется, пришлось сделать его побежденным, а не победителем Дракона. Победителем и избавителем жертвы его сделало потом человеческое воображение и последующая стилизация.

С этой точки зрения, начало змиеборства имело бы характер индивидуально-психологический. Это соотношение героя и толпы. Толпа — поклонники дракона, герой — дракоборец.

Таково художественно-этнографическое задание романа «Жертвы Дракона». На деле, вероятно, было по-иному.

Дракоборство есть явление более поздней культуры, связанное с отменой человеческих жертвоприношений вообще, в особенности такой отвратительной и грубой формы, как человеческие жертвы животным.

Об отмене человеческих жертв вследствие возбуждаемого ими отвращения мы имеем в фольклоре недвусмысленные данные. В греческой мифологии, как и в еврейской, жертвенное детоубийство клеймится позором и отменяется самим богом. Против Атрея и Тантала, устроивших трапезу гостям из мяса собственных детей или племянников, восстали сами боги. Солнце в ужасе повернуло свое течение. Также и Йагве во-время остановил жертвенное заклание Исаака. Это не помешало в более позднюю эпоху закланию дочери Иеффая собственным отцом. Между прочим, рассказ об Иеффе не отличается особенной древностью. Рассказы о Моисее, несомненно, гораздо древнее.

Напротив того, в примерах, приведенных в начале главы и относящихся к жертве крокодилу, нет ни отмены жертвоприношения, а также нет и змиеборства.

Такова в основных чертах древняя легенда о змие и девице. В общем она очевидно имеет тотемный характер, как и легенда об умирающем звере. Разница в том, что умирающий медведь служил для людей добычей. Напротив, для Змия сами люди служили добычей, к тому же добровольной. Тем не менее,

тотемный характер легенды о змие очевиден. Это, между прочим, объясняет, каким образом змей дракон попал в государственный герб Китая и стал родовым и семейным гербом стольких дворянских родов на востоке и на западе. Рядом с Георгием Драконоборцем, украшающим государственный герб Англии, в родовом гербе, унаследованном английским королевским домом от Тюдоров и Стюартов, красуется красный дракон бога Кадваладера из герцогства валлийского.

Легенда о драконе, таким образом, древнее легенды об умирающем звере-боге, и отношение человека к божеству в этой легенде пассивнее и беспомощнее.

Христианство, соткавшее свой центральный миф вокруг легенды об умирающем боге, использовало для своих целей также и легенду о драконе и спасителе. Стилизация легенды, однако, не была доведена до конца. Дракон и девица остались в полной неприкосновенности, только Драконоборец был перелицован и перестилизован по-христиански. Поэтому христианская версия легенды имеет характер странный и нескладный. Георгий, убивший дракона, вместо того, чтоб приласкать спасенную девицу, начинает читать ей мораль о христианстве. Он требует, чтоб спасенные жители крестились во Христа. И крестятся двадцать тысяч, не считая женщин и детей. Эти якобы точные указания несуществующих чисел составляют любимый прием и Ветхого и Нового завета. От брака Георгий отказывается. Благородный царь, отец девицы, строит поэтому церковь во имя Георгия Благословенного. Таким образом церковь во имя святого построена при жизни святого. Дальше этого идти трудно. Дальше царь предлагает Георгию много золота. Но Георгий приказывает раздать его бедным и начинает поучать царя четырем основным правилам церковности: заботиться о церкви, почитать священников, соблюдать божественные службы, печься о бедных.

Таким образом старинная легенда о змие-истребителе стала обыденной и серой христианской агиткой.

Впрочем в дальнейшем процессе стилизации дракон превратился в древнего змия, духа тьмы и князя преисподней. Образ Георгия Победоносца, Спасителя, победившего силы ада, в конце концов сплетается с образом Спасителя Христа.

Совершенно бесполезно исследовать вопрос о христианском мученике Георгии святом, сопоставлять жития каппадокийские, армянские, абиссинские и многие другие и взвешивать аргументы *за и против* — существовал ли христианский Георгий или такого вовсе не было. Иные богословы привлекают к сборному Георгию Мученику даже того исторического Александрийского Георгия, арианского архиепископа, который вел непримиримую борьбу с епископом Афанасием Александрийским, а потом был посажен в тюрьму. Он достаточно насолил и православным и язычникам. Уличная чернь вытащила его из тюрьмы и умертвила после многих истязаний. Эти истязания в заново стилизованном житии Георгия Каппадокийского превратились в подробно описанные пытки. Георгия жарили в печи, колесовали, били плетью, обували в раскаленные сапоги с острыми гвоздями.

Собственный Георгий существовал в Сицилии, другой в Италии, — в сущности каждая страна имела по Георгию.

В течение рассказа вступает новая подробность. Воин не убивает поверженного дракона. Он велит девице обвязать дракону тело шерстяным поясом и вести его за собой в селение. Дракон как будто приуготовлен для святого крещения.

В ряде вариантов, например в китайском, девица справляется с драконом бее всякого участия мужчины, убивает его или лишает его силы. Однако, эпизод с девицей, смиряющей дракона, удивительно подходит к общему стилю христианства, изнеженному, манерному и морализирующему.

Мало того, в французском варианте, в роли девицы является евангельская Марфа, которая связывает дракона собственным поясом и душит его на смерть. Этот дракон — знаменитый Тараск, по имени которого назван и город Тараскон. Альфонс Додэ в своей Тарасконской эпопее не забыл и Тараска.

Христианская легенда о Георгии Змиеборце восприняла в себя какие-то иные элементы, тоже языческие и древние, но уже не связанные с драконом и девицей. Георгий воспринял черты языческого божества. В виде парадокса можно привести: имя Георгий означает, как известно, «земледелец», хотя ничего особенно земледельческого нет в этом образе.

Впрочем, Георгия Земледельца можно сблизить с Земледельческим Зевсом (Зевс Георгос) и праздник Георгия 23 апреля считать праздником возрождения земледельческой весны.

Русский народный стих о Егории Храбром является еще более разнородным и сборным, чем византийское житие. С одной стороны он довольно верно отражает церковную версию:

Злодей царице Мартемьянища
На святого Егория осержается,
Повелел Егорию ковать сапоги железные,
Становить на плиты на чугунные, на каленые.
Церковь божия соборная богомольная,
В той во церкви его матушка,
Святая Софья премудрая.

Явное сближение Егория с Христом, ибо премудрость является матерью также и Христа.

Но дальше выступают отголоски былинные. Царице Мартемьянище изображается совсем как Змей Горыныч или Идолище Поганое.

Закричал он, собака, по-звериному,
Засвистал он, собака, по-змеиному.

И в довершение:

На воротах сидит Острафил Птица,
Держит в когтях осетра рыбу.

Острафил — Строфокамил — страус. Таким образом страус сидит на воротах и держит в когтях осетра.

Не менее загадочны и противоречивы элементы, привходящие в этот сборный образ Георгия — скотоводческие и земледельческие.

Праздник 23 апреля имеет характер скотоводческого праздника весенней травы, полезной для стад и приятной для пастухов. Так, у западных славян справляется обряд Зеленого Георгия. Юноша, обвитый цветными венками, изображает Георгия. В конце обряда его окунают в воду, вместо него спускают в воду особое чучело. Скот выгоняют в поле и украшают его лентами и свежими цветами.

Георгий у славян называется Гюргий, Юрий. Юрий вероятно самостоятельное славянское имя.

Охотничий Юрий гораздо древнее даже пастушеского. Этот Юрий по преимуществу бог волков. Он пасет их и наводит на человеческие стада. Про этого Юрия и сказано: «Что у волка в зубах, то Егорий дал».

Рассказ о Егории, пастухе волков, встречается во множестве вариантов. Егорий неизменно наделяет волков мужицкими овцами, никого не пропустит, даже хромому и старому тоже дает. Отнимать овцу у волка большой грех.

— Ты зачем овцу отнял? — спрашивает Егорий. — «Да она ко мне бросилась. Мне жаль ее стало». — А чем же волки-то кормиться будут? Вон, видишь, этот голодный, зубами щелкает. Брось ему овцу.

По другому варианту Егорий отдал старому хромоту волку даже не овцу, а самого пастуха.

Зато по третьему варианту крестьянин, у которого Егорий стравил волкам не овцу, а целого коня, забрался на самое небо и, отыскавши Егория Храброго, избил его в синевицы. Они пошли судиться к праведному красному солнцу, и этот солнце-бог оправдал мужика в нарушении небесного порядка.[\[25\]](#)

Этот странный образ волчьего святого как будто является не первичным, а вторичным. Этот охотничий бог соотносителен пастушескому быту. Чтоб кормить своих волков, он нуждается в том, чтоб мужики для него разводили овец.

Глава 16. Царство божие на земле и на небе. Угроза страшного

суда

Этическая стилизация в виде компромисса с первичным чувством страха и ответственности за каждое дело создает представление о возмездии, о воздаянии за грех. В это представление входят элементы эклектические и разнородные: нарушение табу и связанное с этим наказание в виде ряда несчастий и неудач, проступок против духов и соответствующее мщение духа, наконец нарушение божьей заповеди, как обрядовой, так и моральной.

Такое пестрое соединение нарушений и возмездии живо и до сих пор.

Охти мне ох, угожу в преисподнюю...
Раз, как забрили сынка,
Я возроптала на милость Господнюю...
В пост испила молока.
С Федей солдатиком чуть не слюбилася,
С мужем под праздник спала.

Несмотря на разнообразие этих составных элементов идея о возмездии выливается единой и слитной и даже порождает соответствующее ощущение вины и воздаяния.

И по этому пути отныне развивается религия. Преступление есть нарушение божьего запрета. Воздаяние следует, злое или доброе, смотря по делам человека.

«Мне отмщение и Аз воздам».

Моральное развитие религии принимает юридический характер.

На первой стадии такого юридическо-морального роста воздаяние, злое и доброе, относится к земной жизни.

Еврейская библия, насквозь пропитанная идеей о возмездии, мало знает о загробном воздаянии и не заботится о нем. Здесь на земле человек прегрешает, здесь и наказуется. Библейские рассказы переполнены страшным мщением Йагве: «На вас самих, на детях ваших и на внуках, даже до седьмого колена, отразится гнев Бога». Между прочим, бессмертие, доступное чувству библейского еврея, было бессмертие в детях и внуках здесь на земле. О загробном бессмертии люди думали так же мало, как и Йагве. Также и благое воздаяние за добрые дела неизменно совершалось здесь на земле.

«И скончался Авраам и умер в старости доброй, престарелый и пресыщенный жизнью и приложился к народу своему» (Бытие, 25, 8).

«И умер Исаак, будучи стар и насыщен жизнью и приложился к народу своему» (Бытие, 35, 28).

И даже Иов многострадальный после всех своих испытаний, получил воздаяние от Господа.

«После того Иов жил сто сорок лет. И видел сыновей своих и сыновей сыновей до четвертого рода. И умер Иов в старости, насыщенный днями» (Иов, 42, 17).

«Видеть сыновей сыновних до четвертого рода» — это благая противоположность проклятию «на детях и внуках до седьмого колена». Оба эти явления, и благо и проклятие, — земные.

«Приложиться к народу своему» надо понимать тоже узко и буквально в виде земного погребения. Как объясняет Иаков своим сыновьям пред смертью: «Я прилагаюсь к народу своему. Положите меня с

отцами моими в пещере, которая на поле Махпела, что пред Мамре в земле Ханаанской, которую купил Авраам с полем у Ефрона хеттеянина в собственность для погребения. Там похоронили Авраама и Сару, там похоронили Исаака и Ревекку и там похоронил я Лию» (Бытие, 49, 30).

Точные инструкции старинного хозяйственного крестьянского типа. Простое земное погребение. Ничего загробного, мистического. Такие похоронные инструкции дает и теперь зажиточный крестьянин сменяющему его большаку.

Однако повесть Иова уже посвящена разбору проблемы о земном воздаянии. За что наказует Господь, за грехи или слепо?

И сказала ему жена его: «Ты все еще тверд в непорочности своей, похули бога и умри!» Все долгие рацеи друзей Иова и самого Иова, даже речи господа Йагве с небес не могли разогнать горького сомнения этих простых слов женщины.

По мере усложнения общественных форм, возрастания накопленных богатств и неравномерности их распределения, идея о земном воздаянии бледнела, опровергаемая фактами. Самосознание человека слишком заострилось и углубилось, чтобы удовлетворяться такими голословными утверждениями: «И благо тебе будет и долголетен будешь на земле».

Самое обещание увидеть на земле сыновей до четвертого рода является стилизованным, фантастическим и неудобноисполнимым. Если бы даже помилованный богом Иов действительно прожил до 140 лет, едва ли доставило бы ему какое-нибудь удовольствие созерцание четвертого колена. Библейское обетование совсем не принимало во внимание старческих болезней и немощей, которые в первобытном состоянии много тягостнее, чем даже в культурном.

Но уже на историю старчества Иакова пала тяжелая тень его последних недугов.

«После того Иосифу сказали: «вот отец твой болен». Израиль собрал силы свои и сел на кровати».

У первобытных народов убийство стариков является одновременно их добровольною смертью. У чукоч, например, добровольная смерть стариков является проявлением последнего гнева человека на старость и болезнь. Надо вслух произнести страшную формулу, направленную к духам: «Давайте биться!» После того уж нет возврата назад. Дети обязаны убить старика, часто против собственной воли. Иначе духи жестоко накажут семью за святотатственное удержание обреченной добычи.

От этой жуткой старческой смерти очень далеко до старости доброй и насыщенной жизнью, о которой говорит Библия. Между прочим и вышеприведенное из книги Иова: «Похули бога и умри» есть очевидно стилизация предсмертного чукотского гнева. Даже первобытная человеческая психика в последнюю предсмертную минуту находит в себе довольно силы для богоборческого вызова.

Религия должна была учесть все эти противоречия, биологические и социальные, и сделать шаг, естественный и необходимый, но вполне роковой. Воздаяние из земного стало загробным. Стала вырастать и развиваться идея загробного царства и загробного суда и воздаяния: «Царство мое не от мира сего».

Идея о загробном воздаянии была для религии высшим апогеем развития. Выше этого религия не пошла. Вместе с тем этот путь развития был путем наименьшего сопротивления. И вместо того, чтобы подняться, религия скатилась с вышины в долину, на плоское место. Она оторвалась от земного и прилепилась к небесному и, путем неизбежного превращения, стала сперва небесным объяснением земного, а потом и оправданием земного.

Такое превращение пережили обе великие религии земного человечества, христианство и буддизм, которые обе родились на исторической основе многобожия, просветленного и организованного и в сущности вышли из общего корня, культурного и социального.

Идея о загробном воздаянии развивалась в человечестве медленно и многообразно.

Земной практический характер иудаизма вначале был связан с его скотоводческим бытом. Пастушеская жизнь, вечные кочевки не располагают к устройству пышных и сложных гробниц. Для загробной жизни требуется прежде всего благоустроенное и прочное загробное помещение, а оно не соответствовало подвижности и бедности еврейского номада-бедуина. Мы видим, например, что другие кочевники — монголы своих мертвецов прямо выбрасывают на съедение хищным зверям и птицам. То же делают на севере кочевники-чукчи.

Постоянная гробница для кочевника это предмет роскоши. И недаром Иаков с таким самодовольством распространяется в своей предсмертной речи о поле и пещере, купленной дедом его Авраамом у Ефрона хоттеянина за наличный расчет серебра.

Перейдя в Палестине к земледелию и оседлой жизни, евреи оставались слишком бедными для пышных гробниц.

Рядом с этим в более мощных культурах Египта, Ассирии, Вавилона и даже Финикии накопление богатств и технических знаний в городах, расслоение классов создали условия для пышного развития погребального быта и вместе расчлененных представлений о будущей загробной жизни. Правда, и то и другое было привилегией правящих классов царей, аристократии.

Всем известны пирамиды египетских царей и гробницы сановников. В замечательном египетском романе, относящемся к Среднему царству, то есть к XX веку до Р. Х., фараон Сенусерт пишет Синухе, беглецу, остававшемуся в Сирии, следующее милостивое письмо: «Возвращайся в Египет. Ведь ты начал стареть. Подумай о дне погребения. Не надо умирать на чужбине. Тебя не похоронят азиаты, ты не будешь завернут в баранью шкуру. Нет, тебе приготовят торжественное шествие. Мумия твоя будет в золоте, голова в ляпис-лазури».

Фараон исполнил свои обещания и, когда Синуха вернулся, дал ему временный дом и каменную пирамиду. Статуя его была сделана из золота.

Соответственно этому у египтян выработалось сложное представление о загробной жизни, об опасностях, которые ожидают там умершего и об необходимых обрядах и заклинаниях, которыми можно от них защищаться. Так, в одном заклинании из книги мертвых, обращенных к богу Ра, сказано: «Защити меня от бога с песьим лицом, который сидит у огненного озера, поедает тени, проглатывает сердца. Освободи меня от стражей прохода. Да не упадут на меня их ножи, да не впаду я в их котлы».

Это заклинание-молитва представляет прекрасное посредствующее звено между кухонными котлами чукотских охотников за душами и адскими котлами христианских демонов.

Погребальные заклинания Древнего царства за 3000 лет до Р. Х. своей первобытной грубостью ничуть не уступают первобытному анимизму. Покойник напитан с поля богов. Он ест один, не дает никому из идущих позади его. Ему дают 1000 хлебов, пива, быков, гусей. А если еды не хватает, он хватается за человеческие испражнения. Существуют особые заклинания, чтобы отвадить его от этой дурной привычки. Помимо того, он на том свете является свирепым людоедом. Он поедает людей, питается богами. Хватает сердца богов. Ест красное, пожирает зеленое. Подкладывает огонь к котлам с окороками их первенцов. Для него набиты котлы с окороками их жен.

Это заклинание устрашительное, дающее победу покойнику над духами загробного мира.

Заклинания Среднего царства, на тысячу лет позднее, имели характер более скромный, оборонительный.

Еще через тысячу лет в Египте в заклinationах Нового царства мы встречаем уже этическую стилизацию, идею о воздаянии, о нравственных требованиях, предъявляемых к покойнику.

В 125 главе новой Книги Мертвых мы находим уже такое обращение покойника к загробному судье Озирису: «Слава тебе, владыка Правды. Я принес к тебе правду, не творил зла, не убивал, не заставлял плакать, не обижал больных, не прелюбодействовал, не уменьшал жертвы богов, не отнимал молока изо рта детей, не отнимал заупокойных приношений, не осуждал слугу перед лицом начальника. Я чист, я чист, я чист».

Далее следует взвешивание сердца покойного. На одну чашку весов кладется сердце, на другое перо, символ и синоним правды.

Очевидно, настоящий судья человека — его собственное сердце.

Такою же эволюцию претерпели и заклinationа вавилонян.

Так, в жреческой молитве-заклинании за больного царя читаем: «Не утеснял ли он слабого, не ссорил ли он отца с сыном? Не вступал ли он в дом ближнего своего, не приближался ли он к жене ближнего своего, не проливал ли крови ближнего своего, не похищал ли имения ближнего своего, не восставал ли против начальства».

Любопытно сопоставить египетскую добродетель: «Я не осуждал слугу перед лицом начальника» и вавилонский грех: «Восставал против начальства».

В другом вавилонском тексте указано: «Если царь не соблюдает справедливости, страна распадется. Если он не радеет о своем жреце абхаллу, дни его будут пресечены. Если он окажет добро чужому, бог чумы поразит его. Если посадит кого из горожан Ниппура, Сиппара, Вавилона в тюрьму, суд его будет передан чужому. Если внимает клеветнику, решения его будут отменены. Если не заботится о жреце-прорицателе, страна возмутится против него».

Любопытнейшее сочетание этических правил с чисто классовыми влияниями.

Таковы два основных влияния, которые постепенно привили отчасти иудейству, а более того христианству, идею о личной ответственности человека за гробом и о загробном суде за грехи.

Другие влияния, например персидские, вносили идею о конечной гибели мира, о воскресении всех мертвецов и последнем суде над ними и далее об очищении грешников и земли огнем. В персидской космогонии это связано с дуализмом, вечной борьбой доброго и злого бога. В последней борьбе злые боги погибнут, а добрые восторжествуют. Такова была этическая стилизация персидского дуализма.

Идеи об личной ответственности умерших не получили в еврействе большого развития, но идеи о гибели мира и страшном суде после вавилонского плена укрепились в еврействе отчасти под влиянием вавилонским и персидским, но еще больше под воздействием национальных несчастий и связанных с ними надежд на воскресение и обновление.

Так возникли еврейские апокалипсы, неразрывно связанные с мессианством, с надеждой на мессию и спасителя, который обновит и спасет народ. Между прочим, спаситель мира, Саошианта,) который родится от девы и принесет умиротворение земле, был известен и персидским учениям. Также существовала и противоположная фигура, противник, произошедший от злого бога и равнозначный еврейско-христианскому антихристу.

Иезекииль и Даниил, Исаия, Иеремия, Амос и все вообще пророки переполнены видениями, сулящими сперва гибель, а потом обновление.

Разверзнется небо. На облаках покажется Мессия (помазанник, по-гречески Христос), сопровождаемый легионами ангелов. Он уничтожит демонов и самого Сатану. Потом будет держать строгий суд над живыми и мертвыми. Грешники будут помещены в ужасном месте кары для вечной гибели, исполненной мук, праведники вступят в новое блаженство божие. С неба снизойдет на землю Новый Иерусалим и в нем поселится Мессия.

Как промежуточное состояние вставляется тысячелетнее царство греха. Только через тысячу лет наступит гибель и обновление.

Идеи еврейского апокалипса полностью перешли в христианство. Можно сказать, что именно из этих идей выросло христианство и ими питалось в течение первых веков.

Изречения и притчи Иисуса говорят о наступлении царства божия, вплоть до последнего его слова пред синедрионом: «Отныне узрите сына человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках» (Матф., 26, 64). Марк и Матфей, Лука и Иоанн согласно предсказывают одно: «Померкнет солнце и луна не даст света своего, звезды спадут с неба и небо поколеблется. Тогда-то увидят сына человеческого, грядущего на облаках со мною силой и славой. Он пошлет ангелов своих и соберет избранных своих от четырех ветров, от края земли, до края неба» (Марк, 13, 21).

И в посланиях Иакова сказано: «Время приближается. Судья стучит у дверей. Укрепите сердца свои. Будьте готовы в долготерпении» (Иаков, 5, 9).

Также и послания апостола Павла напитаны этими великими надеждами и страхами. То же пришествие мессии, борьба его с антихристом, промежуточное царство греха, гибель мира, воскресение мертвых и суд, вечное, великолепное царствие божие.

Об откровении Иоанна я уже говорил выше. Эта книга оказала огромное влияние на христианский мир, вплоть до новейшего времени.

Знаменитый хорал страшного суда «День Гнева» Dies Irae до сих пор потрясает человеческие нервы, правда, уже на сцене, в опере «Фауст»:

О горе тебе! Глас трубный несется,
И гробы трясутся. И сердце твое.
Из пепла возникнув на вечное пламя,
Трепещет.

Ожидание пришествия господна на облаках, как известно, не состоялось. И уже во втором христианском поколении начинаются разочарование и насмешки.

Во втором послании Петра, относимом ко второму веку, сказано: «Наглые ругатели, говорящие: «где обетованное пришествие его? Ибо с тех пор как стали умирать отцы от начала творения, все остается так же».

И даже в евангелии Иоанна внесена кислая поправка: «Иисус не сказал об Иоанне, что он не умрет, доколе я не приду», а сказал условно: «Если я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, то что тебе до того?»

Это унылое «если» свидетельствует о том, что и Иоанн своевременно умер и Иисус не пришел.

В Коринфе члены общины возражали Павлу, что никакого воскресения не будет (1 Коринф., 15, 12).

Об откровении Иоанна говорили с придиричивой и злобной критикой, что оно учит о земном царстве Христа, о плотских удовольствиях и страстях и даже о брачных празднествах.

Тогда в христианском представлении о загробном царстве произошли два изменения. Во-первых, была вставлена вышеуказанная идея о тысячелетнем промежутке. Во-вторых, на место коллективного страшного суда стала выдвигаться мысль об индивидуальной ответственности и о суде над душой тотчас же после смерти.

Глава 17. Бессмертие или воскресение. Угроза ада

Христианские и буддийские идеи о загробном возмездии при общем этическом подходе имеют различное происхождение и весьма непохожие формы. Буддийское возмездие за гробом основано на идее о переселении душ, точнее — о переселении жизни. Идея о переселении жизни существует у многих народов первобытных и более культурных, но самое подробное и пышное развитие она получила в индуизме. И надо сказать, что в своей развитой индийской форме она является по-своему блестящей и логически необходимой, можно сказать, почти научной.

Из общего ощущения жизни своей и окружающей и дальше из пантеизма логически вытекает идея о том, что все проявления жизни связаны вместе как цепь. Трагический вопрос о сущности смерти, страх смерти и отрицание ее получают неожиданный выход. Смерти действительно нет. Смерть есть переселение из одного живого образа в другой. Жизнь есть бесконечное странствие из человеческих форм в животные и обратно в человеческие. Царь может возродиться дровосеком, потом оленем, далее червем, львом и опять человеком-жрецом. Эта соблазнительная мысль переселения жизни до сих пор искушает многих художников слова. Киплинг, например, является ее приверженцем, хотя довольно стыдливым.

Еще в индуизме идея переселения душ приобрела этические формы. Переселение происходит в виде бесконечной лестницы наград и наказаний. За нарушение запретов и табу, за неисполнение ритуальных предписаний человек наказуется переселением в какой-нибудь ужасный и отвратительный образ, навозного червя, жука, причем к реальным существам примешиваются фантастические, например, демоны с глазами, сочащимися кровью и гноем. После того потребно десять покаянных превращений, чтоб вернуться обратно по этим десяти ступеням в первоначальное положение. Лестница переселений становится таким образом мучительной пыткой. В ней есть какие-то расчлененные страдания. И она, быть может, объемлет наибольшую массу загробных страданий, которая доступна человеческому воображению.

Буддизм унаследовал от индуизма переселение душ почти в полной неприкосновенности. Он дал ему только более строгое этическое толкование и сделал из него некоторые логические выводы. Разнообразная масса страдания, доступная жизни в ее многообразных формах, безмерна и бессмысленна. Отсюда необходимый вывод: жизнь есть зло, во всех своих разнообразных пантеистических проявлениях. Целью мудреца и его религии является избавление от жизни вообще и погружение в блаженное уничтожение, в нирвану. Но это погружение дается нелегко. Жизнь есть колесо, на котором человек распят. И соскочить с колеса возможно лишь ценою многих повторных попыток.

Буддизм, таким образом, есть высшая форма земного отчаяния и квиетизма, отрицание жизни не только в земной, но и в загробной форме.

С другой стороны, переселение душ, как в индуистской, так и в буддийской форме, доступнее для человека, чем бесконечное бессмертие. Человеческое сознание совсем не нуждается в идее бесконечной загробной жизни. Оно совершенно удовлетворяется надеждой на продолжение жизни в новой последующей форме и о большем не мечтает и не заботится. Временное бессмертие, удлинение нашего эфемерного бытия, — вот чем довольствуется боязливая человеческая мысль. Большого не надо, большее даже страшит.

Бесконечность бессмертия как бы не вмещается в пределы человеческого духа. Это отвращение к бесконечному бытию выразилось, например, в греческой легенде об Эхо, которая была женщиной и выпросила у богов дар бессмертия, но в конце концов так состарилась и изнасилась, что совершенно исчезла — только сохранился ее голос, который откликается и повторяет не свои, а чужие слова.

Парная к этой легенда говорит о мужчине Тифоне, сыне Лаомедонта, супруге Зари Эос.

Она похитила его у отца из-за его необычайной красоты и испросила у Зевса для него бессмертие, а вечную молодость испросить позабыла. Тифон мало-по-малу так сморщился, что больше не мог двигаться. Остался лишь голос его, как голос цикады. Так Тифон превратился в трещащую цикаду.

Эта тема, очевидно, сильно занимала древних эллинов, если она дала повод к двойной обработке, **М** и **Ж**.

То же настроение отражено и в еврейско-христианской легенде об Агасфере, Вечном Жиде, страннике, который мучительно жаждет смерти, но обречен жить на земле до страшного суда. Подобно греческой Эхо и Агасфер состарился и бродит по свету в седом и морщинистом образе. Жизни и энергии в нем сохранилось лишь настолько, чтоб чувствовать страдание жизни.

Буддизм, как общая концепция, ведет к отчаянию. Как непосредственное обещание, оно как будто раскрывает перед нами двери смерти и приоткрывает занавес.

В общем, буддизм по своим основным свойствам является религией пассивной. Его активной период был не весьма интенсивен. После того он впитал в себя множество языческих обрядов, богов, образов и ныне существует в многообразных формах, местами поверхностных, местами довольно глубоких. В Японии буддизм уживается рядом с народной религией Шинто, отнюдь не сливаясь с нею. Такое сожительство совершенно невозможно для христианства и ислама. В Монголии, в Бурятии, в Тибете буддизм переплетается с шаманизмом в причудливые формы.

Христианство в своих загробных воззрениях было гораздо менее удачно, чем буддизм. Начать с того, что в предшествующих религиях оно имело материал довольно скудный. В еврействе, как указано выше, идея загробного мира не получила особого развития. Саддукеи, например, даже во время христианства совсем отрицали загробную жизнь. Евангелие еще сохранило отражение этих споров о том, есть что-нибудь на том свете или нет ничего. И надо сказать, что на лукавый вопрос саддукея относительно женщины, переходившей по наследству меж братьями, согласно закону Моисееву: «Там в воскресении которого из семи братьев будет она женою, ибо все имели ее по очереди?» (Матф., 22, 28), Иисус оказался бессильным дать вразумительный ответ. Он отвечал отрицательно: «В воскресении не женятся и не выходят замуж». По существу это ответ отрицательный, о том, чего нет в воскресении, — но не сказано о том, что там *есть*.

Греко-римский тартар, ад, тоже является не менее смутным, чем еврейский ад, шеол и «ложе Авраамово» для праведных, и кроме того образ этот почти не подвергся этической стилизации. Элизий, обитель блаженных — совсем уже призрачное место. И греческое чувство загробности выразилось четко и откровенно в знаменитом ответе тени Ахилла Одиссею: «Не прославляй мне смерти, лучезарный Одиссей, лучше желал бы я служить сельским поденщиком у другого небогатого человека, имеющего немного для жизни, чем властвовать в Аиде над всеми мертвыми». Лучше быть на земле поденщиком, чем в Элизии царем.

Таким образом христианству пришлось построить для себя загробное царство на-спех, создав его из элементов эклектических, смешанных и противоречивых, вавилонских и египетских, сирийских, иудейских и эллинских.

Оформлением этого загробного царства наполнено Евангелие. И можно сказать, что идея загробного мира самая четкая, какая только есть в наследстве Иисуса. Цитатами можно наполнить несколько страниц: «Быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый. Где червь не умирает и огонь не угасает». У Марка (9, 42–48) это повторяется три раза, как нудный и страшный урок. «Там будет плач и рыдание и скрежет зубов» (Матф., 24, 51). «И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Матф., 25, 46).

Давно указано, что картина христианского ада разработана гораздо подробнее и разнообразнее, чем картина рая.

Трудно судить, как и когда составилось это описание. Так называемый апокалипсис Петра, относимый ко второму веку, описывает довольно подробно и рай и в особенности ад. Они лежат друг против друга. В аду совершенно темно. Грешники и демоны одеты в черное. Место наказания разделено на 14 — дважды семь ярусов или классов. Дальше идет описание вечного огня, кипящей грязи, потоков расплавленного свинца, огненных бичей, раскаленных сковород.

Данте разработал эти мрачные и грозные картины еще подробнее в своей «Божественной комедии».

В противоположность буддизму, христианство старается нас поставить лицом к лицу наглядно с вечностью, вечной мукой и вечной радостью. Впрочем, муки обрисованы гораздо рельефнее, чем радости.

С этой точки зрения совершенно несправедливо указание, будто бы Ветхий завет мрачнее и суровее Нового. Ветхий Завет говорит о божеских карах, бичах и скорпионах именно здесь на земле, которые мы все знаем и к которым, в конце концов, мы все привыкли.

Христианство, начиная с Евангелия и вплоть до настоящего времени, с какой-то садической любовью и старанием расписывает кары загробные, которые являются для нас в перспективе дали. Болезни, страх смерти, мучительное расставание с жизнью, а впереди бесконечная, вечная кара — вот основная концепция. Для своего христианского ада, христианство, как указано выше, использовало самые древние анимистические идеи и суеверия. С другой стороны, больше всех христианских догматов этот свирепый образ грядущего огня запечатлелся в представлении обращенных народов, слился с их собственным фольклором, и, в сущности, стал практически основой христианства. Христианин, практически, это грешник, который боится загробного огня, а потому иногда и воздерживается от греха.

Таким образом, вместо *страха смерти*, христианство поставило во главу своей доктрины *страх бессмертия*.

Если христианская геенна огненная отличается элементарной устрашающей четкостью, то этого отнюдь нельзя сказать о христианском рае. В нем есть что-то неестественно расплывчатое, чопорное и надутое, похожее на византийскую икону.

Тем не менее христианский рай, в отличие от ада, заимствован из Ветхого завета. Картина небесного царства есть завершение длинного ряда еврейских видений, из которых видение Иезекииля является наиболее ярким. Разница в том, что видения Ветхого завета имеют характер художественной картины, а не этического толкования. В царстве небесном Иезекииля — только небесные фигуры, архангелы, духи, животные, но отнюдь не праведные люди, обеленные от скверны, очищенные от греха.

Дальнейшее развитие идеи загробного мира состояло в приближении последнего расчета. Рай или ад, награда или воздаяние тотчас после смерти.

Уже и в первых трех Евангелиях рядом с апокалиптическими чаяниями есть отдельные места, обещающие рай или ад тотчас после смерти. В притче о богатом и нищем Лазаре ад и рай представлены как два места, лежащие друг против друга и разделенные бездной. Через бездну, однако, можно переглядываться и переговариваться. А попадают в эти оба места тотчас после смерти, ничуть не дожидаясь страшного суда (Лука, 16, 22–26). Также в главе 23 Луки Иисус обещает разбойнику: «Ныне же будешь со мною в раю» — стало быть тоже без всяких отсрочек. Также и в посланиях Павла ясно выражено это нетерпение: «Смерть для меня приобретение. Хочу разрешиться и быть со Христом». Так в конце концов создался христианский вызов смерти, личный и индивидуальный: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?».

Надежда на личное бессмертие, немедленно, сейчас, есть в сущности единственное утешение, дарованное христианину.

Между раем и адом, между нетерпением верующей личности и конечной загробной наградой, можно отметить своего рода промежуточный слой, в роде гуттаперчевой прокладки, чистилище.

Эта странная идея одинаково свойственна обеим церквям, католической и православной. Но в католической она закреплена и введена в догмат. В православии она остается в положении мнения, допускаемого церковью.

«Много света нужно для беспрепятственного перехода от смерти и жизни вечной со Христом без задержки, хотя бы временной; поэтому-то церковью, для людей среднего духовного уровня, допускается среднее состояние, без определенного и окончательного решения участи до последнего суда и открытия царства божия».

Таким образом, православное среднее состояние не есть чистилище, а скорее дом предварительного заключения для душ еще неосужденных.

Глава 18. Загробное возмездие, злое или доброе

Христианская жажда расчета тотчас после смерти имеет в себе нечто истерическое. Вместе с тем поражает, как эта мысль выдвинулась вперед и решительно заслонила собою все остальное христианство.

Человечество как будто устало ожидать и требовало у своих богов немедленного учета векселей, хотя бы и небесных. «На том свете угольками», как говорит вольнодумная поговорка.

Может быть, это нетерпение предвещало современную жажду расчета немедленно, уже не на небесах, а прямо на земле.

Гейне провел между этими двумя видами расчета отчетливую параллель:

Хоть за гробом мир и радость
Там вверху тебе дадут,
Но ведь в суп пустую сладость
Вместо мяса там кладут.

Даже спустившись на землю, нетерпение еще не унялось. И распря идет по вопросу, какому именно поколению обещано мясо во щах, десятому или пятому, или детям и внукам нашим или, может быть, нам самим.

С другой стороны, утверждение загробного возмездия было для христианства и вообще для религии, конечно, остановкой развития. Этическая стилизация в христианстве не дошла до конца. Нравственный закон христианства, в конце концов, обязателен не сам по себе, он обязателен из страха кары божией.

Христианство, в отличие от иудейства, выставляет себя как религию бога ласкового, сошедшего к людям с небес. «Возлюби бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею и всем помышлением твоим». — Вот основная заповедь христианства. Другая основная заповедь: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», по указанию самого Евангелия, заимствована из Ветхого завета (Матф., 19, 19). Но и заповедь о любви к богу имеет, так сказать, пригласительный характер и не имеет полной внутренней силы. Ибо добр только бог, только Иисус Христос. Род человеческий зол по существу. Это порождения ехиднины, народ жестоковыйный и лукавый. И для этого народа единственная узда — наказание.

Народ, окружающий Иисуса в Евангелии, это народ еврейский. Он описан такими чертами, которые родили страшную ненависть к этому жестокому народу, неугасимую вражду, питающую и ныне антисемитизм. Никакого другого народа в Евангелии нет, нет, стало быть, и другого отношения к людям. Правда, обличения еврейской преступности унаследованы христианством от Ветхого завета. Но в Ветхом завете это все-таки собственное, внутреннее дело. Сквозь все укоризны Моисея и обличения пророков ощущается все же горячая любовь к этому народу, упрямому и слабому, жестоковейному, богоборному, но все же избранному наследнику царства божия на земле.

Для христианского Евангелия евреи это уже чужой народ, отсеченная ветвь, евреи сами себя отсекали, отделили от царства божия.

В своей лицемерной мягкости христианство и здесь суровее и жестокосерднее Ветхого завета.

Таков же и рассказ из Матфея об исцелении одного из бесчисленных и нудных бесноватых.

«Подшел к нему человек и, преклонив перед ним колени, сказал: «Господи, помилуй сына моего. Он в новолунии беснуется и тяжело страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду».

Иисус на это смиренное и горестное обращение почему-то забранился: «О, род неверный и развращенный, доколе буду с вами, доколе буду терпеть вас? Приведите его ко мне сюда» (Матф., 17, 14).

Впрочем, может быть, уж слишком ему надоели бесноватые.

Христианство, как известно, победило в результате революции, одной из наиболее поразительных и неправдоподобных, какие только видел мир. Отсюда обыкновенно делают вывод, что христианство, христианская революция, принесла миру обновление и возрождение. В этом позволительно усомниться.

Христианство как идеология было плодом разрушения античного мира, а не его возрождения, и оно несет в себе эти явные признаки распада и гниения.

В своей богословской и философской концепции христианство нисколько не выше языческого политеизма. Оно просто заменило группу суеверий европейского средиземья другой соответствующей группой суеверных идей из передней Азии и заменило одно многобожие другим. Вместе с тем оно подкопало, а потом подсекло всю античную философию, а также и науку и сделало их невозможными на долгое время. Эпоха христианства — это эпоха роста всевозможных суеверий, мало того, это объединяющая формула для различных суеверий, наводнивших Рим с востока, против которых лучшие римляне восставали так долго и напрасно еще задолго до победы христианства.

Именно поэтому, формально победив, христианство оказалось совершенно беспомощным перед побежденным язычеством. Оно всосало и ассимилировало все местные культы, все статуи, иконы, амулеты, вещие сны, жертвоприношения, ибо оно не было выше греко-римского язычества.

Однако некоторые элементы этого процесса представляли явное ухудшение. Христианство заменило культ красоты и юности особым культом безобразия и старости, ввело и расплодило магии, монастыри, церковную организацию, безбрачное духовенство. Оно организовало суеверие и создало из него правильную систему. Оно сосчитало местных богов, т. е. святых, ввело им арифметический учет, бухгалтерию, правила канонизации, составило библиотеку житий, по алфавитному указателю, по списку молитв и дней.

Его беспредметная революционность и приверженность «к малым сим» скоро выдохлась.

Ослабление этого духа заметно уже по дороге от евангелия Луки к евангелию Матфея.

Перейдя на загробную ориентацию, утвердившись на базе «Царство мое не от мира сего», христианство заняло по отношению к царству земному двойственное положение: 1) царство мира сего есть зло, от которого надо бежать, 2) царство мира есть нечто безразличное, с которым не надобно спорить.

Таким образом отречение от царства земного привело к признанию и поддержанию царства земного. Христианство стало поддержкой государства и власти, его идеология сделалась подголоском и эхом интересов и идеологии правящих классов. Процесс этот начался рано и быстро достиг полного развития.

«Малые», о которых заботился Христос, были всегда только нищие, калеки, негодные элементы, выброшенные из жизни, только засоряющие общественные щели и каналы. Метод социальных улучшений состоял в раздаче милостыни, по возможности помельче и большему числу. «Ибо нищих всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить» (Марк, 14, 7). Сотни пятаков, которые русские купчихи, бывало, раздавали босякам на помин души своих присных и которые попадали тотчас же в кабак через дорогу, это и есть социальное применение евангельского принципа.

Революционность христианства в дальнейшем не раз возрождалась припадками, в сектантских движениях и в крестьянских восстаниях, но она никогда не приводила к прочным победам, и если бывала победа, то она уходила из рук и расползалась прахом.

Но, быть может, самое существенное в христианстве есть присущий ему особенный культ лицемерия.

По отношению к Ветхому завету христианство представляло ряд сентиментальных преобразований, а сентиментальный стиль ведет всегда к лицемерию, к покрытию сущности дела лаком и позолотой красноречия. Это произошло и с христианством в огромнейших размерах.

Бичуя лицемерие, чуть не на каждой странице Нового завета, христианство бичует и само себя. Его неестественное миролюбие с теоретическим подставлением ланиты под бьющий удар, такие правила, как «любите ненавидящих вас», «благословляйте проклинающих вас», на практике вели к затемнению здоровых инстинктов жизни.

Эти инстинкты возвращаются опять в том же зверином образе, прикрытом фиговыми листочками христианского учения. Грех лицемерия чувствуется во всем Новом завете. Он вырастает в деяниях апостольских, в приглашенных посланиях Петра и Павла. Распри ранних партий, война против павлинистов, ненависть иудео-христиан к язычникам, все это замазано, приглажено. В Ветхом завете тоже довольно изменений и смягчений, но не мало осталось старинной перевозданности, едкой кислоты и жгучего огня.

В христианстве все это выщелочено дочиста. Оттого историческое христианство создало наиболее уродливые выросты человеческой психики и социологии, инквизицию, папство, цезаре-папизм, иезуитскую программу: *reservatio mentalis* (мысленное ограничение истины), «цель оправдывает средства» и многие другие.

Ни одна религия или церковь, ни до того, ни после того, не создавали ничего подобного. Даже и в настоящее время при общем смягчении нравов и, главное, при ослаблении значения и роли христианства, протестантство, эта последняя модернизированная форма христианства, успешно продолжает ту же традицию и практику лицемерия и даже придает ей новые современные формы. Можно сказать даже больше того. Христианство заразило лицемерием всю современную цивилизацию, государство и суд и даже демократию, политические партии, и правые и левые, включая и партию безбожников.

Во французском масонстве, которое вело и ведет деятельную борьбу с католичеством, замечается то же настроение, елейность и влечение к испытанным приемам иезуитизма и инквизиции.

Пышные речи современных ораторов, которые начинают свою карьеру с анархизма и левого социализма, а потом переходят к фашизму, как Бенито Муссолини, или к низменному карьеризму, как бывший президент Мильеран, успевший в минуту ухода взыскать с государства судом президентское жалование за недослуженные годы, все эти красивые слова о народном величии, об общечеловеческой любви, о демократии представляют прямое порождение евангельской проповеди.

Иисус в своих непрерывных проповедях дал дурной пример не только будущим пасторам, но также и грядущим министрам и вождям партий. Он поставил пред человечеством первую партийную платформу.

Недавняя война тоже, как известно, велась под знаменем креста. Красный крест с уборкою убитых и раненых составляет, как известно, неотъемлемую военную часть. Этот красный символ сопутствует войне повсюду, даже у нас.

Средневековый епископ, гвоздивший на войне неприятелей палицей вместо меча, дабы не проливать крови, и английский миссионер, который и в Африке, как Ливингстон, и в Индонезии и в Полинезии, являлся лишь предтечею воинствующего капитала, торговца и чиновника, — вот «порождения ехиднины», которые выросли прямо из недр христианства.

Глава 19. Что такое церковный коммунизм

В план моего анализа не входит подробное рассмотрение социальной истории церкви по отдельным этапам с первого века по третий и с третьего века до Константина и далее сквозь все колебания ее внешнего успеха и внутреннего изменения.

Для этого были бы потребны большая интенсивность и продолжительность работы и более обширные размеры издания.

Дело обыкновенно представляется в таком виде: христиане эпохи Иисуса и первого века вообще были революционеры, но мирные, они были демократы, но состояли под управлением боговдохновенных апостолов, которым наследовали епископы. Далее они были коммунисты, но признавали частную собственность, в том числе и собственность на рабов.

Во всем этом много противоречий.

Когда Палестина загорелась свирепой национальной революцией, христианство по необходимости должно было отходить от метода силы и восстания, поскольку оно отходило от традиционного иудейства. Отходя от иудейства, оно политически приближалось к римлянам. Другого пути не было. Критика давно указала на то, что римские фигуры в Евангелии являются весьма благожелательными, начиная от сотника Корнилия и кончая Пилатом. Нет недостатка и в заявлениях христианской лояльности, включенных в евангельский текст, как общеизвестное «кесарево кесареви». Можно привести многочисленные заявления Павла: «Нет власти не от бога. Начальники — божьи служители. Подати платите. Всякому все отдавайте, подать, оброк, со страхом и почетом» (Римлян., 13, 1–7).

Отдельные случаи применения насилия в Евангелии, мифическое изгнание торговцев из храма и усекование Малхова уха апостолом Петром, направлены против иудеев, а никак не против римлян.

Впрочем, и против иудеев христиане защищаются слабо. Известная сентенция Иисуса: продай одежду свою и купи меч (Лук., 22, 36) приводит к заявлению учеников: «Господи, вот здесь два меча». И он сказал им: «Довольно!»

А во время ареста Петру, обнажившему меч и отсежнему вышеуказанное ухо, Иисус сказал такое же слово: «Довольно!» и, прикоснувшись к отсеченному уху, исцелил его.

Неподражаемая подробность.

Во всей этой плачевной аванюре христиане напоминают толстовцев. Их сопротивление есть, в сущности, непротивление злу.

Другой пример из русской революции. Я помню в дни моей ранней юности, как так называемые «мирные пропагандисты» стали приходить к мысли о необходимости оказывать сопротивление при аресте, какие дебаты велись по вопросу о том, носить револьверы или нет. И сторонники насилия доказывали, что не надо убивать, а только выстрелить, чтоб обратить внимание общества на невыносимые гонения. Помню, один из первых стрелявших, Бобохов, уже после ареста, нашел случай передать из крепости письмо в революционную печать, написанное в стиле евангельского рассказа об аресте. Идея о насилии русским социалистам далась далеко не сразу.

Точно также и так называемый коммунизм первоначальной христианской общины вызывает сомнения. В отличие от ессеев, о которых к тому же мы знаем очень мало, христианская ячейка являлась коммунной не производительной, а только потребительной. Основным моментом была братская трапеза-агапа. Странствующим праведникам некогда работать, они заняты другим делом. Надо, однако, указать,

что повсюду и везде группа людей, собравшихся вместе для какой-нибудь духовной цели, по необходимости является такой потребительной коммуной. Каждая ученая экспедиция, выезжающая в поле, от полярной экспедиции Нансена на «Фраме» до ныне устраиваемых Академией Наук исследований СССР, составляет такую коммуны, имеет казначей, общее хозяйство и кухню. Вся эта организация направлена на содержание сочленов во время работы.

Даже и чай, который подают в ученых обществах, тоже является коммунистической агапой. В буржуазной жизни больше коммунизма, чем заметно с первого взгляда.

Также и у апостолов был казначей и общая кружка и трапезы. Правда, для общей казны указывается мимоходом и другая цель: «милостыня нищим». Но надо помнить, что во все времена самые радикальные группы и секты тратили на раздачу подаяния нищим, калекам и прочим социальным отбросам лишь небольшую часть своего дохода и имущества. Помимо того и евангельский текст даже устами самого Христа относится неодобрительно к аргументу о нищих: «Ибо нищих всегда вы имеете с собою, а меня не всегда» (Матф., 26, 11).

Мало того, в первые три века помощь нищим без разбора обозначала бы помощь иноверцам, неверующим и даже противникам и, конечно, не могла являться серьезным социальным догматом.

Осуждение богатых и противопоставление им бедных в Евангелии существует, особенно у Луки. Критика давно указала на искусные или, пожалуй, неискусные поправки Матфея к резким заявлениям Луки.

В греческом тексте употреблено слово *chortazo*, означающее «жрать». Таким образом у Матфея выходит, что алчущие правды нажрутся.

Такой же лукавой вставкой надо считать Матф., 5, 9; Луки, 6, 20 «блаженны нищие духом». По контексту очевидно, что Иисус говорил просто о нищих.

Только у Луки мы встречаем притчу о богатом и бедном Лазаре, где богатый попадает в ад без всякой мотивировки, просто потому, что он богатый.

Однако и это осуждение богатства у Луки не идет дальше указания, что богатый человек должен отдавать часть своих доходов на благотворительность. Чрезвычайно любопытен рассказ о встрече Иисуса с начальником мытарей Закхеем, человеком богатым. Закхей был мал ростом и, чтобы видеть Иисуса, забежал вперед и взлез на смоковницу, — подробность весьма натуралистическая. Иисус увидел его и сказал: «Закхей, сойди скорее! Мне надобно быть у тебя в доме». И пошел к нему обедать. И все, видя то, стали роптать, что он зашел к грешнику. Но Закхей, рассказываясь, сказал: «Господи, половину имущества своего раздам нищим и, если кого обидел, выдам вчетверо».

Закхей, как известно, не единственный мытарь, отмеченный Иисусом. Апостол Матфей, считаемый евангелистом, тоже был мытарем. И о Христе вообще говорили враги, что он водится с грешниками и с мытарями.

По поводу рассказов о мытарях критики вообще подчеркивают то, как часто в евангелиях и посланиях апостольских говорится о богатстве, о сокровищах, о прибыли и прочем.

Так, у Луки тотчас же за вышеприведенным рассказом о Закхее следует чудовищная притча Иисусова о рабах и минах серебра, рассказанная так пространно и с таким знанием торгового и лихвенного дела. У Матфея притча повторяется менее пространно, но мины заменены более крупными талантами. Первые два раба наторговали хозяину сто процентов на сто. Третий раб торговать не захотел и сказал хозяину: «Ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал», — что, разумеется, было совершенно верно.

Господин обругал его и сказал: «Отчего же ты не отдал мое серебро трапезитам (менялам), тогда бы я получил свой процент».

И в заключение мораль: «У неимущего отнимается последнее, а имущему дается и приумножится».

Такою же похвалу менялам (трапезитам) мы встречаем у Евсевия, первого историка церкви.

Даже в апокалипсе Иоанна, который проникнут таким революционным духом и связывается с иудейско-христианскою сектою бедных, встречаем неожиданное изложение тонкостей торгового дела, блестящие ювелирные описания, которые могли быть знакомы только человеку, имеющему дело со всеми 12 породами драгоценных камней, описанных у автора. Ювелиры и трапезиты в то время были люди одной и той же профессии.

Иерусалимская коммуна, какая она ни была, продержалась недолго. В этом отношении не столько характерна ужасная сцена гибели Анания с Сапфирой с намеками на их убийство тут же на месте, сколько последующие указания апостола Павла, что на братские трапезы надо приходиться поевши. «Собираясь на вечерю, друг друга ждите. А если кто голоден, пусть ест дома» (1 Коринф., 11, 33). Или еще: «Разве у вас нет домов, чтобы есть и пить? Собирайтесь так, чтоб прилично вкушать вечерю господню» (1 Коринф., 11, 22). Таким образом, агапа уже при апостоле Павле стала превращаться из действительной трапезы в символ.

Христианство не отменило семьи, моногамного брака, рождения и воспитания детей. Все эти естественные функции в корне противоречат потребительной складочной коммуне, какая описывается в Деяниях. Производственной коммуны, как указано выше, христианство не создало.

Ессеи, которые имели и общие работы и во всяком случае проводили во всей строгости коммунистическую жизнь, были последовательнее христиан. Они не принимали женщин и не имели рабов. Таким образом и они основали не коммуну, а монастырь. Впрочем, по указанию Иосифа Флавия, был и другой род ессеев, которые делали с женщинами какие-то трехлетние пробы, не ради плотского наслаждения, а ради рождения детей.

Таким образом, христианский коммунизм не имеет ничего общего с натуральным коммунизмом первобытных народов. Это создание культуры, рожденное в городе, построенное заново из элементов смещенных, потерявших свои корни в естественной почве.

Первобытный коммунизм не знает города. Это создание самой природы, вскормленное лесом или полем, где-нибудь на глухом берегу реки. К нему нельзя даже применить обычного анализа и спрашивать, является ли он производительным или потребительным. Ибо он является и тем и другим, общим проявлением коллективной экономической жизни, когда все члены маленькой общины живут вместе, работают и празднуют по годовому циклу у всех на виду, устраивают в общине индивидуальные браки, союзы молодежи, мужчин и пр. Все это вырастает само собой, помимо воли участников. Если происходят перемены, они их не сознают и не замечают.

Ранний христианский коммунизм, также как есейско-палестинский, египетско-терапевтический, эллинско-пифагорейский, открывает начало социально-экономических настроений, проходящих под контролем сознания, стремительных и сильных, но сравнительно непрочных, умирающих и снова воскресающих. Этот ряд продолжается такими же попытками средневековых сект, американскими религиозными коммунами, например, шекерами и перфекционистами, коммунами утопических социалистов, как «Икаррия» Кабе, наконец, новейшими коммунами, столь изобильно выросшими в потоке российской революции, особенно на юге.

Вятская коммуна «Безбожник», основанная бывшими хлыстами, и кубанская коммуна «Прямой Путь», основанная такими же безбожниками молоканами, несмотря на безбожие свое, являются продолжениями длинного ряда коммун, который начался от ессеев.

Все эти коммуны, между прочим, неизменно натываются на брак и семью и часто не знают, как с ними справиться. Шекеры, например, в XIX веке ввели полное безбрачие не хуже ессеев, хотя и состояли из мужчин и женщин. В результате они разбогатели, а потом вымерли.

Перфекционисты, иначе библейская коммуна, в штате Нью-Йорк на реке Онеида, пошли по другому пути и пытались ввести общность жен и детей. Но вмешательство толпы, грозившей судом Линча, и потом вмешательство властей уничтожило эту форму коммунизма. После того общины перфекционистов пошли к распадению и стали постепенно обращаться в артельный поселок.

По отношению к рабам христианство заняло сразу весьма консервативное положение. Евангелие изобилует утверждениями рабства, которые были использованы рабовладельцами всех стран, разумеется, христианских. В этом отношении апостолы Павел и Петр в посланиях своих отстали от Моисеева законодательства, которое относилось с решительным неодобрением к рабству единоверцев.

«Слуги, повинуйтесь со всяким страхом господам, не только кротким, но и несправедливым» (1 Петр., 2, 18).

«Рабы, которые имеют господами верующих, не должны обращаться с ними небрежно, но тем более должны служить им» (1 Павла к Тимофею, 6, 2).

Недвусмысленное и драгоценное свидетельство. У верующих христиан были рабы христиане. Правда, христианство стремилось к смягчению участи рабов, особенно в первые века, и рекомендовало отпускать их на волю. Но римская культура в эпоху императоров и помимо христианства выделяла из своих миллионов рабов тысячи вольноотпущенных, которые, в конце концов, заполнили Рим и поглотили все другие низшие классы.

В христианстве мы встречаем в начале III века вольноотпущенного, Калликста, в качестве римского епископа. Был он по профессии банкир и именно этим выслужился у своего господина, но потом злоупотреблял его доверием. В качестве епископа он впервые упорядочил имущественные дела общин, к тому времени выросшие. Калликст разрешил христианским девицам и вдовам сенаторского звания внебрачные половые отношения с собственными рабами христианами, за тем, чтоб удержать их от браков с знатными язычниками. Сенаторских вдов в христианстве было много, а равных им мужчин не хватало. Любовные связи с рабами по необходимости были тайные и не могли превращаться в явные браки, ибо это было противно всему римскому общественному строю.

Глава 20. Рождение церковной бюрократии

Мы таким образом переходим к новой черте первоначального христианства. Оно не создало новой семьи, не изменило отношения к женщинам, к рабам, наконец, не укрепило общения имущества. И во все эти явления оно внесло с самого начала довольно неприятный, хотя и неизбежный беспорядок.

Носителями такого беспорядка были странствующие агитаторы, старые и новые пророки, преемники апостолов и сами апостолы. Апостолами кроме «двенадцати» считались и другие странствующие проповедники. В иудейской диаспоре апостолами назывались странствующие сборщики приношений на храм. Основа все таки была экономическая.

Про апостола Павла указано в Деяниях, что он проживал в Коринфе у иудея Аквилы, родом понтийца, стало быть тоже малоазийца, как Павел, одинакого ремесла. Аквилу только-что выслали из Рима вместе с другими иудеями, как неимеющих права жительства. Вместе с Павлом они занимались выделкой палаток. Неясно, между прочим, что это было за ремесло, тканье или шитье, и для кого назначались палатки. Можно думать, что это были грубые палатки из черной шерстяной ткани, назначенные для продажи греческим и эфирским пастухам.

Таким образом, Павел по хозяйственному положению был, что называется теперь, бродячий кустарь-одиночка.

Тем не менее, именно у Павла вырывались наиболее красноречивые вопли о праве получать содержание от христианских общин.

«Или мы не имеем власти есть и пить? Или не имеем власти не работать? Какой воин служил когда-нибудь на своем содержаний? Кто, посадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада?» (1 Коринф., 9, 1–7).

Выдержки эти настолько характерны, что не нуждаются в комментариях.

Любопытно, что Каутский другую выдержку такого же рода сопровождает примечанием: «У какого старого члена интернационала не заболит старые раны при чтении этих увещаний» (о необходимости посылать пожертвования и взносы).[\[26\]](#)

Каутский более прав, чем он сам думает. Сравнение между бюрократией партии с.-д. и бюрократией христианской глубоко и правильно. И в качестве возможных результатов роста партийной бюрократии можно отметить, по собственным указаниям Каутского, развитие партийного оппортунизма, поддержание старого рабства, угодливость богатым и влиятельным членам общины, развитие епископата. Итог: партия перестала быть пролетарской организацией. Каутский, разумеется, применяет свое рассуждение только к христианству. На деле развитие обеих политическо-этических партий, христианства и с.-д. имеет одинаковый характер и, очевидно, повинуетя тождественным законам.

Мы встречаем ряд указаний о странствующих апостолах, старых и новых, которые были общинам в тягость и злоупотребляли своим положением. В апокрифе «Учение двенадцати апостолов» находим даже устав: как кормить апостолов, сколько давать; «если останется день или два, тогда он — апостол, а если останется три дня, то это лжепророк. Если уходя лишь хлеба возьмет на дорогу, тогда он пророк. Если попросит денег, то это лжепророк» (Учение 12 апостолов, 11, 4–6).

Не менее беспорядочно и даже предосудительно было поведение пророков в более интимной, половой сфере.

И опять-таки застрельщиком является Павел, с его знаменитым и странным «жалом во плоти». — «Дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтоб я не возносился» (2 Коринф., 12, 7).

«Не свободен ли я? Не волен ли я иметь спутницей сестру как сожительницу, как и прочие апостолы и братья господни и Кифа делали (1 Коринф., 9, 1–5).

Дело идет не о браке, Павел вообще против брака, а о чем-то ином.

Апокриф «Деяния Павла» описывает его странствия с юной красавицей Феклой. Там находим описание наружности Павла, использованное впоследствии художниками и романистами: маленький, лысый, кривоногий, длинноносый, — в общем похожий скорее на ангела, чем на человека. Суждение явно пристрастное.

Приключения Павла и Феклы, даже в дошедшей до нас подчищенной редакции, довольно двусмысленны. Очевидно, жало во плоти, действительно, было связано с фигурой Павла.

Множество других указаний говорят о таких же вольных нравах среди странствующих проповедников. Есть даже такие лицемерные подходы: «Всякий пророк, испытанный и правдивый, который поступает так по отношению к земному таинству церкви, но других не учит делать, что делает сам, да не будет судим вами. Его ждет суд господень» (Учен. 12 апост., 11, 11).

Этот подход повторяется священством при каждом соблазнительном случае, при пьянстве, воровстве, любодеянии: «Священника судите по учению его, дела же его сам господь обсудит».

С другой стороны и в общинах рядом с общением стола вырастает общение ложа. Вопреки общераспространенному мнению, ввести общность жен легче, чем общность имущества. Но с грехами общины апостолы церемонятся меньше, чем с братьями пророками. Так, Иоанн в «Откровении» из семи церквей азийских две обвиняет в блуде и любодеянии в самых недвусмысленных словах. «И пророчицу вашу повергаю на одр вместе с любодействующими в великую скорбь и детей ее поражу смертью» (Откр., 2, 22).

С другой стороны, Тертуллиан указывает: «Мы связаны телом и душой, признаем общность имущества, за исключением женщин. Тут у нас прекращается общность, а у других практикуется и в этом отношении».

Перейду к «демократии».

Можно усомниться, было ли демократическое равенство даже в первой предполагаемой ячейке тринадцати — Христос и 12 апостолов. Христос обходился с апостолами как ласковый учитель с совершенно неразумными детьми. Они проявляли предательство, трусость и тупость, добродетели вполне демократические, но которые демократию не красят. Евангелие отмечает постоянные споры апостолов за первенство, за право сесть выше других, по правую или левую руку Иисуса.

По смерти Христа община сомкнулась теснее. Центральной фигуры не осталось. Петр, разумеется, не мог заменить Христа. Впрочем из ворчливых указаний апостола Павла: «Другие и Кифа», «Явился Кифе, потом двенадцати» (1 Коринф., 15, 5), видно, что Петр выделялся из двенадцати. Выделялись собственно трое: «Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столбами».

Впрочем, Павел обличает и Кифу и «столбов» весьма бесцеремонно. «(Кифа) стал устраняться и таиться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и прочие иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием».

Вместе с ростом общины стал возникать и технический ее аппарат. Так, когда умножились ученики, были выбраны семь человек следить «за раздачей потребностей». — Это были первые дьякона. К ним

присоединились дьякониссы. Далее следовали учителя и, повидимому, судьи. Ибо христианство строго запрещало судиться у языческих судей.

Апостол Павел упоминает целителей и прямо чудотворцев, выкликателей на разных языках и истолкователей этих восклицаний (1 Коринф., 12, 28). Мы знаем, из всей практики христианства, раннего и позднего, что чудотворство было в его среде, можно сказать, простым и обыденным делом. Что же касается кликушества на разных языках (глоссолалия), то оно описывается в «Деяниях» чрезвычайно торжественным тоном.

Надо, однако, отметить, что эти знахарские и шаманские свойства отпали от христианских общинников к четвертому веку и перешли на вновь организованную материальную святыню, распятия, иконы и всякие другие амулеты. Линия чудес в христианстве перешла от живого к мертвому.

Лактанций описывает разгром одного христианского храма язычниками в третьем веке. Там не нашли ничего чудотворного, кроме писания. Но в то время сами христиане творили чудеса.

В связи с оскудением чудотворного духа в общине выдвинулся технический аппарат управления в лице епископов.

Епископ или эпимелет в городах и государствах Малой Азии был муниципальный чиновник, надзиравший за торговлей хлебом и другими припасами. В христианской общине он стоял во главе диаконов. Он заведывал доходами и расходами общины, руководил распределением натуральных и денежных средств. Таким образом епископ был хозяйственным управителем, а, стало быть, главой общины. Так экономика победила чудотворцев и кликушескую глоссолалию.

Вначале епископы жалованья не получали. Для того, чтобы жить, они вели банковые операции, врачевали, занимались скотоводством и ремесленным трудом.

Потом епископ сделался несменяемым и платным и с течением времени стал распределителем значительных богатств. При епископе состоял совет старейшин, ему была подчинена коллегия диаконов.

В общем составилась клир, духовенство, церковная бюрократия.

Быстрыми шагами идет укрепление прежних текучих и шатающихся форм. Общение имуществ заменяется взносами, сперва добровольными, а потом обязательными. Пророки и апостолы сокращаются во всех отношениях. Свободное выкликание и проповедь мужчин и даже женщин сменяется богослужением.

В общине запрещаются разногласия и ереси.

Апостол Павел писал коринфянам: «Слышу, когда вы собираетесь, между вами бывают разделения (*schismata* — расколы, ереси). Надлежит быть разномыслию меж вами, чтоб открылась между вами истина».

Но с третьего века истина уже открылась, она установлена, записана, заключена в канон. Она стала истиной в футляре.

Так организовалась отдельная территориальная община под управлением епископа. От всех прав общины верующих осталось только право утверждения епископа, представленного клиром.

Но и этот правовой пережиток превратился в простую формальность. Остальных должностных лиц просто назначал епископ.

Дальнейшее развитие церкви происходило механически, путем непрерывных сборов и съездов, областных, национальных и также интернациональных. Ибо церковь сохранила свой интернациональный характер. Правда, до падения западной Римской империи она не выходила за пределы греко-римского

мира, но потом быстро передвинулась на север, заняла Европу, потянулась через океан. Восточная церковь еще при расцвете Византии захватила за рубежом славянские народы. В конце концов возникла католическая вселенская церковь, точнее две вселенских церкви, одна побольше и повлиятельнее — католическая западная церковь, другая поменьше, посерьвильнее — католическая восточная церковь.

Это двойное вселенство, всеобъемлемость, деленная на два, представляет конечное чудо, ничуть не меньшее, чем троичный бог, тройной и единый.

Церковь, однако, к четвертому и пятому веку не умерла еще и не окостенела. Она продолжает жить в ересьях и монашестве.

Я упоминал ранее наиболее характерные ереси, из которых иные впитали в себя элемент религий, предшествовавших христианству. Таковы, например, павликиане — богомилы. Другие связаны с расхождением по основным догматам христианского учения, главным образом в области двойственной природы Христа.

Были ереси социального оттенка, пытавшиеся сохранить или возобновить настроение бунтарства. Таковы, например, донатисты в Африке в Карфагенской области IV века, в особенности же их левое мужицкое крыло, так называемые «циркумцеллионы», которые, не имея постоянного жилища, бродили между хижин (*circum cellas*) с дубиной в руках. Этой дубиной они благословляли богатых и инако верующих. В сущности это были обнищавшие и восставшие крестьяне.

Любопытно отметить, что церковь, конечно, при поддержке государства, легко справлялась с такими отрывками старого бунтарства. Средиземный мир очевидно устал, разочаровался в социальном спасении и шел к катастрофе.

На первое место выдвигаются в религии, во-первых, чудеса, в самой неприкрашенной, неблагоуханной форме, начиная от странного евангельского чуда с воскресением Лазаря (Иоанн, 11, 39). Одинаково характерны испуганная жалоба Марфы: «Уже смердит. Четыре дня, как он в гробе» и неумолимый ответ чудотворца Иисуса: «Говорю тебе: если будешь веровать, увидишь славу Божию».

Рядом с чудотворною магией выдвигается теология в собственном смысле. Все это увязало крепко и организовано церковной бюрократией.

Тогда в виде огромного противовеса этой мирской церкви выдвигается монашество.

Глава 21. Начало упадка. Монашество — продукт распада

Это оригинальное движение иные желают объяснить воскресением коммунистических стремлений, которые, потерпев неудачу в городах, были перенесены в пустыню и в этой первобытной дикой обстановке успели создать прочные общины всеобъемлющего и замкнутого типа.

В этом, разумеется, есть значительная доля правды, но не следует следствие выдвигать как причину. Монастыри, например, сберегли остатки полуистребленной классической литературы... Но, конечно, не для этого монахи уходили из мира и основывали монастыри. Поголовное движение в пустыню имело не общинный, а отшельнический характер. Уходили отдельные люди, удаляясь от мира, вообще от людей, в частности также от товарищей монахов, желая быть в одиночестве, в общении с пустыней и природой. Отшельник и игумен это две основные и противоположные фигуры монашества. В настоящее время игумен вытеснил отшельника, но началось, конечно, с отшельников.

Изменилось основное настроение христианства. Христос принес христианство в мир. Он пришел исповедывать его перед миром. И во все дни своего служения он жил и учил в мире. Он самый мирской из всех вероучителей. Душа его здесь, с грешными людьми.

Также и своих учеников и апостолов Христос послал в мир. Это видно хотя бы из его предписаний, данных на дорогу апостолам: «В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему! В доме том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть. Если прийдете в какой город, ешьте, что вам предложат. Если же прийдете в какой город и не примут вас, истинно говорю вам, что Содому в день огня будет отраднее, чем городу сему».

Здесь нет речи о неприятии мира Христом и апостолами. Напротив того, миру Христос угрожает жестокими карами за неприятие апостолов.

Монашество предполагает иное отношение к миру. По учению евангелия мир хотя и зол, но он подлежит исправлению. Именно за это и для этого умер Христос.

По монашескому ощущению мир зол до самого своего корня и исправлению не подлежит. Не в мир надо идти, а из мира уйти.

Обе мировые религии, родственные между собой, буддизм и христианство, пришли к такому же мироощущению, спокойный и пассивный буддизм с самого начала, христианство лишь через три века по основании, на одном из переломов своей извиистой карьеры.

В нравоучительной повести о Варлааме и Иоасафе, индийском царевиче, составляющей один из мостов, переброшенных от буддизма к христианству, это презрение к миру выражено с удвоенной четкостью, как будто одновременно от лица буддизма и христианства. Иоасаф, как известно, и есть сам Будда (Буддисатва); с другой стороны, православная церковь празднует память святых Иоасафа и Варлаама.

Разница между греческой повестью о Варлааме и Иоасафе и легендарной биографией Будды (Lalita vistara) такова: в биографии Будды его жизнь в мире во образе царевича Сиддхарты есть только введение; главная же часть начинается со вступления Будды в пустыню. В греческом сказании, наоборот, главная часть — это жизнь царевича в мире. Его обращение к Христу и уход в пустыню — это только заключительное послесловие и вывод сказания. Греческий рассказ ведется все время в полемическом стиле. Видно, что в сущности ни слушатели, ни автор еще не убеждены, что мир — безусловное зло, и они усиленно стремятся доказать это себе и другим.

И здесь христианство, даже в отречении от мира, активнее буддизма.

Самое типичное место сказания содержит в себе следующий диалог.

Арахес грозит отшельникам смертью. «Разве ты видишь на нас что-нибудь, из-за чего мы могли бы пожалеть об этой жизни?» отвечают отшельники.

Арахес отвел их к царю.

Царь сказал: «Вы проповедники учения, которое внушает людям отвращение от жизни. Я имею право казнить вас, чтоб не опустела земля и народ не покидал бы веры отцов».

Пустынник возразил ему: «Если ты так желаешь, чтобы все наслаждались благами жизни, отчего же не делишься со всеми своими богатствами, не помогаешь беднякам, а, напротив, заставляешь других работать на себя?»

Царь, разумеется, приказал им отрезать языки, выколоть глаза и отрубить руки и ноги. [\[27\]](#)

Мы видим у отшельников тоже бунтарское настроение и враждебное отношение к богатым и сильным. Разница лишь в том, что вместо того, чтобы требовать себе доли в дележе, они отвергают ценность мирского богатства и стремятся подняться над ним.

Исследователи отмечают в греческом сказании довольно неприличный, эротический рассказ о мальчике, который возымел влечение к женщинам, хотя ему их показали под видом демонов, обольщающих людей.

Не менее интересно сличение знаменитой легенды о человеке, повисшем над бездной и ухватившемся за дерево, корень которого подгрызают две мыши, белая и черная, — с соответствующим рассказом из Махабхараты о монахе Джараткару.

Этот монах тоже дал обет не иметь ни дома, ни жены, ни собственности. Однажды, проходя мимо пропасти, он увидел жидкий ствол дерева вирасы. На дереве висели гроздьями души, — то были предки Джараткару, а корень подгрызала острозубая мышь. Ствол уже держался на одной мочке. Предки стали упрекать Джараткару: «Безумец, посвятивший себя покаянию!.. Перегрызенные корни — это наши умершие дети. А единственный корень — это мы. Острозубая мышь — это время. Скоро погибнет под зубами его глупый Джараткару и все вместе мы упадем в забвение».

Из сказанного видно, что и в индуистско-буддийской борьбе здравый смысл и любовь к жизни индуизма предшествовали пессимизму буддизма.

К христианским отшельникам-аскетам перешло не только чувство протеста, но и стремление к подвигам, жестоким и маловероятным.

В житиях святых указывается неоднократно, что поскольку христианство победило и мученикам нет больше места, за подвигами терпения и страдания приходится обращаться к отшельникам.

Цепь повестей и романов героических, но мало вероятных, называемая Acta martyrorum (дела мучеников), оборвалась и вышла из моды. Она заменилась другой серией, не менее интересной, «о монашеских делах», с той только разницей, что эта серия была воображаемая, «искушения святого Антония», в роде мысленного кинематографа. Женщины, битвы, пиры, все это тройное и семерное похоже на дым, приходящее и тут же уходящее. Отшельники, впрочем, делали, что могли.

Постники, затворники, молчальники, заживо погребенные в гробах, одетые цепями и веригами, все варианты самоистязаний были испробованы отшельниками, чтобы сравняться с мучениками за веру.

И образ Симеона Столпника может поспорить в напряженности с Лаврентием страстотерпцем, изжаренным на металлической решетке.

В дальнейшей эволюции отшельник стал превращаться в монастырь, — и понятие «пустыня», рассудку вопреки, совпадает с монашеским поселком: «Оптина пустынь».

Между отшельником и монастырем начинается странная борьба. Отшельник обрывает подражателями и учениками и обращается в общежитие. Он убегает с отвращением дальше в пустыню и опять обрывает жильем. Тут и начинают действовать принципы монастырской кооперации, иначе коммунизма.

Монастырская коммуна находится еще на весьма первобытной собирательной ступени хозяйства. Она собирает пожертвования. Таким образом ее экономика имеет два равноценных источника, «свое» и «чужое». Трудно определить, какой процент монахов может прокармливать в каждой стране покорное крестьянство. В Бурято-Монголии, например, до тридцати процентов всего населения ламы. Они живут работой и хозяйством, платою за требы и сборами.

Ламы живут одиноким семейным хозяйством. Монашеские общины, буддийские в Тибете и христианские на востоке и на западе, ни мало не сумели разрешить противоречие общины и личного брака. Монастырские общины основаны на полном безбрачии членов, мужчин либо женщин. Они, стало быть, в основе своей являются учреждениями искусственными и противными природе.

Также и в египетской Фиваиде, на Синае и на Масличной горе в Палестине монастыри и лавры так размножились, что по словам отшельника Руфина население их равнялось всему городскому населению. В то время города уже были христианскими, а крестьяне оставались язычниками. Язычников даже называли *ragani* от *ragus* — поселок, стало быть — «деревенщина». Монахи составляли в Палестине и Египте третью часть народа. Соседи язычники им не помогали и поэтому монахам приходилось упражняться в посте. Может быть, поэтому они были так буйно и опасно настроены. С четвертого века во всех мятежах и религиозных спорах участвуют монахи.

Между прочим, в Египте, варварское разрушение Серапеума, сожжение библиотеки и пр. совершены по преимуществу монахами по наущению епископов александрийских. Также и убийство последнего философа-женщины Гипатии совершено монахами.

Умиротворение монастырей и успокоение монахов наступило тогда, когда правящие классы и сановники твердо укрепились в христианстве и началась эпоха жертвований и взносов посмертных и заупокойных. Монастыри успели отклонить в свою пользу пять шестых всех церковных сборов и даже епископы пользовались от сборов лишь постольку, поскольку они сами были монастырскими сановниками.

Именно из этой конъюнктуры монастырских удач возникает цветение монашеской культуры, а вовсе не из выгод и успехов монашеского коммунизма.

Венцом монастырской культуры и письменности были, как известно, палимпсесты, старинные пергаменты, латинские и греческие, тщательно смытые и покрытые именами святых и формулами монашеских молитв. При этом неизменно выписывались тщательно заставки и концовки, рисовались цветные миниатюры и прочее. Нам приходится, однако, смывать монастырскую грамоту и выводить на свет слабую тень греко-римской поэзии и философии, задушенных монастырским христианством.

После укрепления сборов и даяний, дальнейший рост монастырей состоит уже не из двух, а из трех актов.

1. Отшельник уходит от мира и строит себе келью. Окрестные крестьяне приходят с дрекольем и злобой. «Зачем пришел ты к нам? Или хочешь владеть нами?» Отшельник изумляется и отговаривается. Но беспристрастный летописец прибавляет в скобках: «И бысть тако».[\[28\]](#)

2. Ученики и подражатели построили кельи, срубили бревенчатый храм и даже весь монастырь обнесли оградой. Стало трудовое общежитие, пример для соседних крестьян и приемник для их взносов.

3. Отшельник сменился уже третьим игуменом. Монастырь разбогател. Вместо деревянного храма вывели каменный. Соседние земли и села, действительно, достались монастырю, частью как дар от богатых, а частью обманом.

Монахи живут на доходы от имений и сборов и представляют в целом класс потребляющий и правящий, занятый молитвой и магией.

Этим заканчивается организация вселенской церкви, как католической, так и католической. Мы с удивлением видим, что церковная организация удваивается и в этой двойственности лежит залог ее прочного существования.

Отнимите у нее монашество, и она превратится, с одной стороны, в англиканство, в так называемую в Англии «высокую церковь» с епископами-лордами, сидящими в верхней палате, одним словом в католическую церковь без папы и католицизма; с другой стороны, на востоке обезмонашенная церковь обращается в нечто неслыханное, в роде картонного домика или в роде игры с оловянными фигурками, с женатым епископом, сидящим на новой церковной платформе вместе со своей новой супругой, может быть, даже с женатым патриархом.

Глава 22. Последние формы христианства. Пастор, последняя подделка и могильщик христианства

Из предыдущего следует, что исторические формы христианства, воплощенные в католичестве и православии, были в сущности формами язычества, преобразованного на-спех и как-то небрежно, сметанными, так сказать, на живую нитку. И в этой их двойственности заключалась их истинная живая сила. Католичество и православие возникли, как известно, из одного корня и развивались рядом. Они если не равны, то равновелики друг другу. Католический папизм совершенно соответствует православно-византийскому цезарепапизму. Различные формы того и другого связаны с раздроблением Италии и с большой долговечностью царства византийского, а далее российского. Литургия и монашество, обряды и иконы восточного и западного православия по существу одни и те же. Главное различие лежит в безбрачии священства. Католическая церковь чуть ли не единственная из мировых религиозных организаций, успела создать себе прочное орудие из многочисленного жречества, оторванного от главных земных интересов и подчиненного центральной дисциплине.

Половину пути в этом направлении успели проделать восточное православие, буддизм и индуизм. Эти три религии имели многочисленное монашество, сосредоточенное в монастырях и спаянное крепкой дисциплиной. Но католичество сумело провести поголовное монашество всех своих служителей вместе взятых. В этом его главнейшая сила, которая до сих пор проявляет железную вязкость и с трудом уступает настойчивому выветриванию времени.

Рядом с этим мы видим, что в политических и социальных бурях православие является пассивным и всегда занимает только оборонительное положение. Так в своей многовековой борьбе с исламом православие вечно было стороной оборонительной, страдающей, и потому потеряло одну за другой почти все свои вековые позиции.

Также и теперь, под вихрем революции, православие является утлой ладьей, потерявшей свое основное кормило и плывущей по волнам совершенно неизвестно куда.

Католичество, напротив того, до сих пор выступает сознательно и организованно.

Другие исторические формы христианства являются перед нами как цепь бесконечных ересей. В том числе и раннее христианство I, II и III веков, эпохи гонений и мучеников, с истинно церковной точки зрения, конечно, является ересью.

Впрочем католичество и также православие не могли до конца подавить эти протестующие ереси. И они выростали снова и снова и тянулись через средние века, включая в себя различные сектантства — восточное и западное, латинское и русское, павликиан и вальденсов, болгарских богомилов и русских хлыстов и духоборов.

Распря правительственной церкви с ересями, в сущности, продолжала распрю язычества с древним христианством. Но языческая церковь победила и она не давала выростать и развиваться дальнейшим формам христианского единобожия.

В конце концов единобожие востока вылилось в форму огромного протеста, называемого исламом. Иудаизм и ислам — это два близких варианта того единобожия, какое было доступно восточной культуре вообще, а может быть, и всей человеческой культуре. Попытка возродить и укрепить христианское единобожие была сделана очень поздно немецким и швейцарским протестантством. Альбигойцы и вальденсы, это, как было сказано выше, последние сектанты, наследники древних разногласий. Лютер и

Кальвин никогда не были сектантами. Это официальные вожди церкви организованной, легальной, идущей с самого начала в союзе с правящими классами, с князьями и королями.

Вместе с тем протестантство, отбросив иконы и догматы, закрыв монастыри и ограбив их имущество в пользу торжествующих князей, отменив безбрачие священства, уничтожив исповедь и прочие таинства и, кстати сказать, для большей безопасности церковных представителей изъязв и вытеснив женщин из близости церковной с исповедником, это протестантство все же должно считаться возрождением единобожия, мало того, первым проявлением единобожия в формах христианских.

Трагедия протестантства состоит в том, что оно могло появиться лишь поздно, даже слишком поздно, в виде какого-то добавочного послесловия к древней христианской мистерии умирающего бога. Возрождение христианского единобожия совпало с возрождением наук и искусств. Лютер был современником Колумба, а Кальвин был современником несчастного Сервета, знаменитого врача и духовного бунтовщика, которого Кальвин благополучно сжег на костре, нисколько не хуже инквизиции. С тех пор и до нашего времени продолжается это нелепое сожительство современной науки с протестантским богословием, какой-то постылый брак, то законный, то даже незаконный и порой переходящий в сварливую дуэль.

На долю протестантства выпало мало Серветов и костров. Руки у него коротки. Последние остатки сожжений и пыток исторически достались все той же инквизиции, католической и папской.

Протестантская позиция остается все время высоко комической, как какой-то вечный сюжет для сатирических журналов. У ней переменных два лица. С одной стороны, попытка «согласования науки с религией», вплоть до отрицания реликвий священной старины, просветления преданий, например, переделки первых глав о создании мира в стиле новейшей палеонтологии и даже в стиле теории Дарвина, а с другой стороны какая-то бабья, болтливая распря с наукой, с той же самой теорией Дарвина.

Высоко характерным и типическим является недавний процесс американского ханжества с теорией Дарвина, получивший название «обезьяньего процесса». Все соединенные усилия всех протестантских пасторов родили для безбожного учителя Скопса лишь штраф в 100 долларов, и трактирщики города Дейтона в штате Тенесси соединенно нажились от всесоюзного наплыва репортеров и просто любопытных. Судилищем было футбольное поле с трибунами на 10 000 публики. В городе была воздвигнута мощная радиостанция, для того, чтобы обслуживать по радиоприемникам внимательные уши всех любознательных ослов американской буржуазии.

Ханжеское выступление превратилось, таким образом, в какое-то платное зрелище, в роде средневековой мистерии смерти Христовой, разыгрываемой и ныне в Амергау, с продажей билетов приезжим англичанам и американцам.

В конце концов протестантство не только не является возрождением христианства и единобожия, а, напротив, представляет полное опустошение и умирание религии, выщелачивание сущности и сохранение формы, приглаженной и очищенной.

Пастор в длинном сюртуке и в белом галстуке церковного покроя с корректной наружностью и университетским образованием представляет фигуру гораздо более нелепую, чем дикий, католический патер в сутане и с требником, с властью над женскими душами и с колючим клубком фанатизма в его собственной душе. Пастор представляет перерождение священника-жреца светское, модернизированное и, должно быть, последнее. Это фигура высоко официальная, без всякого внутреннего содержания.

Можно отметить и то, что иудаизм, приспособляющийся ко всему новому, выработал и у себя реформированную синагогу без всякой реформации и старого раввина в патриархальных пейзажах переделал

в такого же пастора, иудейско-американского, приглашенного и подстриженного и даже, о горе, подбритого.

Пастор моисеева исповедания это двойная подделка, последний социальный узор по древней духовной канве.

Протестантская церковь в сущности не имеет действительного бытия. Это воплощенная идеология мещанства, некоторое дополнение к системе правящих классов, довесок на весах социальных и притом не особенно значительный. Вместо тайной исповеди — открытая проповедь, казенная и жидкая, словно семинарское упражнение. «Обязательные добрые дела», попечительство о бедных, превращенное в тюрьму, африканско-китайские миссии в виде форейторов грядущего сзади европейского капитализма.

Гейне сказал о христианстве новой эпохи, что оно выдает верующим вексель на небеса. Но это относится скорее к католичеству. Протестантство даже не дает и векселя, а ограничивается словесным обещанием. Если католическое христианство является союзником правящих классов, то протестантское не может и того. Оно является лишь голосом тонким и пискливым, эхом зажиточных членов общины, исправно платящих церковные подати. Таким образом, протестантство является организованною формой умирания живого христианства. В этом облике религия скатывается как бы по наклонной плоскости и неизбежно принимает все более светские формы. Переходит в франк-массонство, как во Франции, в обожествление государства, как в Пруссии, даже в американское унитарянство, которое отбрасывает прочь все традиции, легенды и обряды и сохраняет лишь принцип единого бога-творца, но в то же самое время обрастает обрядами и формами типа университета или ученого общества. Из всех христианских религий, даже из всех религий вообще, протестантство наиболее скучная и наиболее ненужная форма. Это оболочка без верна, мякина, летящая по ветру.

Современное христианство, в сущности, давно уже умерло; оно существует по недоразумению.

Не нужно быть пророком, чтобы и теперь предугадать, что уже середина XX века будет датой, конечно, приблизительной, смерти религий западного человечества, непререкаемой, бесславной и даже, может быть, не особенно заметной.

Примечания

1

О священном значении числа три смотри ниже.

2

989 г. (Іоакимъ) Перуна посѣчѣ и повелѣ воврещи въ Волховъ, и повязавше ужи, влечаху и по калу, біюще жезліемъ и пихающе; и въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ и нача кричати... И вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловя сквозѣ великій мостъ, и верже палицу свою на мостъ, глаголя: «на семъ мя поминають Новгородскія дѣти». Его же и нынѣ безумніи убивающесея, утѣху творять бѣсом. И заповеда никомуже нигдѣже переняти его... Пидьблянинъ, иде рано на рѣку, хотя горнеци вести в городъ: «ты, рече, Перунице, досыти еси ѣль и пиль, а ныне поплыви прочь». (Сводная летопись. Составил Л. И. Лейбович, СПб. 1876 г. стр. 92–93.)

3

988 г. (Володимеръ) повелѣ кумиры испроврещи, овы истъци, а другія огневи предати; Перуна же повелѣ привязати къ хвосту и влещи съ горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльем...

Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невернии людье... и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: «аще где пристанеть, вы отрѣвайте его от берега, дондеже пороги проидеть». Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и пройде сквозъ пороги, изверже и вѣтръ на рѣнь, и оттолъ прослу Перуня Рѣнь, якоже и до сего дне словеть. (Там же.)

4

Mary Kingsley. Travels in West Africa, 1897, p. 442–3.

5

Афанасьев. Народные русские легенды. 1859 г., стр. 130.

6

Andrew Lang. The making of Religion. Preface, p. XVI. London, 1897.

7

Prof. I. N. Leuba. The several origins of the ideas of Unknown Personal Beings. «Folklore», vol. XXIII. 1912, p. 164.

8

Свете небесный, роза священная.

9

Афанасьев. Народные русские сказки, т. II. №№ 81, 89.

10

O. Rank. Der Mythos von der Geburt des Helden. Leipzig, 1922, стр. 77–78.

11

Grimm. Deutsche Mythologie, Göttingen, 1835, стр. XVII.

12

Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии. Петроград, 1916, стр. 258.

13

«Этнографическое обозрение», 1912, № 1–2. *Р. Е. Кудрина*. Обряд крещения и похорон кукушки. Стр. 110.

14

Fraser. I. G. The dying God, § 8, стр. 113.

15

Вертеп — род живых картин, изображающих рождение Христа в яслях, с животными, волхвами и пр.

16

Генрих Кунов. Происхождение веры в бога. Антирелигиозная хрестоматия, Киев, 1924, стр. 232.

17

Эдда. Скандинавский эпос. Москва, 1917 г., стр. 111.

18

Emil Lorenz. Der Politische Mythos: Beiträge zur Mythologie der Kultur. Leipzig, Wien, Zürich, 1923, S. 42.

19

Эйнштейн и Религия. М., 1923, стр. 192.

20

Н. Афанасьев. — Русские народные легенды, стр. 39.

21

История канонизации святых в русской церкви, стр. 13.

22

Цитировано из *Фрезера*: «Golden Bough» part 4. (Adonis, Attis, Osiris), 3 edition, London, 1908, стр. 255.

23

Hartland. Legend of Perseus. Vol. III, p. 151, London, 1896.

24

Elliot Smith. Evolution of Dragon. London, 1919.

25

А. Макаренко. Сибирский народный календарь. С.-Петербург, 1913, стр. 71.

26

Карл Каутский. Происхождение христианства. М., 1923, стр. 385.

27

А. Кирпичникова. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков, 1876, стр. 102.

Пример взят из русской летописи.